Э. А. МИРЗОЯН

АРТАВАЗД II

ОГЛАВЛЕНИЕ

АРТАВАЗД II 3

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ 3
Пролог 5
Акт Первый 7
Акт Второй 23
Акт Третий 46
Акт Четвертый 60
Акт Пятый 76

ЧАСТЬ ВТОРАЯ 87
Акт Первый 89
Акт Второй 106
Акт Третий 120
Акт Четвертый 124
Акт Пятый 139
Акт Шестой 150
Акт Седьмой 161
Эпилог 169

АРТАШЕС II 170
Пролог 172
Акт Первый 173
Акт Второй 181
Акт Третий 193
Акт Четвертый 206
Акт Пятый 221
Акт Шестой 232
Акт Седьмой 242
Эпилог 250
ПРИЛОЖЕНИЕ 253
ПРИМЕЧАНИЯ К ТРАГЕДИИ «АРТАВАЗД II» 255
ПРИМЕЧАНИЯ К ТРАГЕДИИ «АРТАШЕС II» 273

АРТАВАЗД II

Моему другу Заку, посвящаю.

(Действия происходят в I в. до н. э., 55-38 г. до н. э.)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Действующие лица:

Тигран II Великий – Царь Армянский, отец Артавазда II.
Артавазд II – Царь Армянский.
Ород II - Царь Парфии.
Митридат III – царь Парфии, старший брат Орода.
Пакор – царевич, сын Орода II и зять Артавазда II
Лаодика Коммагенская - жена Орода II.
Артавазд - Царь Атропатены.
Великий Князь Багратуни-нахарар-венцевозлагатель.
Великий Князь Хорхоруни - нахарар - глава царской охраны.
Бдешх Ахдзнийский.
Великий Князь Ангехский.
Сурен Михранова Пахлава - спарапет Парфии.
Великий князь Васак Слкуни - спарапет Армении и в дальнейшем фактический спарапет Парфии.
Аспахапет Пахлав - Великий князь венцевозлагатель Парфии.
Карен Пахлав - командующий парфянской конницей.
Аршам – военачальник Митридата III.
Силак – парфянский военачальник.
Ахшатра – азат, убийца Красса
Марк Лициний Красс - проконсул Сирийский (император)
Публий Лициний Красс - сын Марка Красса, командующий, авгур.
Посланец Жреца Храма Бэла-Мардука.
Верховный Жрец Храма Митры в Багайариче.
Верховный Жрец Храма Анахит
Верховный Жрец Храма Тира в Армавире.
Верховный Жрец Храма Арамазда в Ани.
Жрец Бога Торка Ангха.
Жрец Митры-Веретрагны.
Матери Ночи.

Образ Бога Тира.
Ясон Траллийский – греческий актер-трагик.
Призрак слепца.
Четыре жреца-прорицателя Тира.
Придворный лекарь Армянского Двора.
Жрецы, актеры, танцовщицы, стражники.
Октавий - квестор Красса.
Гай Кассий Лонгин - квестор Красса.
Марк Туллий Цицерон – проконсул Киликии.
Воины (армянские, парфянские, римские).
Дзайнарку-гусаны, Жрицы-плакальщицы, музыканты.
Нессасалары.
Хор.
Толпа.

ЭПИГРАФ

И у предательства, тщеславие сестра.
Они две дочери у трусости коварной…
И только дерзость в святости ликует.

ПРОЛОГ

(Три Матери[1] ночи всматриваются в медное зеркало, пересказывая увиденное)

Первая Мать Ночи:

Он, умер? Кровь течет, сворачиваясь в ком?!

Вторая Матерь Ночи:

Вино Богов вкусив, мы силами нальемся!

Третья Матерь Ночи:

Он власть отдал и жизнь, разрушился весь дом?!

Три Матери Ночи:

Нет, мы полны надежд, что вновь там соберемся!

(Замолкают)

Тир:

О, рой людской, о тленный плод земной!
Ты нем умом, и в ходе вечно слеп.
Бредешь во тьме прямой стезею в склеп,
И мнишь, что правишь ты в миру судьбой.
Не знать тебе, что плоть, увы, мертва,
А в теле Дух оставил только след.
Живя во мгле, не зришь, а мыслишь свет,
И веришь, что дарует Бог права!
Да, ты творишь, но то, что есть давно!
В повторах разных, ты теряешь путь,
И глуп, и алчен; в мелком ищешь суть,

Не зря, что в Вечном все всегда равно!
Во зле, скорбя, сплетаешь сеть дорог,
Влекущих смерть, ведущих в бездну, в ад!
В борьбе своей ты горд, а крови — рад!
Так, знай! Ты есть, покуда есть твой Рок!

АКТ I

(Конец осени, начало зимы 55 г. до н. э Действия происходят в различных местах Армении и Парфии)

Сцена Первая

(Армения, княжество Ахдзник. Тигранакерт. Дворец Тиграна Великого. Старый полу-ослепший владыка один в покоях. Смотря вдаль, Царь удрученно вспоминает, ожидая сына Артавазда II)

(Входит Артавазд II - соправитель)

Артавазд:

Я знаю, ты послал гонца, отец.
Прости меня, не мог я подле быть.
Я Тиру странный сон желал открыть...
И вижу, ты достал большой ларец.

(Тигран, облокотившись о подлокотник массивного кресла, устремляя взор вдаль, говорит отрывисто)

Тигран:

Известно мне, что ты отъехал в храм,
В обитель Тира; Музе только служишь.
Нет, я не против. Помни, все погубишь!
У Трона, Власть свою отдашь врагам.
Уже не молод ты, а Время слепо.
Подходит срок, и вскоре я умру…
Я, Трон и Власть тебе, мой сын, даю.
Прими же Меч, Венец, Печать. Все, это![2]

(Указывая на большой золотой кованый ларец, и Большой Меч)

Артавазд:

Меня пугает твой настрой отец!
Ты Воин! Жрец Державы, Светоч Бога!
Зачем в глазах твоих, о, Царь, тревога?

Тигран:

Мой сын, я вижу скорый свой конец!

(Тигран, облокотившись о подлокотник массивного кресла, устремляя взор вдаль, говорит отрывисто)

Тигран:

С тех пор, как я взошел на Царский Трон,
Вмиг стал питать одну мечту, мой сын.
От той мечты взлетал священный дым,
Не зрел, увы, что это страшный сон!
Корят меня все люди, весь мой род!
А боль мою не примет вечный дух!
Надменным став, теряешь сердцем слух,
И множишь долг Богам из года в год!
Да, я достиг пределов всех земель,
Восток поверг я в жар от трех огней,
И наш Престол сиял, как светоч дней;
Пылал Венец, одну я видел цель!
Она одна в груди копила яд,
И ум, объяв, держа в тумане власть,
Убила все! Оставив только страсть,
И страхов серый, мрачный, жуткий ряд!
Гнетущий Рок! Слуга людских всех дел,
Слепой палач, бесстрастно нас разишь;
Чужак родной, за нами вечно зришь,
В миру же мы бредем, как Ты велел!
И глух к мольбам всех тех, кто пал во зло,
Незримой нитью Ты опутал Мир!
Готовишь всё для смерти пышный пир,
И после жизни ставишь нам клеймо!
Лишь только Разум наш лучом взойдет,
В Тебе-слепце, великий глаз горит,
Во глуби тайных вод Он нас лишь зрит;
Всех наших судеб, жизней бурный ход.
До Срока мы, как дети, все в игре,
И ложью, болью, все сплетаем суть.
Но счастьем, блудом, множим грязь и муть,
Смеша Богов в своей слепой борьбе.
Увы! "Все, бренно...", правым был мой дед -

Владыка грозный, гордый Царь армян[3] ...
Пусть спас меня мой Рок от пут парфян[4],
Увы, не стал мудрей от прежних бед.
А ныне, глухо все! Одна лишь тьма,
И камни — стражи вижу я вокруг,
Как Идол стал средь алчных к злату слуг,
И сердца Чаша вся уже пуста!
Как жалок тот, кто в мощи был рабом
Врагу подобный! Мужем был скупым,
Жестоким жалким! В страхе став больным,
Сгубил детей родных своим трудом!
Я был глупцом, Владыка Понта — прав!
И долго, зла не чуя, месть вершил.
В единстве с тестем, рано меч сложил,
Теперь, один корю себя за нрав!
Волчицы вид пугает двух Орлов,
И Солнце блеском, множит власть Луны[5]!
Боюсь, что Рим сожжет Престол страны,
Его Огонь питает тьма голов!
О, Боги! Пал мой Хайк[6] - Великий край!
Одних надежд, пустой и мертвый ряд,
От боли в сердце, только тусклый взгляд;
Одни мечты, узреть туманный рай!

(Отрешенно заключает)

Умру в тоске, печаль проявит лик!
Прощай же Царь, вина меня гнетет!
Я Духом жду Зарю. Она, взойдет...
Но вижу, что Закат вдали возник!

(Откидываясь на спинку кресла, царь смотрит вверх, тяжело дыша, пытаясь, что-то сказать)

(Артавазд в ужасе пятится к выходу, призывая на помощь)

Артавазд:

Сюда, жреца, врача, скорей зовите!
Отцу – Царю Тиграну хуже стало!
О, Боги! Все темно и света мало!
Огня! Огня, молю, быстрей несите!..

(Вбегает стража, слуги, входит лекарь, чуть позже входит Жрец Тира)

Лекарь:

О, Светлый Царь! Владыка наш в ударе,
Худая кровь — пустить ее нам нужно.
Воды горячей, окна настежь — душно!
Он жив пока, Богами час подарен.

(Обращаясь к слугам. Вносят серебряную чашу, кувшин с горячей водой. Лекарь приступает к кровопусканию)

(Артавазд отходит в сторону, он мрачен и отрешен. Рядом, Жрец Бога Тира)

Артавазд:

Вот кровь отца… вот кровь Царя царей!
Увы, и кровь не смоет все долги.
О, боль, о, страх, о мрак, везде враги.
Не смоет кровь обиды прежних дней.

Жрец:

О, бренный мир – горнило судеб наших!
Обманчив блеск твой, ложен грозный мрак!
И луч щедрот, и твой предсмертный знак,
Лишь копят опыт тайны Древней Чаши!
В одном полете слава, страх, паденье,
Не зрим мы их. Ведь мы в миру слепцы,
Мы верим только в случай, блажь. Глупцы,
Желая все схватить в одно мгновенье.

(Царь удаляется в сад)

Сцена Вторая

(Внутренний Сад Дворца. К Артавазду подходит Жрец Бога Тира)

Жрец:

Прими Владыка, ты теперь один.
Отцу Царю не в силах мы помочь.
Лишь слуги Тира смерть отгонят прочь,
В их власти сон и тайны всех глубин!
Однако нам не время слезы лить.
Дождемся часа, время нас обяжет,
Надежда в нас одна — она прикажет,
Мы будем долго ждать и горько жить.

(Артавазд отводит Жреца вглубь сада)

Артавазд:

Мой добрый жрец, желал еще вчера,
Поведать я о страшном моем сне,
Который ночью будто снился мне,
Пусть спал, но я, метался, ждал утра.
Зловещим был тот сон, ужасный, странный,
И мрачен был, и также очень ярок.
Когда ж очнулся, то свечи огарок,
Потух в ночи. Вмиг разум стал туманный.

Жрец:

Все тайны снов познать и тайны мысли,
Великий Тир позволит нам едва,
Но ты поведал сам, раскрыв уста;
Скажи, все Царь. Слова твои зависли.
Я, мыслю, что смогу понять твой сон,
И верно суть его тебе скажу,
За ходом слов, владыка, я слежу,
Ведь, в тайне сны таят Богов Закон.

Артавазд:

Я сон узрел, как будто надо мной,
Весь свод небес пылал, огнем багряным.
И три червя с усердьем жутким, рьяным,
Себя же грызли. Кровь текла рекой.

Среди огней узрел я странный ход:
Как ветер дикий в тучах, с лаем, с боем,
Неслась толпа калек, сметая с воем,
Весь Мир людей, как сила горных вод.
А я стоял. Застигнут был врасплох,
В оковах тяжких, весь в цепях из злата,
И слышал я: «Узри! Твоя расплата!
Уже, не Царь ты, чувствуй ада вздох!
Теперь ты сир, вокруг одна лишь смерть;
И чернь толпой теней ликует ныне,
И ради злата все предаст пустыне;
Ты зришь теперь, нависла Неба твердь!
Последним стал ты Царь. Венцом и Властью.
Увы, но сын твой будет долго мстить;
За честь твою, не сможет он простить,
И сам погубит Трон отцов он, страстью!»[7]
Такую речь я слышал, в жаре рдея,
И мой хитон от этих слов живых,
Отвергла плоть среди теней немых…
Я ж стал, как идол, молвить слов не смея!

Жрец:

Владыка мой! Увы, печальна весть,
Но слово дал, раскрою то, что знаю...
Так, жизнь твоя, одна борьба по краю.
За Трон, Венец, за кровь твою и честь.
Средь трех червей Держава наша гибнет:
И Рим, тот первый червь. Жесток и алчен
Губитель он всего, на вид он мрачен,
Но Путь его весь Рок святой постигнет.
Второй же Червь — Парфян лихих Держава,
Хитра она, как лис, как тигр, как змея.
Все стелет мох, но все ж жестка земля,
И душит всё. Она жадна, как жаба.
А третий червь, твои, мой Царь, князья,
Сильней тех двух, Державы плоть грызут.
Но Славу их, увы, в веках сотрут;
Их ждет, поверь, не лучший Рок-стезя.
Все три Червя дерутся меж собой,
Но яд их губит цвет и землю нашу,
Не пей до срока, друг мой, Тризны чашу,

Не смей пока коней готовить в бой!
Толпа калек — толпа печальных дел,
Всех стад людских от древних тех колен:
Народный гнев же — смрад и дым, и тлен
От крови, бойни, глада, мертвых тел!
Ты слышал Глас, то Глас от сердца, Духа.
Лишь Он один твой Бог и твой Судья,
Лишь в нем вся правда. Ты, услышь себя,
Вновь встав с колен, иди по строю слуха.
Настанет срок, мой добрый Царь, поверь,
Ты вскоре вступишь в стан твоих врагов,
И Смелым будь, и будь всегда готов
Принять удар! От гнева, боль теперь.
Наш путь решен, и пройден был давно.
Живя, скорбя, стоим всегда у края.
В земной юдоли роль свою играя,
Мы вторим ходу Духа! Все равно...

(К Артавазду подходит лекарь)

Лекарь:

Прости меня за дерзость, Царь великий.
Мне жаль, Владыка, весть моя печальна.
Отец, ушел! Болезнь была фатальна...
Таков уж Рок! Ужасный Рок безликий!

Артавазд:

(задумчиво и скорбно)

Он знал, что смерть близка и тихо бродит,
И ждал ее, как ждут письма, ответа.
Он знал о том, желал в мечтах рассвета,
Но всех людей ко сроку смерть уводит.
На башню Хуш[8], возложат труп отца,
И Тира Псы его сподобят к жизни,
И Дух спасут, а нам даруют тризны,
И скорбь сотрут они с его лица[9].

(Лекарь и Жрец удаляются, отвесив поклоны)

Сцена Третья

(Великая Армения, провинция Высокая Армения. Ани-Кемах в области Ериз-Екелац. Родовая усыпальница Ервандидов-Арташесидов[10]. Процессия подходит к скальной гробнице. Нессасалары[11] делают последние приготовления. Поют плакальщицы и дзайнарку-гусаны[12]. Жрец Бога Тира, Жрец Торка Ангха, Жрецы верховных Богов)

(Траурное шествие жрецов. Факелоносцы, Трубы, волынка, кимвалы, барабаны, гусаны, плакальщицы).

Гусаны:

О Муже великом нашем, плач подымается,
О Владыке могучем печаль да стенания.
Ты покинул нас, Царь и оставил страдания,
Среди темных теней твоя Жертва рождается!

Плакальщицы:

Грозно в трубы гремят, бьют в барабаны,
Славы достоин — великий воитель.
Он ушел от нас, оставив обитель,
В сердцах же теперь глубокие раны.

О, Боги во Славе! Грозные в Мудрости!
В скорби и волею в Духе все множится!
Пусть же и плач к нашей Песне приложится!
В мощной литании скинем все трудности!

Солнце вновь тусклое, в свете печальное,
В хладном тумане, по небу проносится.
Радость исчезла, вновь Слово прощальное,
Белою птицею к Пламени просится!

Гусаны:

О великом отце нашем, плач подымается,
О владыке державном в скорби терзания,
Он покинул страну и поверг нас в рыдания,
Но из пепла телесного жизнь разрастается!

Он в деяниях славных — подобен святителю.
И земель покоритель, и пастырь народов.
В городах был строитель могущества сводов.
Он подобен Богам и подобен спасителю.

(Вступают Жрецы по старшинству Богов. Жрец Бога Торка Ангха, в присутствии Жрецов, поет скорбную литанию Духам).

Жрец Арамазда:

Да, свершается Воля Бессмертных,
Пусть ведут его Светлые Боги!
Отворив перед ним все Чертоги!
Помогая всем, в тайнах заветных!

Жрец Анахит:

Освяти, о, Великая Мать!
И укрой его тонким Покровом!
Дух наполни молитвенным словом;
Помоги ему Путь распознать!

Жрец Митры:

Освети же, Блаженное Солнце,
Будь заступником на Переправе,
Защити в светоносной оправе!
Охраняя от Лжи его сердце.

Жрец Тира:

Путь его пусть пройдет он достойно!
Прочно стянут над Бездною Мост! [13]
Но над Пламенем Путь тот не прост,
Пусть хранит его Сердце спокойно!
О златые в огне Аралезы,
Охраняйте его от напасти,
Отгоните всех демонов страсти,
И рассейте все ложные грёзы.

(Нессасалары приготавливают для возложения

забальзамированного тела Царя на возвышение. Поют скорбные песнопения).

Гусаны:

О великом Царе нашем, плач подымается,
О Владыке нашем и печаль, и стенания.
Он покинул наш мир и оставил страдания,
И Великая Слава к Богам возвращается!

Он в деяниях светлых — подобен святителю.
И земель устроитель, и наставник народов.
И во храмах даритель могущества сводов.
Он наследник Богов и подобен спасителю.

Плакальщицы:

Грозно в трубы гремят, бьют в барабаны,
Славы достоин — великий воитель.
Он ушел от нас, оставив обитель,
В сердцах же теперь глубокие раны.

О, Боги во Славе! Грозные в Мудрости!
В скорби и волею в Духе все множится!
Пусть же и плач к нашей Песни приложится!
В мощной литании скинем все трудности!

Солнце вновь тусклое, в свете печальное,
В хладном тумане, по небу проносится.
Радость исчезла, вновь Слово прощальное,
Белою птицею к Пламени просится!

Гусаны:

О великом отце нашем плач разрастается!
О владыке державном в скорби литания,
Он покинул нас, повергая в рыдания
Воскурения дым к высотам вздымается!

(Все умолкают)

Жрец Торка Ангха[14] (возносит литанию):

Зову я в Судьи Лики Смерти,
Великих Демонов всесильных!
Огнем губительным обильных,
И буйных, словно круговерти!
Вы Слуги Тьмы, Владыки мертвых,
Ведущие к Освобожденью!
Вы, шедшие за мрачной Тенью,
Живущие в скрижалях стертых!
Явите Силы Воинств Ваших!
Свершится Древнее Гаданье,
Рождая страшное звучанье,
Что раздается стоном павших.
Весь мир во мраке погрузился,
Разверзлись в скорби Небеса!
И предков наших голоса,
Умолкли! Ужас воцарился!

(В исступлении, читая заклинание)

И да отступят воды от Земли,
Как Воздух испарится из нее.
Огонь взметнись в пристанище свое,
И Дух Царя к высотам вознеси!

(Останки Царя вносят в усыпальницу и запечатывают. Воздается Жертва с Тризной Духам Предков).

Сцена Четвертая

(Парфия. Опис[15]. Царский дворец. 55 г. до н. э. Во внутреннем саду царь Ород II, Лаодика[16] и Аспахапет Пахлав[17]).

Лаодика:

Да будут славны дни твои Владыка,
Великий Царь, твой Фарн в лучах блистает.
Держава наша силу в мир являет,
Велик Ормазд, могуч и скрыт от лика[18].

Ород:

Наш старый враг и бывший пленник наш,
Ушел навек, свой Дух отдав Богам.
Суров он был в делах к своим врагам,
Но умер старый, дряхлый, грозный страж.

Аспахапет Пахлав:

Теперь же сын властитель гор Армянских,
Пусть он не слаб, сильнее был Тигран;
Его удел среди подвластных стран
Мы можем зреть, владыка нив Парфянских.

Ород:

О, Князь, ты жди, мечты свои упрячь.
Тигран великим был, но сын – умен.
Он, Царь, как я, над ним и власть имен!
В делах он робок, что ж, но все же, зряч.

Лаодика:

Но месть питает он, и в этом — сила.
Коварен Царь армян в своих делах,
Лишен ли гнева, спеси, нем во снах?!
Он правит статно всем! Отдаст удила?
Страна его опасна, Царь царей!
Она, как меч висит, ужасна с виду
Ее князья, питали к нам обиду,
Копя всю мощь средь гор, долин, огней!
Тигран, как хищник был, стращал родных,
Подобный деду, он мечтал о Власти.
Удел родной предал он жадной страсти,
Все взял, все отнял, мертвым дал живых![19]

Ород:

Но Царь армянский горд, не станет плакать;
С укором смотрит он на алчный Рим,
Возможно, вскоре, мы друзья узрим,
Как сын Тиграна, гнев свой станет прятать.

Вы правы в том, что враг он родом, делом,
Но лучше враг такой, чем слабый друг.
Лишь Рим мешает нам, сжимая круг,
И душит нас уже на свете белом!

Лаодика (уходя в свои покои):

Умен Армянский Царь, силен, обучен.
Его мечта – достичь Тиграна славы,
Не зреть ему побед своей державы,
А в дружбе Рим Владыке стал уж скучен.

Аспахапет Пахлав (в сторону, язвительно):

Слова мудры, а Боги все рассудят.
И наш удел – лишь ждать, моля о благе.
Но лучше мысль о бранном нашем стяге,
Его лучи в огне героев будят!

Ород (обращается к Пахлаву):

Скажи Пахлав, ты болен? Мрачен ты.
Терзает дум мирских тяжелый ряд?
Подавлен вестью ты, и хмуришь взгляд,
Иль давишь страх и мысль, но ждешь мечты?
Умен ты, князь, но хладен — в сердце лёд.
И хлад твой душит чувства, душу, ум.
Я знаю, ты не любишь лишний шум,
Но тяжесть, князь, гнобит, и губит взлёт!
Слова, дела нельзя предать ветрам,
А мыслей нить нам дарит верный путь.
Поверь мне, в чувствах также будет суть;
И тем ты в цвете скрасишь блеклый храм!

Аспахапет Пахлав:

Ты прав, Владыка мрачен в мыслях я!
И чувства ныне в сердце стон являют,
Они о старом горе мне вещают,
И знаю, гложет душу страх не зря!
Да, память остро ранит сердца струны.
Задачи три, теперь терзают дух.

От этих дум мой ум, поверь, затух.
Увы, нельзя беспечно жить, не юны.
Прости, за дерзость, ты же скорбь испил,
Велел помочь в делах державы нашей,
Вопросов сложных рой не будет страшен,
Молю лишь Митру, дабы Свет излил.
Тебе известны три задачи наши:
Твой брат, спесивый Рим и Царь армян...
Решив их, мы избавим край от ран,
И страх не станет полнить ядом чаши!

Ород:

Известно, старший брат мой, кровный враг.
Да, с ним, избавил древний царский трон,
Не думал я, что он презрит Закон,
Предав Державу ради пестрых благ!
Плетет интриги, дерзкий брат-злодей,
Грозит войною с Римом нам давно.
Мне нужен мир, пусть нам и сил дано,
Для блага всех должны беречь людей.
Не можем ныне мы пойти на Рим,
Вопроса два преградой служат нам.
Готов дарить я жертвы всем Богам,
Пока ответы в сердце мы не зрим.
И тонкий острый ум украсит дух,
Поможет он рассеять в сердце мрак.
Сверши во тьме без страха первый шаг,
Без Света Бога будешь слеп и глух!

Аспахапет:

Хозяин, Царь благой святой Земли!
На три вопроса, дам свои приметы,
С добром прими, прошу, мои советы,
Приняв во Благо их, Богам внемли!

Ород:

Их Горний Свет не меркнет, вечен он,
Являя Путь в сердцах слепых людей,
Святых Лучи всем дарят сонм Идей,

Таков наш Мир, таков в Огне Закон!

Аспахапет:

Ответы, нам укажет грозный Рим,
В том суть, как мыслю я, о, Царь парфян.
Сотрем мы смело вскоре тот изъян,
Что мы в пути державы светлой зрим.
Твой брат всегда, подмоги ждал от Рима,
Но Рим не дал ее, страшась войны.
Мечтал твой враг, робел и видел сны,
Узрел не помощь он, а тень от дыма!

Ород:

Опора Трона – наш Михран Пахлав!
Я вести жду его, что град падет;
Его измором вскоре он возьмет.
И враг смирится, гнев Богов избрав.

Аспахапет:

Царя армян к союзу ты склони,
Он зол на Рим и жаждет кровной мести,
Нужны нам силы войск и старой лести,
Для блага Трона, ты и ложь прими!

Ород:

Ты прав, мой князь, и мудрость слышу я.
Покой важнее нам. Державе - мир!

(Ород, желая завершить беседу, провожает Пахлава).

Ород:

Ступай, мой друг, молись Владыке Митре.

Аспахапет:

Пойду. Прощай, мой Царь царей великий!

(Аспахапет, кланяясь, уходит. Ород, один)

Ород:

Удачен пред Богами выбор мой?
Не знаю! В сердце боль и тайный страх,
А слабость держит ум в стальных руках.
В войну вступить? О, Митра, душит зной!

(Удрученно закрывает лицо руками)

Конец I Акта.

АКТ II

ПОСВЯЩЕНИЕ[20]

(Конец зимы, начало весны 54 г. до н. э.)

Артавазд в подземных залах пещер урочища Бога Митры в Багайариче.

Сцена Первая

Иерофант Митры:

Готов ли ты узнать великий Путь?
Тебе он выпал, будь смиренным, Царь!
Ты ищешь Мудрость? Знай же, предки встарь,
Ее от толп хранили. В этом суть!

Артавазд:

Сомкну уста свои Златой печатью,
И тайн Богов не выдам славный Жрец,
Нарушив клятву, брошу я венец,
Паду рабом я слабым, перед ратью!

Хор:

Да, будет!

Иерофант Митры:

Так знай, что Грозный Дух и Мрак пожрут
Тебя за слово, думу, страх, корысть!
Пусть псы, гиены станут кости грызть,
А в плоть гнилую черви все войдут!

Хор:

Да, будет!

Артавазд:

Согласен! Если сам предам — погибну!
И память канет в Лету, мглой покрывшись!
Печаль спадет, иссохнет, вся излившись,
Но если буду жив — в позоре сникну!

Хор:

Да, будет!

Иерофант Митры:

Да, будет та печать ярмом гореть!
Она скрепит уста все ото лжи!
Живи во славе, в страхе ты дрожи!
Предатель будет в муках боль терпеть!

Хор:

Да, будет!

Круг Ворона

Хор:

О, Мать Земли, открой свой скорбный лик!
Твой вестник ждет, даруй же пищу мертвых,
Ее живые видят в скалах стертых!
Явись Богиней ты на краткий миг!

Иерофант Митры:

Ты зришь ушедших предков тени ныне,
Они чредой перед тобой проходят.
Они молчат. Лучи их скорбь наводят,
Но сердце чует хлад. Оно в пустыне.
Узри же, вникни в суть и вспомни всех.
Отца и мать, и дедов грозных вспомни!
Раскрой же сердце, знай, услышь, наполни

Всю Чашу, сын! Ты чуешь связь из вех?!

Хор:

То мертвых путь, влечет во тьму живых,
Но ворон зрит, в веках слагая сказки!
Зовет на тризну он, но тусклы краски,
И память спит в сердцах, в умах родных!

Иерофант Митры:

Ты Ворон черный, Древний Узник Храма!
Восстань из пепла. Клич рассвет священный.
Ты знаешь предков. Помнишь путь нетленный...
В кругу теней проходит эта драма!

Хор:

Ты, Ворон! Каркай! Крик разбудит спящих!
Махай крылами! Ветра дай умершим!
Познавший смерть, увидит мир истлевшим!
Прими же Власть от нас, в лучах горящих!

Иерофант Митры:

Венец на Меч! К челу скорей подайте!

Артавазд:

Слуга, я! Царь мой, Митра — Бог Отец!
Его лишь Власть! Его святой Венец!

Хор:

Гремите в горны, гимны все слагайте!

Иерофант Митры:

Тиару с блеском, в дланях я держу,
Прими ее и стань Владыкой Мира!

Артавазд:

Мой Царь лишь Митра! Жду его я пира,
Я в духе, в мысли трезв! К Отцу спешу!

Хор:

Ударьте в медь! Волынок звуки, громче!

Иерофант Митры:

Надень корону, стань подобным Богу!
Держава ждет! Враги у врат скопились!

Артавазд:

Враги слабы, глупы. Они смирились!
Иду я к Митре! Он открыл дорогу!

Хор:

Хвала ему! Он в третий раз отрекся!
Готов пройти теперь и Круг Второй!

Иерофант Митры:

Ликуй во Славе Солнца Бог Златой!
Избранник твой в Священный путь увлекся!

Круг Скрытого

Хор:

Туман! Сойди, сокрой от взоров мир!
Виссоном скрой нагую святость Моря,
Яви Любовь, спаси же всех от горя,
Даруй Светилам пышный светлый пир!

Иерофант Митры:

Наряд наденьте новый. Скройте лик.

Предстал в чертогах малый добрый отрок.
Он светел, юн, силен, прекрасен, кроток,
Блистай во цвете жизнь. Забил Родник!
Пребудь в тумане, тайной мысль укрой,
Страстей своих полет уйми без страха,
Их шум и гам готовят кровь для праха.
Зовет на бой чудовищ жутких вой.

Хор:

Нагим предстал юнец прекрасный! Пойте!
Шелка несите. Ткань укроет святость.

Артавазд:

Покорный я, во мне царит лишь Радость!

Иерофант Митры:

Печаль сожгите! Медом плоть омойте!
Звездою Утра Мудрость в мир пришла!
В Огне вода, ликуя, путь нашла!
Заприте чернь, и грязь от мира скройте!

Хор:

Святейший Свет, являй над нами Благость!
И отрок, зная путь, хранит Любовь!
Младая, яро в нем играет кровь,
Очертит суть всех чувств. Даруя сладость!

Иерофант Митры:

Он сердцем чует Мысль! Благая Мать!
Яви Прекрасный Лик в тумане светлом!
Вот твой жених. Окутан ныне ветром!
Он входит в Третий Круг! Видна в нем стать!

Круг Воина

Хор:

В крови пребудь, то кровь – роса блаженных.
Огонь даруй, твори из камня Воду.
Твой ярый Крест разбудит всю Природу,
Великий Сын, явись творцом нетленных!

Иерофант Митры:

Готов предстать перед Владыкой Света,
И тьмы преграды волей мощной свергнуть?
Огонь в груди твоей не должен меркнуть!
Он есть твой щит и меч! Я, жду ответа!

Артавазд:

Я, Воин Митры! Он мой Царь и Бог!
Он взором грозным в тайне суть явил,
И щедро Воду Жизни в нас излил!
Весь Мир Его, Златой Святой чертог!

Хор:

Он, ждет Приказа! Сердце жаждет Правды!
О, Царь всех Таинств! Длань свою подай!

Иерофант Мирты:

О, будь же стойким! Волей вступишь в рай!
Ваагна луч откроет Путь отрады!

Хор:

Хвала Ваагну! Он Грозой сияет!

Иерофант Митры:

О, Воин! Встань! Срази Огнем дракона!

Хор:

Он, Воин Митры! Он слуга Закона!

Но жив Дракон и пасть во мгле зияет!

Сцена Вторая.

Круг Льва

(Подгорные крипты в Багайарыче)

Хор:

Он Круга Три прошел Владыка Мира!
Прими его под полог в яркой славе!
Готов он стать и Львом в Твоей Державе,
Светило в Злате полнит Цвет Эфира!

Иерофант Митры:

Восстань творец, и взор свой кинь на своды!
Что зришь во тьме, в глубоких недрах храма?

Артавазд:

Я вижу звездный путь. Святая драма!..
И сердцем зрю великий дух свободы!

(Перед взором Артавазда в кромешной тьме предстают освещенные движущиеся очертания звезд и светил с Солнцем в центре)

Хор:

Исчезни Мрак! Святое Время правит!
Вот явлен Бог, он старый лик сменяет;
Теперь Юнцом в Пространстве он сияет.
Прекрасен он и только Солнце Славит!

Иерофант Митры:

В Венце Светило ход вершит в убранстве,
Теперь оно лишь правит нашим миром.
Ты станешь Львом! Не будешь ты кумиром!

И грозный, громкий рык взгремит в пространстве!
Так стань ты Львом Пустыни с видом грозным!
Царем над людом! Шествуй властно, мощно!
Отныне будь один! Держись же прочно.
И станет путь земной проходом звездным!

(Вся пещера превращается в одно космическое пространство)

Артавазд:

Я Власть приму, избрав Венец Терновый!
Ведь Власть и Жертва две сестры родные!
Их делят только страсти все дурные.

Хор:

Явился в Мир могучий Пастырь новый!

Иерофант Митры:

Предстанет Пастырь в Круге Пятом, знайте!
Как Лев Пустыни в жертву дал себя!

Хор:

Хвала Отцу! Дарует трон любя!
Ликуйте в Духе! Митре честь воздайте!

Круг Доброго Пастыря (Арьямана)

Хор:

Блистай Звезда, яви свой грозный Лик.
К Скале великой тропы ты открой!
Пусть Пастырь добрый путь проложит свой,
Хранитель многих стад в миру возник!

(Вся пещера превращается в одно космическое пространство, после чего вся картина собирается в один большой кристалл – Додекаэдр, из которого выявляется Икосаэдр, из него - Октаэдр, после – Куб, переходящий в Тетраэдр. Артавазд видит, как

Тетраэдр превращается в скалу, в которой по углам вспыхивают три Огня, смыкающиеся в вершине Тетраэдра)

Иерофант Митры:

Явись же Митра! Камень Светом режь!
Разбей Скалу! Взорви великой властью.
Рожден в Огне Водой, могучей страстью,
Раскрой же Грот, пробей Лучом в нем брешь!

Хор:

Узри Царя! Звезда над ним сияет!
Всех тайных сил Он грозный Бог хранитель!
Дарует Жертву нам в Миру Спаситель;
Телец Святой под мощью Митры тает!

Иерофант Митры:

Заколот Бык, погибла плоть и страсть.
И Пастырь Новый в мир приносит свет,
Прекрасен он и юн, хранит обет;
Так Новый День взошел, уйдет напасть!
Пал Древний Тур! Овен рога вознес!
Огонь от Солнца сор Земли изъел.
Взлетел орел – хранитель древних стрел,
Вперед стремится Митры верный пес!

Артавазд:

О, Бог! Услышь! Я зрю Твое господство!
И сердце Мысль Твою хранит, Господь!

Иерофант Митры:

Блажен ты, Пастырь, видишь Бога плоть!
Узнай теперь и Митры с Солнцем сходство!

Хор:

О, пойте! Он допущен в Круг Шестой!

Круг Гонца Солнца

Хор:

Умолкни разум, сердцу свет подай!
Узри Его, Он Царь всех таинств Мира!
В его лучах сверкает Солнца лира,
Почувствуй Тьму, лишь Тьма проявит Рай!

Иерофант Тира:

Спеши Гонец! Держи свой факел выше!
Отец тебе доверил Весть нести!

Артавазд:

Я зорким буду! Я, готов спасти
От тьмы уделы. Дэвы стали тише!

Иерофант Тира:

На страже стой Гонец и бейся с тьмою,
Гори Огнем, страдай во имя Света,
Познавший Мир, узнает суть ответа,
Вкусивший Власть, Ты правь своей судьбою!

Артавазд:

Я, помню: слабость наш слепой порок!
Восстав из тлена, в силе Мысль явлю!
О, мой Господь, Тебя, Отец, люблю!
Вступлю во Свет, как Твой святой пророк!

Иерофант Тира:

Да, будет Свет ему благим покровом!
Гонец, свети! Огонь Блаженных Вечный.
Даруй любовь! Ты видишь путь тот Млечный?
Любовью явлен Он в тумане новом!

Артавазд:

Постиг я тайны Звезд Благой Отец!

Хор:

Он в Круг Седьмой войдет во имя Митры!

Круг Отца Митры

Хор:

Замрите тени, Дух явился скрытый!
Светила стройно, в круг сомните силы!
Падет и мир, обрушив все могилы,
Взойдет Отец, в среде людей забытый!

Иерофант Митры:

Узнайте Мысли ход! Слова — мертвы!
Готовьте жертву в страшный путь загробный!
Прошел он Шесть Кругов, но этот — скорбный
Откроет суть и Лик его Судьбы!

(Наступает священная трапеза. За каменным алтарем сидят жрецы. В центре Иерофант Митры, напротив него Артавазд в окружении переодетых в облачении семи персонажей)

Хор:

Вода излейся кровью в Чашу Бога!
Явись же плотью хлеб, во славу пира!
О, Скорбный Пастырь, правишь тризной мира!
Избранник ждет! Одна ступень порога!

Иерофант Митры:

Воссядем вместе братья, Боги с нами!
Вкусим же плоть и кровь Владыки Сына!
Познаем мир, узрим же в чем причина,
Но смертный род все мерит жизнь годами!

Хор:

Во хлебе – плоть, в вине – отрада наша,
Вода живая кормит сердце светом.

Артавазд:

Вкушая плоть, скрепляя мысль обетом,
Я пью вино; готова к жертве Чаша!

Иерофант Митры:

Готовься к славе, смертью жизнь даруя!

Артавазд:

Приму я Чашу, путь открою к Митре.

Хор:

Скорби же мир, излей всю скорбь в молитве.

Артавазд:

Не лью я слез, иду на смерть, ликуя!

(Артавазд, стоя в центре большого креста в круге, слышит хлесткие звуки от плетей; по десять ударов с четырех сторон)

Иерофант Митры:

Огонь прими ударов десять ныне.

Хор:

Внедрись Огонь!

Иерофант Митры:

Ударов десять, ты вода прими!

Хор:

Сочись Вода!

Иерофант Митры:

Десятку, воздух ты в себя вбери!

Хор:

Дыши всегда!

Иерофант Митры:

Декаду мы дадим земле-пустыне!

Хор:

Взметнись же конь!

Иерофант Митры:

Поднять на Крест того, кто боль познав,
Младенцем чистым явит радость сердца!

(Артавазда распинают на кресте под призыв Хора)

Хор:

Взойди на Крест, познай же муки мира!
Умри на Древе, смертью жизнь даруй!
Среди теней ты — Бог, во тьме ликуй!
Земля бедна без них, убога, сира!

Артавазд:

Отец Благой, как ты меня Прославил!
Яви те муки, что Тебе достались!
Забыл о зле, забыл, как чувства звались,
Желаю, дабы Ты, Владыка, правил!

(Наступает тишина в кромешной тьме. Снятие с креста)

Иерофант Митры:

Подайте Чашу! В ней напиток древний.
То, Сок Богов! Он Духу жизнь дарует,
Свободу Воли, Силу! Он — чарует!
Сойдя во ад. Пройдет тот путь средь терний!

(Выходит Иерофант Бога Тира с Чашей и святым напитком. Артавазда вводят в последнюю круговую пещеру - эпоптейю)

Иерофант Тира (Призывает чары Ночи. Артавазд впадает в глубокий сон):

О, Ночь-Царица, саван твой готов!
Накрой леса им, реки, горы, степи,
Раскинь завесу Тайн, сплетая цепи,
Черти свой Круг, сотки из тьмы покров!
Луна-Хозяйка! Чары ты впусти,
Окутав Разум, сердцу дай свободу,
Теням ушедшим — хладным, им в угоду,
Готовь свой пир, стремись во снах спасти.
Пусть третий Сон причины суть проявит,
Коснется струн, и звук глубин прольет,
Огонь от звезд лучей и сил, взойдет,
И мысль, от Света Неба, Дух прославит!
Второй же Сон, да будет сном победным,
Разбудит он всех чудищ стройный ход;
Проявит пламя глуби страшных вод,
Представ лишь ликом грусти, странным, бледным!
И первый Сон увидит бедный Царь,
Он будет тлеть укором, станет карой,
Взбурлит надеждой блеклой, дряхлой, старой,
А после, память вспыхнет. Будет гарь!

Хор:

Пусть Новый Свет укажет путь Царю,
И Пламя Духа яркий Свет проявит,
Огонь горит, и он повсюду правит,
Из недр тьмы рождает он Зарю!

День Первый

Первый Сон Артавазда

Иерофант Тира пред телом Артавазда:

(Вдали жуткие вопли)

Сорвись завеса! Плетью взвейся пламя!
Из свиста, быстро, свой хлопок создай!
Разрежь весь воздух, искры в прах бросай,
Повергни в пыль, как враг свергает знамя!
Пусть лязг цепей разбудит всех химер,
Чудовищ мрака дальних келий храма,
Веселье сменит ступор, боль и драма,
За мерой малой, нам не счесть всех мер!
Верши свой Суд могучий, грозный Рок,
Разбей же груду всех надежд погибших,
Толпу кумиров жутких, грязных сникших.
И Звук издаст огромный медный рог!
То глас Души, ее ответный крик
На суть всех дел: к добру, ко злу открытых;
На думы, страсти, память всех забытых
На жизнь и смерть! На их короткий миг!
Ты — Царь и жрец! слуга, отец и сын.
Богатый, нищий, жалкий, гордый гений,
Но все ж — един, в миру своих творений,
Как смертный Бог, сменив немало мин!
Забудь, замри, уснув во тьме глубокой,
Покройся пеплом, черствым камнем стань,
Подаст вновь помощь Мысль, расчертит грань,
Отринув Ум от той Стези высокой!
Во плоть сойдя, услышишь мерзкий смрад,
А муки в ней всегда всех ждут по праву.
Среди людей, ища одну лишь славу,
Найдя ее, поймешь, что это — яд!
Покой стремясь найти, в борьбе умрешь.
Обман приняв за правду, слабым станешь,
Трусливо будешь жить и крах притянешь,
Во лжи и в страхе, сам себя сожрешь!

Хор:

О, Ужас Тьмы! Он зрит твое господство!
Вновь чахнет плоть, а смрад питает воздух!

День Второй

Второй Сон Артавазда

(Артавазд слышит лишь глас Иерофанта Тира)

Иерофант Тира:

Ты видишь Славу, блеск своей Державы,
Просторы, дивный край святой земли,
Дела всех предков видишь ты вдали
Ты зришь их путь и сердцем чуешь нравы.
Властитель Мира, ты к рассвету шел,
Но сам узрел позор и крах - расплату,
И всё вело страну твою к закату,
И лес войны уже багрянцем цвел!
Не знал удач в кровавых тех боях,
Убит ты был в пыли в дали от дома,
Страна была чужда, тоска — знакома;
Во плоти счастлив был в чужих краях.
Но долг свершив перед Богами Славы,
Ты с честью, кротко в Духе в мир сошел,
В ином луче предстал Благой Орел:
У Хладной Арты вечны все уставы!
Удел тот милый взору шелком гладким,
И Цветом жизни радость сам явил.
Разжег огонь и в новом сонме сил,
Питал твой ум. Полет же станет кратким.
И миг паденья близок. Смерть придет,
А Рок сплетает сеть причин и следствий.
Венец и трон уж множат море бедствий,
Но час настанет! В Небе Радость ждет!
Пока ты правишь — древним сном окутан,
И Мысли ты не зришь и в чувствах слаб,
Ты блеска злата жадный, дряхлый раб,
А путь земной, туманом зла опутан.
Таков удел венца, державы, трона.

За все грехи отцов и дедов древних,
За жадность, гнев, за силу мыслей скверных,
Падут к стопам порфира, меч, корона!
Ведь дар Богов и жертва суть — одно,
Вкушая горечь, сладкий плод сорвешь,
И в боли сильной, ты смарагд найдешь.
То Тело — Хлеб, то Мудрость — Соль. Вино!

Хор:

Явись же цепь причин и следствий в силе!
Игра манит, туманя разум низкий!

День Третий

Третий Сон Артавазда.

Голос Иерофанта Тира:

Обитель Бога, ты его укрой,
И дай лишь сил, спастись от бренной злобы.
Ее питают зависть, страх с утробы,
А ум, объял чудовищ мерзкий рой.
Владыка Скорби, свой Алтарь яви,
Огнем Священным Мысли дай Свободу,
Храни от стрел земных, сожги невзгоду,
И Путь во тьме открой для чар Любви!
Скала Отца от чрева камень сбрось,
Впусти в пещеры, в недра дай дорогу,
В глубинах Луч сразит всю боль, тревогу,
Воздвигнув Неба столп и Мира ось!
Ты свиток древних тайн раскрой Господь,
Пусть твердь трепещет, в сердце жар пылает,
А Чаша, дар от Тура — Кровь вбирает,
Пусть гибнет Жертва Духа — гибнет плоть!
О, Смерть — начал основа, Жизни Мать!
Свой лик открой, и хлад впусти в чертоги,
Сомкни уста, создай из снов пороги,
Я зрю тебя Царица! Вижу стать!
Во гроб сведи, укрой покровом Ночи!
Беззвучно посох ярко знак родит.
Взметнет огнем, тот знак, что суть таит,

Но гаснет он, свой свет бросая в очи!
Пусть чувства спят, пусть Воля Дух подымет,
Пусть первый Звук сердца, из тьмы пронзит.
И Звук и Цвет, один лишь Свет роднит;
Богиня Мать вновь ткань незримо снимет!
Узри же сердцем, Новый Змий, тот Миг!
Восстань из тлена, став Младенцем ныне,
Оставь печаль, не смей служить гордыне,
Яви Природе светлый Царский Лик!

Иерофант Митры:

Пади в утробу! Встань Отцом Великим!
И тлен сомнений жги огнем холодным!
Познай же Мир, впитай Умом голодным,
Но слабым явлен Ум, рожден двуликим!
И первый Лик его открыт во цвете,
Горит в лучах, во свет бросая тени,
Прекрасный, сложный Он, как гроздь сирени,
Но слеп и глух, и нем в Святом Ответе!
А Лик второй подернут Древней тканью,
Печать Единства Трех храня собою.
Он хладен, грозен, властен пред борьбою,
Скреплен Он тайно с первым Ликом гранью!

Хор:

Младенец чистый зрит, как Мудрый старец!
Зеленый конь, лишь след проводит блеклый,
Палач тот конь. Убийца злой и светлый,
А синий конь благой — во тьме скиталец!

Иерофанты Митры и Тира в унисон:

Восстань и Знай! Рожден Ты дважды! Помни![21]

(Артавазд пробуждается в белоснежном облачении)

Хор:

Владыка Правды! Тайну нам открой!
Хозяин двух Стихий хранитель наш!

В тебе и Свет, ты всем Приют подашь,
О, Вечный Царь, Великий Бог Благой!

Иерофант Митры (предвещая):

Настанет день, когда Заря взойдет,
Взовьется в цвете алом Древний Змей.
Он Вестник многих бед и тьмы смертей,
Как гнев из недр Его глава взметнет!
Овен в Огне свой скорый бег свершит,
Означив скользким Рыбам легкий Путь,
И в Смертном, Бог подал Блаженства Суть,
Но род людской Ее убить спешит!
Страшитесь Тайны! Митры Крест взойдет:
Пещеры Храмов Луч проявят свой,
Подымет плоть Великий Сын Живой,
И новый свет от Звезд всю Твердь зальет!
В Венце Златом на казнь ступает Лев,
А Агнец кроткий, держит Сердце Льва,
Померкнет старый мир, падет Глава,
Но Митра к Жизни свой готовит сев!

(Троекратно звучат горны, четырехкратно - удары в барабаны. Иерофанты Митры и Тира, венчают Артавазда терновым венцом, одетого в рубище, поверх надевают царское облачение, а после надевают золотую тиару).

Иерофант Тира:

Познав число творений, стань творцом!

Иерофант Митры:

Творя, служи на благо всем рожденным!

Иерофант Тира:

Явись слугой и будь всегда бездомным!

Иерофант Митры:

Твой дом — весь Мир, дарованный Отцом!

Хор:

Ликуй же Митра! Всходы все взросли!
И колос новый, к Солнцу радость шлет!
Орел взлетел, его высок полет!
Даруй же Царь, нам Вечный Луч Любви!

(Царь в окружении Иерофантов и Жрецов, уже в обычных облачениях выходит из подгорных Мистерий).

Сцена Третья

(Армавир, урочище Бога Тира. Артавазд и Жрец Тира одни)

Жрец:

Ты, мрачен, друг мой? Может, болен ты?

Артавазд (стесняясь):

О, жрец, любезный, мысль одну питаю,
От этой думы я не сплю, страдаю.

Жрец:

Страдая, Царь, не смей губить мечты.

Артавазд:

Желаю драму я свою представить.

Жрец:

Охотно, к сердцу я ее приму;
И сложный слог, поверь, скорей пойму.
Артавазд (с улыбкой):

Изволь, но драму я хотел исправить.

Жрец:

О, Царь, прошу тебя, ошибок бойся!

Артавазд:

В ошибках, суть видна, а в правде – мир.
Кто прав всегда, тот нищ, печален, сир.

Жрец:

Найди же правду. В сердце только ройся.

(Удаляется)

Артавазд (один перед храмом Митры):

Моя идея, словно скрытый плод.
Его явить во всей красе желаю!
И я благое в мыслях ныне чаю,
Взойдя на трон, нашел я свой оплот!
Я Духов древних ткань готов раскрыть,
Начав писать о силе, грозном Роке,
Создам я море драм и в том потоке,
Смогу и бремя мира я забыть!
Из всех планет милее Фосфор мне,
Что в ранний час, во мгле небес сияет,
Собою суть и радость он являет,
И Геспер он, кто свет дает во тьме![22]
Убийцу сильных Змей, познать хочу,
Что Светом Митры дар давал землянам.
Он Царь — Отец могучим древним странам,
В его Луче Небесном я взлечу!
Бессмертный Гений, стал он другом псов,
В цепях огромных он закован ныне,
В горах Масиса, словно зверь в пустыне,
Свободы ждет от тяжких тех оков[23]!
И имя это, я несу в веках;
Мой верный щит и звучный мой спаситель.
Восставший Бог обрел свою обитель,
В душе юнца навек посеяв страх!

Борьбу миров, поведав в круге драм,
Я свет пролью над ветхой страшной тьмою.
Слезой лучистой скверну в сердце смою,
Построив свой прекрасный вечный храм!

Сцена Четвертая

(Урочище Тира - Еразамуйн близ Армавира. Священная роща платанов, недалеко от храма. Четыре жреца-прорицателя гадают по шелесту листьев древнейших деревьев[24])

Первый жрец-прорицатель:

Вот звездный знак, явил свой тайный луч,
Заря Богов пробила толщу тверди!
И в диск судьбы уже вставляют жерди,
Но станет ход быстрей от грозных круч!
Свершится то, что Тир благой вписал;
Его скрижаль — слепая тень Закона.
И эта тень разрушит святость трона,
Как рушит землю мрачный водный вал!

Второй жрец-прорицатель:

Прекрасный сын отныне принял клятву:
Обет святых — молчать о правде мира.
Удел его — терновый путь кумира,
Он начал сев, в конце узрит и жатву!

Третий жрец-прорицатель:

Таков Закон! О том вещает лес.
Платанов шелест нам раскрыл всю суть,
И духом Бога, Глас наполнит грудь,
Владыка Тайн везде проявит вес!

Четвертый жрец-прорицатель:

Светлейший сын, как Бог в миру, погибнет!
По дружбе милой, примет желчный гнев.
И кротким став, окончив путь, как Лев,

Как Агнец Митры, Жертве храм воздвигнет!
Хвала ему, почтим его Бессмертным!
Достоин Тризны, смертью призван он!
Познавший власть, развеет древний сон,
Даруя суть людским делам бесцветным!

Конец II Акта.

АКТ III

Действия происходят в Вавилоне, Парфии, Армении

Сцена Первая

(54 г. до н. э. Вавилон при падении. Дворец Вавилонских царей. Входит посланец Жреца Бэла. Подле Митридата Аршам. Митридат в зале дворца, удрученно сидит. Слышны плач, вопли и проклятия)

Посланец Жреца Бела:

Великий Жрец просил открыть амбары,
В твоем дворце – зерно, вино и соль,
И, если сдашь ты град, уменьшишь боль,
Кругом лишь смерть и глад. Везде пожары!

Аршам:

Над нами грозный Рок, как меч свисает!..
Хозяин мой, отдать приказ охране?

(Митридат, перебивая Аршама, надменно, с укором обращается к посланцу Жреца)

Митридат:

Легко весь день молиться Богу в храме.
Без дел во тьме, поверь, надежда тает!

(Подходя к окну)

И хлеб исчез из храма, пусто все?
Жрецам еды всегда найдется, знаю!
Я вижу смерть и глад, но все же, чаю,
Народ поймет, война берет свое!

Посланец Жреца Бела:

Великий Жрец Отца Мардука Бэла,
Просил сказать тебе светлейший царь,

Что пусто все. Народ, теперь, как встарь,
Восстал и зол. Вся кротость, в нем уж пала!

Митридат:

Ступай скорей посол, скажи Жрецу,
Что я открою склады все дворца,
Пусть скорбь уже свою сотрет с лица...

(Посланец, кланяясь, удаляется. Митридат в сторону Аршаму).

Митридат:

А можно ль вечно верить в страх?! Льстецу?!

Аршам (умоляя со слезами):

Владыка мой, молю, прими решенье!
Нет больше сил, страдая ждать и тлеть.
Нам или сдаться, пасть, в огне сгореть?..
Узреть лишь Луч Богов, лишь в нем спасенье!
Над нами Гнев! Опасно медлить ныне!
Теперь лишь Эшма[25], злобно, нами правит,
Не ровен час и разум всех оставит;
Мы зрим лишь глад, огонь и смерть в пустыне!

(Митридат, еле скрывая слезы и гнев от отчаяния, смотря на Аршама)

Митридат:

Я года три сражаюсь против брата,
Взошел на Трон с тех пор, как пал отец!
Ород, мечтая взять Благой Венец,
Все мнил, что только он достоин злата.
Безумец, наглым, подлым вором стал!
Как хитрый зверь, что свой оскал таит,
Так брат мой, шут, речами всех манит,
Но в страхе жалок он, как волк средь скал!
И кровь меня роднит с ним — гнусным трусом.
Одна лишь кровь, и повод к миру есть!
Но сможешь ты принять благую весть,

Когда отравлен был змеи укусом?
И все же, я, решусь, Отдавшись Року,
Приняв от Арты[26], скорбный жребий свой,
Я сдал Престол, страну. Исчез покой,
Умом поник! Предался я Потоку!
Когда меня, князья во злобе гнали,
И ложь царила, ужас был везде,
С тех самых пор, один в своей беде,
Влачу уныло тяжкий груз в печали.
Я, Рим молил, но Рим не внял мольбам!
Иного злата он слуга послушный;
Чванливый Град, как раб больной, тщедушный,
Отдал он честь и душу мерзким псам!
Конец и Смерть! Кругом великий стон!
Прости мой край, ты мне ночами снился!
Перед нуждой Великий Град смирился!
Отвесит ныне свой земной поклон!

(Царь отдает приказ, открыть житницы Дворца)

Митридат:

Отдай приказ, дабы еды раздали.
Но голод многих свел в обитель тьмы...

Аршам:

Как ты прикажешь! Все исполню, царь.
Ты прав, опасно нам так долго ждать,
Ведь можем мы, хозяин мой, гадать
О жизни, каре, смерти, всюду гарь...

Митридат:

Не знаем мы, что ждет нас, друг мой верный
Удел наш горек, он пропитан кровью.
Надеюсь, брат простит, приняв с любовью,
Узнав о том, что путь прошли мы скверный.

Аршам:

Позволь мне, твой приказ отдать охране.

Митридат:

Ступай, Аршам, готовь скорей войска.
Пошли к Сурену срочно ждать ответа.
Орла я видел в небе, то примета...
Кругом лишь смрад, кругом одна тоска...

(Аршам, от имени Митридата, распоряжается, дабы начальник стражи открыл закрома дворца для раздачи припасов голодающим)

Аршам:

Раздайте хлеб и соль простому люду!

Начальник стражи:

Приказ Владыки: снять замки с амбаров,
У входов стражам сей наказ отдать!

(Аршам, обращаясь к слуге)

Аршам:

Ступай к Сурену, весть отдай скорее!
Скажи, что царь желает сдать весь град.
Он будет груб, но будет также рад,
От слов твоих, вмиг станет он добрее!

Слуга:

Как скажешь, ты кормилец! Я, твой раб!

(удаляеися)

Сцена Вторая

(Слугу Аршама, как посланца доставили в лагере Сурена Михрана)

Сурен Михран:

Слуга Аршама, смерд врагов моих!
Что, брат Царя смирился перед Роком?
Мне ясно все! Не нужно быть пророком,
Дабы понять — теней узрю живых!

Слуга:

Готовы мы сойти во прах, Пахлав,
Не зреть лишь глада ход и смерть детей,
Мы молим, сжалься, князь, спаси людей,
Яви, о сильный, свой прекрасный нрав!

Сурен Михран:

Ступай! скажи, пусть Град он сдаст без страха,
Его не смею тронуть я, Он — царь!

(Слуга с поклоном удаляется)

Сцена Третья

(Митридат, выходит из осажденного города с малым числом слуг и Аршамом, и предается в руки Спарапета Парфии. Сурен Михран приказывает воинам не причинять насилия над Митридатом и его слугами)

Сурен Михран:

Тот, кто Царя коснется, смерть узрит!
Лишь Царь царей его судить способен!
Владыка пленный, он Отцам подобен
И в нем, пока, Огонь Богов горит!
А кровь Аршака свято плоть питает,
Она в себе Лучи Благих несет,
Проливший кровь вмиг свой конец найдет,
Его ничтожный след в миру растает.

Митридат:

Хвала тебе, Сурен Михран Пахлав!

За речь твою, тебя Сурен, прославят!
Слова — мудры, они сердца наставят!
Себе ты верен князь и в духе — прав!
Веди меня на суд, на казнь, на кару!
Я грешен был, возможно, брат простит...
В душе его, возможно, жалость спит,
Иль злость в уме его готова с жару!

Сурен Михран:

Ступай! Пойдем же, гордый бедный Царь!

Аршам (при виде трупов, поднимая взор к небу):

Тут смрад один, вокруг одни лишь грифы!
Они свой пир, по Горней Воле справят,
А нас — живых, мученья все раздавят.
Слагать потомки станут только мифы... [27]

(Уходят в лагерь к Ороду II. Шатер Орода. Входят Сурен Михран Пахлав со стражниками, сопровождающими Митридата)

Сурен Михран:

О, здрав же будь! Владыка наш Аршак!
Твой Фарн всегда в святых лучах сияет,
Победа в Духе, милость всем являет,
Возможно, это к Дружбе первый шаг!

(Ород, гневно смотрит на брата. Митридат ждет своей участи)

Ород:

Не стой так близко вор и подлый трус!
Попрал Закон и ждешь добра от нас?!
Коварный змей, настал твой смертный час,
Ты был врагом и множил в сердце груз!
Надежды луч погас, расплата ждет!
И милость Арты зришь?! Повержен ты!
Отбрось безумец тусклый свет мечты,
Лишь Друджа[28] грозный звук вдали зовет!

Митридат (печально про себя):

Надежды сладкий мед пьянит и губит,
Питая ядом слабый разум наш.
И Грех всегда рождает в сердце блажь,
Ее одну, безумец нежно любит!

Ород:

Казнить его, Аршама, грязных слуг!
Он Богом зрил себя! Он мнил, что царь;
Предал Закон, оставил только гарь!
Жесток он был, создал порочный круг!

(Воины на глазах у Митридата закалывают его слуг и забивают Аршама. После на глазах у Орода пронзают Митридата)

Сцена Четвертая

(Нисса. Дворец Орода. Жрец Митры-Веретрагны,[29] Ород, Сурен Михран Пахлав)

Жрец Митры:

Добро тебе! Великий Царь царей!
Молились мы, и Митра нам помог!
Он щедрым был, могучий, светлый Бог!
Дарует Мир, блюститель всех Идей!

Ород (обращаясь к Жрецу):

Хвала Отцу — Владыке Света Солнца!
Хвала Святой и Вечной доброй Арте!

Сурен Михран:

Узнали мы, что Красс пришел к союзу.
С царем Абгаром. Стал врагом сириец.

Жрец Митры:

О, сколько горя всем наслал мидиец,
Теперь Акбар готовит нам обузу?!

Ород:

Мой добрый жрец, правитель Орфы — раб.[30]
Его подмога Риму только в тягость,
Но Риму, князь, уверен, будет в радость
Иной союз. Ведь Царь армян не слаб.

Сурен Михран (с иронией):

Возможно, время грозно суд ведет.
Тиграна сын, уже сошелся с Римом!..

Жрец Митры (призывно):

Богов просить, питая жертвы дымом!..
Да, время зло, а строгий Рок не ждет!

Ород, обращаясь к Сурену:

Известно, что в горах Армянских, князь,
Вся наша рать ослабнет пред врагом.
Увы, не сможем мы пройти тайком,
Везде лишь скалы, камни, пыль и грязь!

(Ород отходит в сторону. Задумчиво с тревогой)

Жрец Митры:

Да, рать армян сильна. Сильней парфянской...
Разбить ее не сможем конным строем.
Бессмертных полк лишь страшен перед боем.
Ваагна Щит над всей землей армянской![31]
А Красс готовит спешно войско к битве,
Единой силой, нам не встать к защите,
О люди, люди! Только Славу зрите,
Но страх в душе влечет к одной молитве.

Ород, обращаясь к Сурену:

Михран, нам нужен мир, любой ценой!
Армян союз нам силы даст, поверь!
Ослабли мы, терзает ряд потерь.
Нам нужно ждать, нельзя идти войной!

Сурен Михран (спокойно):

Тиграна сын не вступит с нами в схватку.
Ты прав, Аршак, нам нужен прочный мир.
Владыка гор один и мнит, что сир!
Он слаб пока, решает сам загадку.
Мы войска часть на Красса всю направим,
Другую часть к армянам мы пошлем.
В пустыне, знай, Победу всю возьмем
Царя армян дружить, огнем заставим!

Жрец Митры:

Нам в помощь сонм Богов спешить готов!..

Ород, радостно в сторону, про себя:

Его сестре, уж скоро замуж нужно,
И дочь Тиграна примем в дом мы дружно,
А речь Царей не знает праздных слов!..

Ород (обращаясь к Жрецу и Сурену радостно и гордо):

Хвала Богам! Решим теперь задачу:
Извечный спор великих двух Держав!
И нужно рать собрать, Пахлав, ты прав.
Ступай Михран к войскам, лови удачу!

(Спарапет Парфии, кланяясь удаляется)

Жрец:

Ты рад, Аршак! Я ж рад, поверь, тем паче!
Позволь, мой Царь, готовить все к веселью!

Ород:

Но тратить злато нужно только с целью.
Не время жрец, почтим Богов иначе.

(Жрец, с поклоном удаляется. Ород один)

Ород:

О славе грезишь, храбрый мой Михран?
Опасны, князь твои мечты и думы,
В твоей душе, настроил ты все струны,
Увы, Сурен, я вижу твой изъян!
Ты нужен мне Сурен Михран, до срока!
Пока же тешься славой князь своей,
Твой час придет в один из светлых дней,
И будет месть моя, Пахлав, жестока!

(Удаляется)

Сцена Пятая

(Армения. Бдешхство Ахдзник, княжество Ангеха-Тун. Крепость князей Ангехских. Артавазд, князья Хорхоруни и Багратуни, Великий бдешх[32] Ахдзникский, великий князь Ангехский)

(Артавазд входит в залу в сопровождении бдешха Ахдзника и князей Ангеха, Хорхоруни и Багратуни)

Князь Ангехский (не без хвастовства):

Когда мы перед Крассом все предстали,
Весь лагерь разом нам явил почет!
Я думал страха тень средь них ползет,
Обиду, зависть, гнев, они питали!

Бдешх Ахдзника:

Да, Красс и сам восторг сокрыть не смел,
Когда в порфире, конно, в злате гордо,
Наш Царь-царей предстал, ступая твердо...

Князь Ангехский (с ухмылкой):

То, Красс познал печальный свой удел.

Артавазд (с недовольством, пресекая разговор бдешха):

Уж полно хвастать вам, друзья мои!
Известно, что и Красс явил почтенье!
Однако он отверг мое сужденье,
Подпав под чары старой той змеи[33]!

Князь Ангехский:

Владыка наш, но чем встревожен ты?
Какой борьбою твой охвачен дух?

Артавазд (мрачно, про себя):

Глупец ваш Красс и сердцем старым глух!
Падет, как зверь, убьют его мечты!

Князь Ангехский (вкрадчиво, как бы невзначай):

Но слаб Ород, не сдержит он удар.
Ведь года три войну ведет за власть.
И ум, и сердце в нем питает страсть.
От искры он зажжет в стране пожар.
Вдобавок, Рим готов войной смести,
Не ровен час, падет его столица.
И Фарн слетит с главы Царя, как птица,
А власть слаба и может зло нести.

Бдешх Ахдзника:

Дозволь спросить, о славный Царь царей.

Артавазд:

Прошу тебя, мой верный храбрый князь.

Бдешх Ахдзника:

Ведь грусть Владыка режет с силой связь,
Ввергая в плен, рождает сонм идей.

(Бдешх продолжает, спрашивая Артавазда)

Бдешх Ахдзника:

Ты мыслишь, враг на нас пойдет войной?

Артавазд (двусмысленно, не без иронии):

Не знаю, бдешх. Игру ведем с Судьбой.

Бдешх Ахдзника (с тревогой):

Удар падет на все мои владенья!

Князь Ангехский:

Не только, бдешх! Восстанет край Кордук.
Вновь втянут буду в жуткий, мрачный круг!
Да, тяжки всем Царя царей решенья!

(Князь Багратуни, замечая накал страстей, с молчаливого одобрения Царя, предлагает испить Круговую Чашу).

Князь Багратуни (стоя с чашей вина):

Владыка наш, пусть дни твои продлятся!
Страна твоя прошла сквозь тьму годин.
Пусть будет твой закон для всех един,
Вражда уснет, врагам же сны пусть снятся!

Артавазд (в ответ):

Мои князья, мои друзья благие!
Я рад, что вы теперь всегда со мной.
В единстве, верной мы идем тропой,
И в духе рушим чары зла лихие.
Пусть Рим – силен, парфян страна опасна,

Но наш удел, защит от них не ждет.
От нас самих, спасенья луч взойдет,
Союзы наши были все напрасны.
Таков удел, что мы среди огней;
И лютым хладом ход свой бурно правим,
И мудры будем все, вражду оставим,
А Свет Богов пробьет тенета дней.

Все князья:

Хвала тебе великий сын Тиграна!

(Пьют круговую Чашу, пируют. Звучит нуба[34], выходят танцовщицы. Артавазд, позже удаляется).

Артавазд (один):

Как тяжело теперь на сердце стало мне.
Среди вельмож, между собой недружных,
Князей страны, никчемных и не нужных,
И скорых на подвох, для выгоды в игре.
Одни враги, кругом непониманье,
С ухмылками на лицах, рой людской;
Вокруг меня снует он день-деньской,
Стремясь урвать лишь царское признанье.
Все грезят Властью, в думах вожделея,
Мечтая Славою прикрыть мирской позор.
Со здравомыслием городят только вздор,
Но в трудностях и вымолвить не смея!
Зверье кругом! И стражники при сворах!
Стяжательством в миру, прокладывая путь,
Одни слепцы везде, что растеряли суть,
И роются, как мыши в темных норах.
Как ненавижу вас, готовых растерзать!
У вас одно стремленье - лишь нажива!
Князья мои! Вся ваша пышность лжива!
Державности в вас нет! Лишь родовая стать!

Князь Ангехский (замечая настроение Царя, обращается к князю Хорхоруни):

В который раз уже, Владыка мрачен,

Угрюм, задумчив, видно быть беде,
Иль дух его смятен в родной среде,
И думой вечно темной он охвачен.
Возможно, смерть отца его сразила
Дела парфян в уме свой след прожгли?
Благие чувства все, увы, прошли
Царя, как будто мрак поверг иль сила.

Князь Хорхоруни:

Да, прав ты, князь, наш Царь царей задумчив.
Отца Тиграна он любил? Боялся!..
Он после смерти сам в душе смеялся,
А после добрым стал, в делах уступчив.

Князь Ангехский:

Он правит в страхе, слаб он волей, князь.
Как Дарий — перс. Свою державу губит.

Князь Хорхоруни:

Ты мыслишь, Царь жесток, страну не любит?
Скажи, в делах его ты видишь связь?

Князь Ангехский (удивленно):

Дела связать?! Так это, все игра?!
Так он же, мим, философ он прекрасный!
Его понять, но это труд напрасный!
Однако, вышел он, спешить пора.

(Удаляются)

Конец III Акта.

АКТ IV

(Май 53 г. до н. э. Действия происходят в Сирии и в Армении)

Сцена Первая

(Май 53 г. до н. э. Сирия. Верхняя Месопотамия. Битва при Каррах. Легионы Красса в окружении парфян. Марк Красс, Публий Красс. Октавий)

Красс (в отчаянии, обращается к Публию):

Возьми отряды сын, скачи вперед!
Когорты римлян зрит со страхом враг.
Спеши в обход, победным будет шаг,
И знай, в бою тебя удача ждет.
Коней же бойся. Их броня страшна,
Ты войском пешим, строй парфян разбей.
И будь жесток, жалеть врагов не смей,
Лишь в гневе сын, вся мощь бойцов видна.
Быстрей скачи мой храбрый Публий Красс,
Отбей атаки их, они — слабы.
Предвидеть должен был я час беды,
Владыка гор навлек огонь на нас!
Но мы одни сомнем ряды парфян
И будет пред ногами Рима Тигр,
Клянусь! Со златом выйду я из игр!
Молить о жизни станет Царь армян[35]!

Публий Лициний:

Клянусь Огнем Богов, Владыкой Марсом!
Смету Силака в прах, познает плен!
Всю славу, гордость, честь покроет тлен!
Ворвусь в ряды его парфян я барсом!

Красс (отсылая Публия, приказывает Октавию выстроить легионы в большой квадрат (каре)):

Спеши мой сын! Сурен, извел войска!
Октавий, строить всех в большой квадрат!
Живей! Летит уже железа град,

Беллона-Дева нас ведет пока!

(Римляне выстраиваются в каре, в центре Красс и обоз. Парфяне интенсивно обстреливают с флангов).

Силак (при виде контратаки Публия):

Трубите в горны, мы отступим разом,
Заманим сына Красса, он глупец.
Ударим в бок и в лоб... ему — конец!
Падет, друзья, и Красс! Моргнем лишь глазом!

(Римляне атакуют, не замечая, как натыкаются на атаку копейщиков)

Публий (к воинам):

Сильней разите, враг уж бьет тревогу!
Покончим с ним, победа будет с нами!..
Страна парфян трепещет пред орлами;
За строем — строй! Ступайте четко, в ногу!

(Падает с коня, сраженный стрелой в руку)

О, Боги! Пыль и мгла... истек слезами…
Отец, прости! Вот смерть моя подходит…

Публий (товарищам):

Ударьте в бок, меня судьба возводит...
И с нами Слава, Честь перед глазами!
Погибнем мы без страха, гордо, чинно.
Пусть трусы все бегут, им плен милее.
Но в дружбе смерть всегда была светлее…
Любил я вас, друзья мои, невинно!

(Отряд Публия уничтожен. Силак, азаты).

Силак (двум азатам конникам с радостью):

Хвала Богам! Один уж враг остался!
Лишь старший Красс таит для нас угрозу!

Гордец! Уверен, сменит вскоре позу,
Узнав, что сына стяг в пыли валялся!

Красс:

Вперед друзья мои! Спешим к победе!

(Сурен с азатами показываются перед легионами Красса. На пике у азата голова Публия)

Кассий:

О, Фобос лютый! Нас караешь страхом!

Октавий:

О, бедный Красс! Наш храбрый, добрый Публий!..

Красс (в ужасе, не веря в происходящее):

Моя вина, мой сын, что вы погибли!
Теперь же смерть свою быстрей увижу!

(Красс в центе своих когорт, отдает приказ об отступлении)

Красс:

Держите тыл! Мы с боем все отступим.
Фортуна лик от нас уже воротит,
Кровавый час и к нам теперь приходит...

Кассий (в сторону, удрученно):

Увы, победы мы, мой друг, не купим!..

Сурен Михран (приказывая усилить обстрел с флангов):

Стреляйте разом, все, и в них не целясь,
Пусть тучи стрел падут с небес на римлян!

Красс (в отчаянии):

О, Рим, мой град! Ты был в упорстве сильным,
Глупцом я был, на мощь твою надеясь!

Азат, гонец Сурена (после приказа о прекращении стрельбы, выкрикивает Крассу посыл Михрана):

Клянусь Луной Святой и Славой Солнца!
Во тьме ночной, покой лишь подлый рушит.
Пусть скорбь твою Огонь Благой потушит,
Испей печаль, свою, о, Красс, до донца!

(Красс один, в отчаянии, оплакивая сына)

Красс:

О, смерть моя приди, порадуй душу,
Сроднись со мной в едином мерном танце.
В пыли, в бою, в огнях, и в медном глянце,
Узри меня, родная! Я, не струшу!
Прости, мой сын, прости, о, храбрый воин,
Тобой всегда я пред людьми гордился...
В полете горнем, гнев над нами взвился:
Сметет меня! Позора я достоин!
Прости, мой Публий, ты достоин славы!
Моя вина, что ты угас так рано!..

Октавий (обращаясь к Кассию):

Он, Кассий, стал безумным. Жаль его!

Кассий:

Безумством он скрывает только глупость!

Октавий:

Увы, и страх лелеет в нас лишь скупость!
Теряя все, желаем мы всего!

Сцена Вторая

(Лагерь Сурена. Сурен Михран, Силак, Архелай, военачальники)

Архелай (обращаясь к Сурену Пахлаву, Силаку и к военачальникам):

Я знаю, Красс сбежит к армянам, в горы.
Его поймать мы сможем, завтра, днем.

Сурен Пахлав (со злорадством):

Обманем лестью, после, всех убьем!
На этом, братья, все закончим споры.

Сцена Третья

(Армяно-сирийская граница. Переговоры между Суреном Михраном и Марком Крассом. Сурен, Красс, Октавий, Ахшатра, Петроний, римские и парфянские воины).

Сурен Михран:

Что вижу я?! Диктатор Рима Красс,
Ступает пешим?! Конь упрочит славу!
Подать коня! Ты знатный Красс по праву!
И этот дар прими с душой от нас!

(Парфяне подводят прекрасного ахалтекинского скакуна, в золотой упряжи)

Красс:

Отставь всю пышность, мы в войне с тобой

Сурен Михран:

Оставим ссору между нами, Красс!
Не станем тратить ныне силы зря,
Изведал ты уже всю мощь Царя.
Зову тебя я к миру в этот час.
Отринь надменность. Горд тобою Рим!
Ты был силен, прекрасен словно лев,

Умерь, прошу, ты перед нами гнев,
И мы тебя во славе все узрим!

Красс:

Сурен Михран, охотно дар приму!
И конь прекрасен сей, как край парфян.
Но я устал и боль моя от ран...
Смогу ли я держать в руках узду?

Ахшатра:

Позволь помочь тебе сдержать коня.

Октавий:

Сурен Пахлав! Хороший ты оратор!

Петроний (подбегает, крича Крассу):

О, Боги! Красс! Они тебя убьют!

Силак (убивая Петрония):

Рабы господ от страха слезы льют!

Октавий (падая от удара акинака):

О, Ужас! Подло предан наш диктатор!

Красс:

Дождись меня, мой славный, милый сын!
К тебе спешу, отринув мерзкий страх…

Ахшатра (поражая Марка Красса)[36]:

Надменный Красс, найди свою кончину!

Красс (из последних сил):

Добей, прошу! Не смерть — позор мне страшен!

Сцена Четвертая

(Весна 53 г. до н. э. Армения, бдешхство Ахдзник. Ород II в парадном облачении, с армией и личной гвардией в Армении, для встречи с Артаваздом II и его армией. Ород II, царевич Пакор, Жрец Митры-Веретрагны, князь Аспахапет Пахлав. Артавазд II, бдешх Ахдзника, князья Ангеха, Хорхоруни, Васак Слкуни).

(Артавазд на возвышенности, наблюдая за приближением парфян, обращается к князьям)

Артавазд:

Ород, во всей красе своей предстал!
Знамена ярко все огнем пылают![37]

Бдешх Ахдзнийский:

Иль Царь парфян победы ждет над Римом?..

Князь Ангехский:

Повержен Рим?! Не встать ему с колен?!
Ужели Красс теперь захвачен в плен?

Артавазд (задумчиво, про себя):

Накрылась Слава Красса серным дымом!

Князь Ангехский (обращаясь к Багратуни):

Ответь мне князь, ну, что, позволь, за глупость,
Считать себя всегда Светилам равным,
И мнить царем себя, владыкой славным,
Являя в мыслях только спесь и скупость?

Князь Багратуни (с иронией):

Ты, князь, о Крассе? Он теперь уж мертв.

Князь Ангехский (с сарказмом):

Парфянский царь не слыл пока глупцом.

Князь Багратуни:

Диктатор Рима был всегда слепцом.
Ангех! Подал нам знак наш Царь, вперед!

Артавазд (обращаясь к бдешху и князьям):

Князья, нам нужно встретить добрым словом,
Царя парфян; Ород в гостях у нас!

Бдешх Ахдзнийский (в сторону, с иронией):

Теперь и он, еще вчера был Красс...
Друзья все наши в облике суровом!

Артавазд:

Я вижу, Царь Ород настроен к Миру.
Недавно он послал ко мне гонцов.

Князь Слкуни:

Должны ли мы принять в, конце-концов,
Орода, Царь?! Иль бесится он с жиру?

Артавазд (ожесточенно):

Увы, увы! Мой храбрый добрый князь!
Должны! Но в том-то, знай, спасенье наше.
Я слушал Рим, сулил победы краше...
За злато мне досталась только грязь!

Артавазд (резко):

А Рим, наш враг! И был всегда врагом!
Я, Царь царей! А он плебеям служит!

(Приказывает князьям с отрядом конников встретить князей Парфии)

(Появляются азаты-гонцы от Орода во главе с Аспахапетом Пахлавом. Принимают бдешх Ахдзникский и бдешх Кордукский, князья Васак Слкуни и Багратуни с отрядом всадников).

Аспахапет Пахлав:

Великие армянские князья!
Наш Царь Аршак, всем Радости желает!
Царя Армянского он к Миру призывает,
Во имя Вечного Священного Огня!

Бдешх Ахдзникский:

В лице твоем, мы шлем привет Царю!
Пусть Боги в Свете Фарн его прославят!
Врагов земли его к добру наставят,
И Мысли луч пусть явит всем Зарю!

(Друг к другу навстречу выезжают оба Царя с гвардиями).

Ород:

Я рад тебе, великий Царь армян!
Пускай отныне в дружбе мы пребудем!
В союзе братском мы врагов осудим.
Я, Хайку мир принес от всех парфян!

Артавазд:

О, здрав же будь, мой светлый добрый брат!
Престол пусть твой Владыки держат крепко!
Лучи Добра пусть в цель стремятся метко,
Блага твои умножат все подряд!

Ород:

За все обиды, я воздам сполна,
И злато дам тебе, за все потери.
Прости парфян. Сердец откроем двери,
Пусть Радость в душах будет всем слышна!

Артавазд:

Добро, Ород! Тебе, моя рука,
Вражду отбросим мы с тобой навек!
К добру, ко славе, тем ускорим бег,
И светом нашим мы убьем врага!

Ород:

Отставим ссоры, их тяжелый ряд,
И в дружбе, с честью, наш скрепим союз.

Артавазд:

Что может быть сильней семейных уз.
Лучами свято узы те горят!

Пакор:

Прими привет державный старший брат!
Его пронес я всей душой, всем сердцем!

Артавазд:

Привет тебе, я зрел тебя младенцем,
Теперь Пакор, как сыну буду рад!

Ород:

Хвала тебе, Держатель Света Солнца!
Союзом в Дружбе, нас подводишь к Долгу!

(Цари со свитами и эскортом следуют в Арташат).

Сцена Пятая

(Арташат. Дворцовый театр. Исполняют трагедию Еврипида "Вакханки". Семьи Царей в ложе. Отдельно сидят Артавазд, Ород, Пакор. На сцене Ясон Траллийский в роли Агавы.)

Ород:

Я рад, мой брат, что наши две Державы,
Вновь к Свету Дружбы вечной Бог направил.
Он Мир сберег и нам Добро оставил;
Победу дал и Луч великой Славы!

Артавазд:

Да, рад и я, в союзе только крепнем.
Врагов пусть зависть в тайне злобно гложет,
Она остра, как меч и нам поможет,
Сразить без гнева. В гневе мы ослепнем!

Пакор:

Я, смею слово вставить мой отец?

Ород:

Прошу, мой добрый сын, скажи, я жду.

Пакор:

Я, мыслю, нам пора отсечь вражду,
И слить в одно все дело, мир, венец!

Артавазд:

Ты, прав Пакор, так будет лучше всем.
Отцов уделам мы дадим свободу,
Порочный круг разбив, пути к восходу,
Проложим вместе. Страх да будет нем!

Пакор:

Твою страну, мы в силе зрим всегда!
В единой власти твой удел всем страшен,
Лучами Митры он теперь окрашен,
Светла да будет, Царь, твоя Звезда!

Артавазд:

Хвала тебе мой сын, мой брат и друг!
Тебе, моя рука! Пусть видят Боги!

Ород (с улыбкой):

Их взоры вечны, мысли, брат мой, строги,
Они надежду дарят всем вокруг!

Артавазд (поднимая руку вверх, настороженно):

Умолкли все, что вижу я, Ород?!
О, Царь, азат несет с собой корзину?!

(Входит Силак, в руках парфянского воина корзина с головой Красса)

Силак:

Дары прими, и ложе я покину!
Да будет славен твой великий род!

Ород (радуясь, не скрывая чувств):

О, если ложь, пусть сей туман пройдет!
О, Боги! Красс, иль, это сон? Скажите!
Хвала! Погиб! Враги во прах сойдите!

Артавазд (обращаясь к Ороду, смотря на Ясона):

Пусть первый наш борец уже споёт![38]

Агава (Ясон в продолжении строфы резко хватает голову Красса, в вакхическом экстазе поет монолог Агавы[39]):

Агава:

О, Азии Златой, могучие Вакханки, отзовитесь!

Хор:

О, кто ты, что зовешь меня, ответь!

Агава:

Мы нынче гордо, смело, с Феба гор,
Несем улов счастливый. Он — свежайший!
К чертогам кисть плюща, как Дар дражайший!

Хор:

Приди! Ликуй! Трофей уж видит Хор!

Агава:

То — львенок малый! Зри же, Явно — Он!
Его ловила храбро! я, в лесу.

Хор:

В глуши? Где мрак со мхом укрыл листву?

Агава:

От Феба гор несем! То — Киферон!

Хор:

Так, чья добыча? Ты скажи всем ныне!

Агава:

Взяла ее я раньше всех других!

Хор:

Агава, ты сильна среди своих!

Агава:

Не знает обо мне лишь люд в пустыне!

(Толпа встала, ликуя)

Сцена Шестая

Артавазд (уединившись):

Противно видеть смерть, она повсюду.
Вот весь итог, к нему стремимся ныне.
О, глупый Красс, окончив жизнь в пустыне,
Ты верен долгу был, но верил чуду!
Оно свершилось, страшный лик являя,
И ужас был умножен кровью сына,
В тебе одном, диктатор, вся причина,
Она тебя сожгла, во прах сметая!

Артавазд, от увиденного становится мрачным. Возвращаясь в ложу, он видит страшные образы, но не слышит их.

Первый образ:

Держу его я крепко! Он, повержен!
Смотри же, волос стал седым! Он, старец!

Второй образ:

Он молод был, силен, теперь — страдалец!
В нем зла таился тонкий, скрытый стержень.

Третий образ:

Упрочим корень сей, главу отрежем!
Руби ее! Пока живого вижу!

Четвертый образ:

Ты выпьешь кровь, лишь жди, его унижу,
Узришь ты кровь и желчь в том теле свежем!

Первый образ:

И ум его, смутив, скорее сгубим,

В урочный час, он сам свершит ошибку!

Второй образ:

Падет от друга он, узрев улыбку,
Тогда главу Царя быстрее срубим!

Третий образ:

Теперь, пусть рад он будет тщетной славе,
Она, как яд туманит слабый разум!

Четвертый образ:

Пусть мудрый стоик, станет гордым сразу.
Лишь гордый, беды шлет родной державе.

Хор образов:

Потоком лейся кровь, сметай преграды,
Бурли, вскипай, топи, в дома вливаясь.
Несись струей, рекою, с гор срываясь,
Укрась же земли кровь, тебе все рады!

Артавазд (один перед входом в амфитеатр, удручен и подавлен):

Как легок путь, когда идешь один,
Как тяжек он, когда ты ждешь подмоги.
Ты видишь даль, проходишь все пороги,
Но цель одна влечет во глубь пучин.
Создав прекрасный свод из стройных драм,
Несчастлив стал, вину свою скрывая,
Ее я сердцем слышу, всю вбирая,
Не видя сути, строю мрачный храм.
Сквозь тайны, я хотел пройти, средь вех,
Помог бы в этом мне могучий гений.
Но темным стал мой мир в плену сомнений,
Взлечу ли я, паду, почуяв смех?
О, будь, что будет! Вижу свой Олимп,
Зовет меня на бой одна вершина!
Пусть труден сей полет, не в нем причина,
А в том, что в выси я найду тот нимб!

И та победа будет мне милей
И сотен тысяч всех побед великих!
Лишь только б скрыть успех от взоров диких,
Укрыв и ворох чувств от всех людей!

(Царь вновь видит призрака слепца)

Призрак:

Познаешь Свет, и мир падет во мглу...
Армянский Царь в веках терзаем, помни!

Артавазд (в ужасе):

О, этот призрак мне твердит: "Исполни!
И знай, что ты один вершишь судьбу!"

Призрак:

Твой ум затмит и крик благой души,
Прощай и жди даров за прежний ход.

Артавазд:

Священным был Ерванда древний род!

Призрак:

Ту святость, Царь, спасти скорей спеши!

Конец IV Акта.

АКТ V

(Действия происходят в Армении, Парфии, Сирии, Риме).

Сцена Первая

(Весна 51 г. до н. э. Тигранакерт. Дворец Царя. Артавазд II и Пакор. После входит Великий князь Слкуни, спарапет Армении).

Артавазд:

Письмо Орода я прочел, Пакор.
Готов и мой ответ Царю парфян,
Не вижу, друг мой милый, я изъян,
И мыслю, что дадим врагу отпор!

Пакор:

Союз на зле давно уже претит,
Устали все! А Рим лишь крови алчет.
Без дружбы Рима только слабый плачет.

Артавазд:

И в страхе ждет, когда орел взлетит!

Пакор:

Мы двинем силы против всех врагов!
Мой старший брат, ты дашь бойцов в подмогу?
Иль с войском сам проложишь ты дорогу?
Благая мысль не примет праздных слов.
Восток спасти нам нужно славный Царь!
Ты знаешь, Рим всегда таил угрозы.
Сломив его, не станем лить мы слезы,
Разбив когорты, будем жить, как встарь!

Артавазд (задумчиво, про себя):

Да, Рим, наш враг, он был врагом отца!
Хотел бы я войной пойти скорее;
Страну коней унять, она — милее[40].

И предков край бы взять. Вот — Свет Венца!..[41]

(возвращаясь к разговору с Пакором):

А рать свою, к Евфрату я направлю,
Создам угрозу мощи, с тыла, с гор!
Пусть враг узрит коней армян в упор,
И этим, брат, устрою зверю травлю!
Мы перед Богом, наш исполним долг!
Я, рад, что мы в союзе, друг мой, верный,
И в дружбе Рим всегда помощник скверный!
Для малых грозен был голодный волк.
Я дам тебе в подмогу войско, сил,
И князь Васак, с тобой Пакор, пребудет,
За долг, мы знаем, Митра строго судит,
За Честь и Правду, Бог во взорах — мил!

Покор:

Я, рад, Владыка, ты меня утешил!
Теперь пойду, позволь же мне отбыть.
Мы сможем вместе всех врагов разбить...

Артавазд (с сарказмом):

Представь, что знает Рим, вмиг он опешил!..

(Удаляется с поклоном).

(Входит спарапет Армении Васак Слкуни[42])

Васак:

Ты звал меня. По зову я явился!

Артавазд:

Ты, верно, знаешь, что война грядет?
Ород от нас теперь ответа ждет.
И грозный стяг под ветром гордо взвился!

Васак:

Нехватка войск уменьшит наши силы,
Но твой приказ исполнить я готов.

Артавазд:

Не станем верить милым чарам слов,
Бойцов не ввергнем наших мы в могилы.
Но помощь тем окажем мы Пакору,
Что в строй его направим, князь, тебя,
В бою силен, войска не губишь зря,
Смекалкой, статью, дашь друзьям опору!
Ород и я, тебя над ратью ставим,
Пакор умен, горяч, но все же, мал.
А ты, Васак, Тиграна бой видал,
Умом твоим, Державы трон прославим!

Васак:

Готов служить великим двум Владыкам,
Но в сердце, в духе, Хайку я служу.

Артавазд:

Ты верен был, не сеял ты вражду,
Умен и смел, ты перед Светлым Ликом!

(завершая диалог):

Ступай Васак, готовь же все к уходу,
В тебе уверен Царь. Познал ты суть!

Васак:

Война для нас готовит трудный путь,

Артавазд:

Но этот путь дарует нам свободу!

(Васак Слкуни с поклоном удаляется)

Артавазд (один):

Угрозу я создам границам Рима,
Но сам, в войну не стану я влезать,
Ведь мало сил моих, и мне ль не знать;
Вдали от Славы, искра только зрима.
Как хищный зверь боится гнойной раны,
Так слабый Рим не сможет долго мстить,
Умны же мы — и будем видом злить,
И тем сильны, что видим в нас изъяны.
Но в чем же сила? в Духе или в Воле?
Что голый Дух без Мысли? Звук простой!
Он Вечен, скажут нам, но сам — Пустой,
Велик, как Космос — мал, как точка в поле!
И, есть ли страх? Иль это, все обманы?
Вот страх ушел, остался след его?
Ведь нам всегда от рода лгать дано,
Боясь, не зрим мы суть, но зрим туманы!
В дыму повсюду нам химеры снятся,
И разум наш питать ту ложь готов,
Он строит замки, цепь плетет из слов;
Слова одни! Они в Эфире мчатся!
Наш вечный Дух лишь свой итог подводит,
Рождаем мы себя самих всегда,
И сердцу путь дает одна Звезда,
Но зрим лишь тень, а тень за нами бродит!

(скорбно заключает):

Я видел брань великих трех Держав,
Победы яркий луч и крах надежд,
Я мудрых знал и нищих, знал невежд,
И праздных зрел, и сильных зрел без прав.
И был моим, тот грозный, бренный Мир,
Лишь он дарил душе младой стезю,
Питал огни, в умах рождал зарю,
Тая в себе все звуки чудных лир.
Но в той среде не видел я себя,
И мнил в уме, что зритель я один,
Но старше став, подпав под власть седин,
Узрел лишь яркий блик, впотьмах бредя.
Что ждет меня, каков тот путь в конце?

Сулит блага, иль ввергнет в ад земной?
Взлечу, как Бог иль я паду главой?
Хранит ли Радость Рок в моем ларце?
Увы, вновь вижу тьму, печаль и боль,
Немых теней я скорбный, мрачный раб.
Среди великих стал лишь сердцем слаб,
Вкушая плод идей, вкусил ли соль?
Что жизнь?! Лишь — сон! И в смерти явь одна!
Но эту ложь, мы любим нежно, чтим.
Глупы, больны, стыдясь себя, молчим!..
В трудах же наших, мерзость вся видна!

(Входит князь Хорхоруни)

Хорхоруни:

Великий Царь, отдал приказ я страже
Готовой быть. Как ты велел Владыка.

Артавазд:

Добро, малхаз[43]. Война не скроет лика,
Она как ярый зверь иль хуже, даже.

(Князь удаляется с поклоном. Артавазд один).

Артавазд (гневно):

Закончу то, чего отец не смог!
И край всех предков взять теперь смогу.
И быть войне, к удаче я бегу,
Силен лишь тот, кто видит свой итог.
Мне Рим мешал, как старой язвы боль;
Нарыв на теле гноем был богат.
Вот, Рим молчит. Повержен этот гад?
Иль зло тая, готовит снова роль?
Но Хайк, един, и я добьюсь того!
Пусть алчный град от гнева станет выть.
Пусть люд сгорит иль станет землю рыть,
Я, Царь царей, и я добьюсь всего![44]

(Удаляется)

Сцена Вторая

(Лагерь Пакора в Тибе, в Сирии. Пакор и Васак)

Пакор:

Как быть Васак, ударить в спину Рим,
Направив рать на древний край раздора?
Врага нам нужно ввергнуть в сеть позора,
И Правды Луч блеснет деяньем сим!

Васак:

Шапур, направим мы полки в обход,
И тем, Пакор, собьем ромеев с толку.
Тогда не нужно бой вести подолгу...

Пакор (перебивая):

Избавим многих, князь, от всех забот?

Васак:

Лишь время нужно, Рим лелеет злато.
Его сломить поможет скорость нам,
Тылы его сожжем — падут к стопам...
Ведь алчный Град дрожит над тем, что свято!

Пакор (радостно):

И глад, и ужас мы посеем в поле,
А недруг наш устанет силы тратить.
Умно! Удар в Сенате многих хватит,
Когда мы страх внесем, по нашей воле!

Васак:

Шапур, в Гамирк не станем мы, входить.
Пусть Кассий Гай, в догадках разных тонет.

От гнева, боли только слабый стонет,
Но трудно страсти, волю в нас убить.

Пакор:

Мы к деду можем войско все направить,
А после к морю выйдем, в тыл врагам[45].

Васак:

Ты, прав шапур! Хвала святым Богам!

Пакор:

Их вечно, мы за благо будем славить.

(Удаляется. Васак один).

Васак:

С тех пор, как пал Сурен Михран Пахлав,
Побед больших не знал Аршака род.
От желчи, в страсти, гнев растил Ород,
И мыслил, что в делах своих он прав.
Сурен же молод был, красив, умен,
Любим Богами. Он снискал почет.
Увы, героев славных низость ждет,
Так полнит смерть печальный ряд имен!
Цари, ваш строгий нрав вершит судьбу,
И нас, как слуг, для жутких дел избрав,
В глубины страх и подлость всю загнав,
Ведете вы в веках свою борьбу.
Но, стоит нам воздеть к Светилам взор,
То хлад и ужас всех низводят в прах,
Во взглядах сильных, зрите только крах,
Идей и дел мирских, и наш укор!
Свиреп ли, грозен, кто несет Венец
Иль в хладном виде, нежность тайно спит?
Людей страшась, он кротость всю таит,
Иль мнит, что добрым став, узрит конец?
В догадках этих, мы бредем скорбя,
Кто Власть хранит и, кто служить готов.

Князей сменяет грязный хор рабов,
Рабам же лгут, о Славе их, твердя.
Так было, есть и будет. Бедный Мир!
Кто был слугой рожден, слугой умрет.
А суть Владык не каждый Царь поймет,
Но став Владыкой будет нищ и сир!

(Удаляется)

Пакор (один прогуливаясь):

Война одна меня красой пленит,
Она мне дарит радость, силы, стать,
И дух ликует мой, как вижу рать,
Заметив бой — Огонь в груди горит!
Да, воин я, но мало мне побед,
Они проложат ратный, светлый путь,
Они сплетут и жизни бренной суть,
Они ведут, они бросают свет!
Но цель моя лишь предков древний Трон,
Венец парфян во мне растит печаль.
Увы — не мой. Мечты уносят вдаль,
Лишь отзвук слышу я со всех сторон!
Отец коварен, зол, силен в делах,
Прознает все, придет тогда конец.
Он сети сплел, дабы спасти Венец,
В душе его всегда гнетущий страх.
Убит и дед, убит и дядя мой,
И смерть познал великий муж Михран,
Повсюду кровь, и ужас сплел туман,
Я с детства знал печаль и стон, и вой!
Теперь же мой, отец, пришел черед,
Иль я погибну, страсть уняв свою.
Добуду Славу, честь в одном бою,
И к Фарну предков я свершу полет!
Да будет в тайне Луч сиять благой!
Златых идей не примет черствый люд,
Прольет он кровь — горазд на скорый суд;
Святой цветок растопчет он толпой!

(Удаляется)

Сцена Третья

(Киликия провинция Марка Туллия Цицерона).

Цицерон (рассуждая):

Пакор на юге с войском, бедный Тарс!
А рать армян, теперь угроза с гор?
Парфян увидим вскоре мы в упор,
Пройдем Врата и нам поможет Марс.
К врагам исконным нам, теперь спешить,
На их огни направлю взоры я.
Воспрянет Дух, блеснет моя Звезда,
И Кассий Гай поможет все свершить.
Мне ясно, что Пакор на Тарс идет.
Васак хитрец, а сын Орода юн,
Но в юном сердце много прочных струн,
Он смел, не плачет, быстро все берет!
Не сможет Кассий всех парфян прогнать,
Бибул труслив, чванлив, бездарен, глуп,
Со мной тягаться хочет? Мыслью скуп[46].
И только я, не дам парфянам спать!
Пакор не страшен, страшен только Рим!
Покажет вскоре свой звериный лик.
В своих расправах этот Город дик,
Под Солнцем места он не даст двоим!
Наступит час, придет глупец иной,
Как царь одетый, будет этот шут:
Причина многих войн и многих смут.
Погубит он себя и дом чужой.
О, Рим! Вселенский гордый, грозный Град!
Я сыном был твоим, но стал отцом,
Но маска мима, став родным лицом,
Ведет меня на бойню, в бездну, в ад!

(Удаляется)

Сцена Четвертая

(События при Антигонее. Лагерь Гая Кассия)

Гай Кассий (отдавая приказ):

Отступим мы, заманим всех в засаду,
Васак падет от многих наших сил,
Старик умен, он нас за нос водил,
Теперь уж мы получим всю награду!

(Отступающие конные отряды парфян. Васак отдает приказ)

Васак:

Вперед! Нам долго лес чинил преграды,
Отходим, нам пора собрать войска.
Один грабеж, везде одна тоска,
Ужели мы набегам только рады?

Один из азатов:

Ромеи, о, спахбед, скорей! Ромеи всюду!

Васак:

Нагнать их, быстро! Лучников вперед!

Кассий (давая знак к отступлению):

Скачи, скачи Васак, ведь смерть не ждет!
Настал же срок, твоим убийцей буду!

(Окружение парфян римлянами. Короткое кровопролитное сражение)

Кассий:

Разите строем! Конных, пеших, всех!
Пусть дрогнет варвар, он повержен будет!..

Васак:

Назад скачите стрел на них не жалко!
Вперед пехоту, римлян строй разбить!

Кассий:

Не дайте конным с боем в тыл отбыть,
Парфянам смерть! Им будет очень жарко!

(Васак, поражая римлян, ранен смертельно. Парфянский полк разбит.)

Сцена Пятая

(Васак в лагере, в шатре при смерти)

Васак (приподнимаясь):

Моя вина, и смертью я плачу,
Успехов ряд вскружил главу седую,
Увижу ль я мою страну родную?
О, Свет, я сам задул в груди свечу!..
О, Боги, Ваш Огонь сразил меня!
И враг явил свое обличье зверя.
Беспечен был и слеп, увы, не веря,
Что буду я страдать, себя виня!

(Падает в беспамятстве).

Пакор (задумчиво и печально):

Мы гневом нашим, грозы в Небе множим!
Раскаты грома ужас в нас вселяют,
И дух гнетут, и нашу мысль пугают,
И страстью сильной, мы себя тревожим!

Конец V Акта. Конец Первой Части.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Действующие лица:

Артавазд II – Царь Армянский.
Арташес – старший сепух Армении.
Тигран – младший сепух Армении.
Ород II - Царь Парфии.
Лаодика Коммагенская - жена Орода II.
Царица Армянская – жена Артавазда II
Фраат IV – Царь Парфии.
Артавазд - Царь Мидии-Атропатены.
Великий Князь - Конник Багратуни-нахарар-венцевозлагатель.
Великий Князь Хорхоруни - нахарар - глава царской охраны.
Бдешх Ахдзнийский
Бдешх Гугарка
Великий Князь Ангехский.
Публий Канидий Красс - консул-суффект при Антонии.
Стациан – легат Антония.
Марк Антоний – любовник Клеопатры VII, триумвир Рима.
Клеопатра VII – царица Египта.
Верховный Жрец Храма Анахит в Ерезе.
Верховная Жрица Храма Анахит в Ерезе.
Верховный Жрец Бога Тира.
Оракул Бога Тира
Старая слепая жрица.
Призрак слепца.
Тень Артавазда I Армянского – брата деда Артавазда по отцу.
Тень Митридата VI Евпатора – деда Артавазда по матери.
Тень Фраата III.
Матери Ночи.
Образ Тира.
Слуга Орода II.
Жрецы, стражники.
Квинт Деллий – посланник и друг Марка Антония.
Два жреца Бога Сераписа.
Гонцы.
Глашатай.
Привратники.
Воины (армянские, парфянские, римские, мидийские).
Хромой палач.

ЭПИГРАФ

Владея всем, легко другими править,
Но миром править, только нищий сможет…

(Действия происходят в I в. до н. э., 38-31 г. до н. э.)

АКТ I

(38 г. до н. э. Парфия, Рага (Арсакий). Один из дворцов Орода)

Сцена Первая

(38 г. до н. э. Парфия, Рага (Арсакий). Один из дворцов Орода)

Ород (больной на ложе, тяжело дыша):

О, Боги! Смерть подходит, сея страх!
Вновь слышу запах крови, чую холод.
Не стар пока, однако я, не молод,
Ужели, власти я увижу крах?
Пакор погиб, Фраат, как лис хитер,
Плетет он сеть для смут, для войн, раздоров,
Слова учтивы, мил для многих взоров;
Улыбкой лести он разжег костер!
Виновен я, ведь сам взрастил химер!
Убил отца, лишил Престола брата,
За все блага, дела, лишь кровью плата;
Сынам своим подал дурной пример!
Увы, я жду конца, тускнеет Нимб,
Я двадцать лет играю роль владыки.
Друзья — ушли, одни пустые лики,
Войду я в Тартар, мой далек Олимп!

Слуга:

Владыка мой, просил подать вина,
Его принес твой верный старый раб.

Ород (задыхаясь):

Неси сюда, скорей, хозяин слаб,
Я жажду, чашу выпью всю до дна[47].

(Пьет и вновь ложится. Начинается судорожный бред и сильная одышка. Видит тени Фраата III, Митридата III и Пакора и Сурена Михрана Пахлава. Тайно входит Фраат).

Тень Пакора:

Ород, ты помнишь, краток был мой век?
Ведь был ты рад, когда погиб Пакор!

Ород:

Уйди во мрак, бессилен твой укор,
Ты призрак, дым, ты — тень, растай, как снег!
То — ложь! Мой сын погиб, а я страдал,
И боль свою, поверь, унять не мог.
Увы, гнетет меня жестокий Рок...
Покинь прошу, позора я не ждал!

Тень Пакора:

Уйду, погибнешь сам, как злобный змей!

Тень Митридата:

Услышь во тьме, к тебе держу я речь,
Не думал ты, что будет много встреч.
Настигли мы тебя, нас гнать не смей!

Ород:

О, брат, прости, я был к тебе жесток,
Преступным стал, что Кровь Царя пролил!

Тень Фраата:

Преступным был! Твой час, Ород, пробил!
Умрешь сейчас, настал желанный срок!

Ород:

Отец! Молю, отбрось холодный гнев!
Увы, познал в слезах свою судьбу.

Тень Фраата:

Умри бесчестный, вверг весь дом в борьбу,
Ты жаждал крови, алчный грозный лев!

Тень Сурена:

Узри меня жестокий, алчный Царь!
Убийца гнусный, кровью множил зло;
Попрал Закон, навесив всем ярмо.
Растил лишь трусость мерзкий, жалкий псарь!

Ород:

Сурен Михран, точила зависть ум,
Прекрасен был ты! Повод мне подал...

Тень Сурена:

Ты в страхах черных жил и в них пропал,
И вместо Звуков, ныне слышишь шум!

Ород (делая последние усилия):

Я, жив, мне лучше, Тир вдохнул Огонь!
Я встать хочу, впустите свет. Тут, мрак!

(Подходит слуга Орода, чтобы задушить Царя. Фраат тайно наблюдает за происходящим)

Слуга (шепотом, злобно):

Умолкни червь! Умри, как ярый враг!
Подохни в муках, словно старый конь!

Сцена Вторая

Фраат (в своих покоях):

Конец настал, погиб убийца злой.
Избавил Трон; он слишком долго правил.
Да, был могуч, хитер, себя прославил,
Но был жесток, вражду привнес собой.
И мне не жаль его, ведь изверг пал,
К концу, расстроил власть и стал опасным,
Он мстил уж всем. Глумился с гневом страстным.
Страна рыдала, враг являл оскал!
Лишу всех братьев. Власть приемлю сам,
Теперь моим Престол парфянский станет.
Один я Царь, а мерзость в бездну канет,
Затмив дела отца, прикрою срам!
Да, Фарна блеск давно мой взор пленил,
Я править долго буду в этом мире.
Я слышу голос! Он зовет в Эфире,
Я помню глас, он с ранних дней манил!

(Входит Лаодика Коммагенская)

Лаодика:

Мой сын, Фраат, достиг желанной цели?
Иль только сложный путь готов пройти?

Фраат:

За смерть отца, меня, ты мать, прости...

Лаодика:

Довольно плакать! Мы того хотели...
Пусть будет то, чего желаешь ты,
Но, помни, путь к Престолу кровью полон,
Ты должен мудрым стать, как старый ворон,
А жалость - сжечь! Достигнешь сын мечты!

Фраат (задумчиво со страхом):

Жестоким быть?! Так мать родная хочет?!

Лаодика:

Да, силой страха множат Святость Мира!
Ведь страх один умножил власть для Кира.
Над слабым, даже грязный шут хохочет.

(Удаляется. Фраат, один).

Фраат (с тревогой):

О, власть и смерть, как две сестры родные,
Но с общим ликом, скрытым всем до срока.
Хранит в себе тот лик печать порока.
Родные вы, но все ж, всегда чужие.
Как тяжко, власть имея, смерть лишь видеть,
Со смертью, мигом власть терять, жалея.
До часа ждать, страдать мечты лелея,
Во страхе жить, боясь Богов обидеть!
Теперь, я Царь и мне не стоит плакать,
Коварством, силой я убью всех близких.
Да, зол я стал. Хозяин мыслей низких,
Но эту низость, злость, так трудно прятать!
Так первой, мать моя уйдет, бесследно!
Армянский род ее, уж больно сложен;
Всё сеть плетет? Я ж меч достал из ножен!
Ерванда кровь влияет крайне вредно![48]

Сцена Третья

(Конец 37 г. до н. э. Экбатаны. Фраат IV и Артавазд Мидийский)

Фраат (один):

Война всегда была затеей трусов,
Однако нам, милее роль глупцов:
Кичливых, мрачных, добрых слуг, льстецов.
Уйти во тьму, сбежать от всех укусов!
Ну, что же! Быть Войне, пусть Рим ликует!

Недолго радость будет тешить слух,
Кормить он станет змей и черных мух.
Пока же Рим пусть блажь свою рисует!

Артавазд (пытаясь сменить тему):

Армянский Царь таит на нас обиду?
Иль Риму ныне он служить готов?
Войной погубим много мы голов,
Иль будем ждать, храня покой без виду?

Фраат:

Ты, прав, мой друг, представь, нам нужно ждать.
Антоний медлит, Царь армян боится,
Возможно, вскоре мы узрим! Свершится!
Тогда и сможем, брат, отпор им дать!

Артавазд:

Антоний глуп, его бросают в бездну,
Союзник сам готов его столкнуть.
Диктатор Рима выбрал шаткий путь...

Фраат (задумчиво, не без страха):

Иль он падет, иль я, мой друг, исчезну...

Артавазд:

Мне жаль, что ныне Хайк в союзе с Римом,
Но Царь армян питает злость ко мне.

Фраат:

Он грезит местью, он готов к войне?
Он хитрый Царь, ведь был всегда он мимом.

Артавазд:

Долины предков он решил отнять,
Те, что Тигран отдал за свой Престол.

Опасен он, коварен, крайне зол...
Умом же трудно мысли все объять.

Фраат (озлобленно):

Надеюсь я, что наш Антоний глуп,
Поспешно он свершит оплошность в гневе.
И тем, вся месть армян протухнет в чреве,
Пусть буду я речами черств и груб!

Артавазд:

Но, смею мыслить, мы к войне спешим?
Что делать мне прикажешь Царь великий?

Фраат:

Принять удар готов ты, грозный, дикий?
Сдержав врага, благое мы свершим!

Артавазд:

Уверен будь, к войне готовым буду,
И в прах сметем когорты Рима, знай.

Фраат:

Спасем мы тем Престол, Венец и край,
А мир дивиться только будет чуду!

Артавазд:

Теперь к Евфрату войско ты ведешь?
В сирийских землях встретить вражью рать?

Фраат (с недоверием):

Мой друг, со мной ты будешь римлян ждать,
И славу тем, поверь, быстрей возьмешь![49]

(Удаляется)

Артавазд (один, в сомнениях):

Фраат хитер, но Рим вдвойне опасней,
Он рушит мир, а роды в бездне топит.
Он словно вор, чужое злато копит,
И беды многих все творит ужасней!
Мы будто ждем небесной, грозной кары,
С проклятьем древним жизнь свою венчая,
Скорбя бредем, ведем войну, страдая,
А Грозный Град питает гневом чары!
Отродье знатных, ты слабо во злобе,
И зависть точишь, души в прах свергая.
Полна притворства мысль твоя земная,
И семя предков множит гниль в утробе!
Вот участь наша, всех Царей потомков,
Пожрет нас рабский мир. Его взрастили!
Мы сами, грабя, перлы в прах зарыли,
Но ищем клады все среди обломков!

(Удаляется).

Сцена Четвертая

(Весна 36 год д. н. э. Армения. Арташат. Артавазд II и Марк Антоний)

Антоний:

Во благо наше мы упрочим мир,
И сила славой всем укажет путь.
Врага сразим! Познает жизни суть,
В его стране устроим пышный пир!
Уверен я, что в дружбе с нами, Царь,
Ты сможешь древних предков край забрать,
Поможет Рим, усилит строем рать.
Удел парфян же злых познает гарь!
Несчастный Красс, увы, заносчив был.
Он предан был арабом, гордо пав,
Он гордо жил, теперь легендой став,
Но с ликом скорби Красс в веках застыл!
Приму я твой совет, могучий друг.

Пройдем в страну мидян под сенью гор,
Ты, прав, что враг не сможет дать отпор.
Ударив в тыл, пройдем пустынный круг.

Артавазд:

Я дам тебе проход, и войско дам,
Мидийский Царь, познает боль и стыд.
Он, варвар алчный! Им по горло сыт.
А конных, Марк, направлю в бой я сам!
Заняв Фрааспу, тем нагоним страх,
Фраат ослабнет, силы тратив зря.

Антоний:

В крови погаснет всех парфян заря,
Престол врагов накроет древний прах!
Спешу теперь готовить войско в бой,
Отбыть мне нужно все когорты ждут.

Артавазд:

Ступай Антоний! Горечь, боль пройдут,
А зло падет, умолкнет мерзкий вой.

(замечая с недоумением)

Потомок двух Владык великих, лжец!
В мечтах своих он бредом тешит дух.
Слепец больной, безумец, к правде глух,
Он мнит, себя Царем царей, глупец!

(Антоний с поклоном удаляется. Артавазд, один).

Артавазд (с тревожным чувством):

О, если Рок слепой, верша свой ход,
Упорством ввергнет войско наше в прах,
Тогда увидит Хайк печальный крах,
И горький плод сорвет от всех невзгод.
Не знаю, Луч побед во тьме взойдет?
И облик славы, я узрю вдали?

Кругом враги, а стяг Царей в пыли,
Святой Призыв, не каждый князь поймет!
Народ же слеп, он жалок, алчен, груб,
Лишь демон чрева жадно правит им.
Среди забот народ мой стал чужим,
Для благ же Власти был и черств, и скуп.
Осталось мало ждать, грядет конец,
Менять в стране устои поздно, жаль...
Жива лишь память, след надежд, печаль,
И множит тяжесть мой златой Венец.
Одна война, и всюду льется кровь,
И мне, Царю царей, лишь льстить врагу?!
Порочный узел сей лишь сжечь смогу,
Ужели страх убьет во мне любовь?!
Что есть Любовь? Желаний страстных ряд,
Союз, скрепивший Душу, Мысль и плоть?
Она одна творит. Она — Господь!
Все чары Мира в ней себя таят!
Не сможет страх ее убить во мне,
Но ложь посеяв, ядом стравит ум.
И звуки сфер прикрыв, проявит шум,
Пронзив же сердце, сгубит в мрачном сне.
Меня учили боль терпеть и ждать,
И стойко, хладно бой вести, как Бог.
Владыка я, и в том мой Дух помог!
Погибну я, но Воля сдержит стать!

(Удаляется)

Сцена Пятая

(Весна 36 г. до н. э. Арташатский театр. На сцене Ясон Траллийский, хор актеров, музыканты. Артавазд скрытно, из потаенного места, смотрят на игру артистов в своей трагедии «Бессмертный»[50]. Поодаль от Царя, за стеной, стоит Жрец Бога Тира. Исполняется заключительное действие.)

Эписодий

Хор:

Явись Богиня Мать, поведай правду.
Ужель невинный он, к скале прикован?
Весь божий мир уже им околдован,
Но Царь Титан познал тут хлад и жажду.
Мы ждем тебя Святая Мать Златая!..

Анаит:

Сильней меня, Богинь на Свете нет!
В словах не лгу, вещаю правду Мира!
Пусть помнят ужас Нисы, жар Эфира!
Сожгла я зависть, ложь — их горький след.
Но дом на лжи, сведет того в могилу,
Того, кто мстя, не чтил меня — Богиню,
Страдая рушил храм — свою святыню,
В обмане пал, утратив мысли силу!

Предводитеьница хора:

Он жертвы сам вознес, Богиня знает.
И чтил Тебя, всегда же был он Воин.
Ужели смерти лютой он достоин,
О Матерь зри, к Тебе твой сын взывает!

Эписодий

Хор:

Светлейший Бог, хранитель тайны мира,
Вот грозный пес в теснинах злобно лает.
Яви свой луч, к тебе весь хор взывает,
Священный Тир, яви нам час для пира!
Титан-Воитель, тот кто свергнул Змия,
Томится в скалах, ждет времен кончины.
И гнев его рождает гром пучины,
Как выйдет он, взревет огня стихия.

Тир:

Здесь, в недрах раньше правил Царь Вишап!
Теперь же ты, хранишь святой удел!

От чудищ принял много острых стрел.
Познал и силу их ужасных лап.

Хор:

Противник Воли Высшей ныне стал!

Артавазд[51]:

Была ли Высшей эта Власть Небес?
Иль ложь тая, даруя ряд чудес,
Страшась, ждала всегда своих начал.

Тир:

Конец ее придет, наступит мрак!

Артавазд:

Иль новый Луч, скрывая сонм миров,
Взойдя в тиши, храня печати снов,
Проявит в мощи, Света новый Знак?

Артавазд:

От силы злой и боли, я ослаб!
Но все же, жив! Борьбой своей, я горд!
От сотен тысяч злобных вражьих орд,
Не сдамся, знай, я Царь — Титан, не раб!

Тир:

Отец не мог тебе свободу дать!
Ведь час забвенья ныне пробил, знай!
До срока, Царь — Титан, один страдай!

Артавазд:

Хранить покой в себе и Митру ждать!
Владыка Правды сам судить придет!

Тир:

То, Тайна тайн! Молчи, безумец! Стой!

Артавазд:

Взойду, погубит Пламя Мира строй!
Безумец я! Во мне же Гнев живет!

Строфа

Хор:

О, Каджи[52], бейте! Цепь его слабеет,
Гоните псов, что гневно цепь грызут.
Пусть гром сойдет на них, они бегут,
От звуков, плоть Титана вся немеет!

Первый Кадж:

Ударим брат! Мой молот первым бьет;
Трясет уже устои сей горы!

Второй Кадж:

Ударь, а я дождусь своей поры,

Хор:

Быстрее бейте! Пес уж путы рвет!

(Звуки мощного рога и гром)

Строфа.

Предводитель хора:

Титан умолкни, волю спрячь в груди!
Ее удар бессилен перед Богом!
И радость он дарует нам во многом,
Смотри Титан и слушай, сам суди!

Тир (заклиная):

Умолкни Демон, черным камнем стань!
Черствейте чресла, грудь, немей же длань,
Сомкнитесь вежды, он не видит грань,
Пусть плоть его накроет Бога ткань!

Артавазд (стеная, в припадке безумия):

Настал тот день, уже Заря взошла,
Во цвете алом взвился Древний Змей.
Он Вестник многих бед и тьмы смертей,
Как гнев из недр Его глава взросла!

Хор:

Взреви Земля, взрыдай Небесный свод!

Артавазд:

Владыка пал, держава стала сира!
Бессмертен я, не знать, увы, покоя!

Тир:

Гора Богов, в скале запри героя!
Богиня Мать, сокрой же гнев от мира!

(Толпа встает, аплодируя. Артавазд не замечает призрака нищего слепца подле себя)

Призрак:

Страшись возмездий! Миг их мощный в силе!

Артавазд:

О, странник старый, бой веду с собой.

Призрак:

Я, вестник, Царь, измучен ты борьбой!

Артавазд (печально):

Оставь же призрак скорбь пустой могиле!

Призрак:

Сойду в нее, но ты скитальцем будешь,
И град твой станет всей стране могилой!

(Исчезает)

Артавазд (мрачно и испугано):

Химер больных взрастив в душе унылой,
Забыв про все, умрешь и в бездну канешь.

(Удаляется. Жрец Бога Тира один на возвышенности смотрит вслед уходящему Царю)

Жрец (удрученно, чуть плача):

Он принял сан жреца Владыки Митры.
Ужели сын Тиграна выдал тайны?!
Нет, это — смерть! Дела, увы, печальны!
Его же дерзость, нас ведет на битвы!
Простят ли Боги, сделав сказ забытым?
Возмездье ждет, и срок Царя настанет,
Не сможет он уйти, лишь люд обманет,
Ступив во тьму, оставит трон разбитым!
Не знал ли, что Эсхил побит камнями?!
За тайну Зевса был он проклят Богом!
Теперь, повинен пред Судьей во многом,
И будет ждать он смерть свою ночами!

(Удаляется)

Сцена Шестая

(Смотр римско-армянских союзных войск и войск союзников в Басенской долине. Артавазд II и Марк Антоний. Присутствуют:

наследный князь Арташес, бдешх Ахдзника, князья Багратуни, Хорхоруни, Публий Канидий Красс).

Бдешх Агзнийский:

Великий Царь царей, живи во век!
Пусть Солнце Вечно жизнь тебе дарует!

Князь Багратуни:

И сонм Богов, Владыка наш, ликует!

Князь Хорхоруни:

От Света, тьма, уж свой ускорит бег!

Артавазд:

Добро всем! Славы Луч, друзья, над вами!
Пусть Грозный Бог, всю мощь свою направит,
Его Огонь врагов бежать заставит,
С Его Щитом победа будет с нами!

Все князья и воины:

О, Слава, честь и слава! Честь и Слава!

Бдешх Агзнийский:

Добро тебе, о славный воин Рима!
Пусть Боги Света дарят радость Граду!

Антоний:

Добра даруют Боги, всем в отраду!

Артавазд:

Победа Правды, всеми, Марк, любима!

Канидий Красс:

Хвала тебе могучий Царь армян!
Пусть радость край наполнит твой прекрасный!

Артавазд:

Я рад, о храбрый Красс, Посыл твой ясный,
И с мощью вместе мы добьем парфян!

Все князья и воины:

О, Слава, честь и слава! Честь и Слава!

(Марш. Звучат горны, барабаны, волынки и флейты.)

Конец I Акта.

АКТ II

Сцена Первая

(Лето-Осень 36 г. до н. э. Временный лагерь Антония к северу от Фрааспы. Антоний и Артавазд)

Артавазд:

В горах, нас враг не сможет силой взять,
Ведь конь средь круч — обуза, каждый знает.

Антоний:

Бояться мне? О том лишь враг мечтает,
Заметив нас, бегут парфяне вспять!
Таран оставлю я, пойду вперед,
Ведь он тяжел, обоз, увы, огромен.

Артавазд:

Совет же мой, Антоний, будет скромен:
Таран возьми, без груза гибель ждет!

Антоний:

Мидян разбить смогу я, ты мне верь,
Таран доставят с грузом к стенам быстро.

Артавазд (ускоряя ход коня):

Прошу, прожди. Я мыслю, всё не чисто,
Боюсь в засаде злобный, хитрый зверь.

(Артавазд удаляется, Антоний, один)

Антоний:

Нет сил уж ждать! Скорей бы в бой вступить.
Я жажду крови, полон гнева я,
За Красса, Рим. В войне моя стезя,
За славу мира, яд готов испить!

Меня считают грубым, злым порой,
Глупцам чванливым трудно все понять.
Живя в миру, боятся спесь унять,
И тешат бренный ум одной игрой!
Закон чиня, они лишь кличут месть,
Со страхом рабским, жалкий путь влача.
И меч завис, но рубит он с плеча!
Вокруг лишь чернь и чернью движет лесть!
Война, война! Она спасает Мир!
И людом правит юный грозный Бог!
Он слабых вверг в огонь, но мне помог.
В Его уделах трус и наг, и сир!
Пусть в страхе враг срывает яркий стяг,
Безумец тот, кто Рима мощь презрел!
Лишится власти, свой отдаст удел,
И станет жить среди больных бродяг!
Парфянский Царь познает горечь мук,
За дерзость, боль заплатит он сполна.
Накроет трон и град его, волна,
Обломки варвар злой узрит вокруг!
К Победе, к звездам я спешить готов,
Настанет день и склонит Град главу,
Антоний сам покроет всю молву.
Лишь гимны будут петь без праздных слов!

(Входит Стациан)

Антоний (обращаясь к Стациану):

Увы, нам долгий путь в горах идти!
Обоз оставлю я, ты будь на страже!

Стациан:

Добро, мой друг, не быть же подлой краже?
Огромный грозный груз готов спасти!

Антоний:

Царя армян оставлю, он мешает,
И мнит о том, что сам ведет борьбу.

Стациан:

Он, хитрый варвар, сеет лесть, вражду,
И та вражда покоя нас лишает.

Антоний:

Так знай, армянский царь сильней не станет,
И славы луч, над нами свет прольет.
Не зреть его орлам святой полет,
Цветок в его руках теперь увянет!
Мы сами, силой в прах сотрем Фрааспу.
Всю мощь армян, укроем мы в тылу,
Для них, мой друг, оставлю я золу.
Не быть мидийцам! Их Царю и Царству!

Сцена Вторая

(Лагерь Артавазда. Артавазд и князь Хорхоруни)

Артавазд:

Глупей барана, наш дурак великий!
Таран оставил, весь обоз вдали!
Так римлян, Царь парфян сметет в пыли,
И вскоре мы услышим топот дикий!

Хорхоруни:

Нам конных, Царь, пустить в подмогу нужно?
Иль ждать развязки ты велишь Владыка?
С отходом нашим будет много крика,
А кровь за Рим пролить армянам чуждо!

Артавазд:

Решится все само. Мы ж будем ждать.
Антоний сам загнал себя в силки,
Обоз сожгут! Полки парфян крепки.
А дать отпор успеет наша рать?

Хорхоруни:

Так в бой, мой Царь, не станем мы вступать?

Артавазд:

Навязан нам союз. И я, не рад.
Ведь держат в стойле нас, где много стад,
А нам за Рим, за спесь врагов страдать?!
Я, князь, просил его прождать у нас,
А он, глупец, все рвался в грозный бой.
Он сам решал и спор он вел с Судьбой,
Настанет вскоре платы жуткий час! [53]

Хорхоруни (в сторону):

И час пришел, его, ты, здесь застал!
Но видишь только марь, и тем ты горд!
Не дайте Боги видеть вражьих орд,
За роль Владык мы зрим друзей оскал.

Артавазд (грозно в ответ):

Не прав ты, князь, и гневный пыл уйми!
Обид своих не смей таить малхаз.
Помощник мой ты верный, царский глаз.
Готов страдать за Рим? Тогда, умри!
Обоз — вдали, вся наша рать в тисках,
Парфяне нас возьмут быстрей в кольцо,
А, сдавши груз, спасем свое лицо?
Добычей станем легкой мы в руках!

Хорхоруни:

Прости, меня, Владыка, был горяч,
Отступим мы, уйдут те, кто в союзе.

Артавазд:

Покинем всех, не быть дурной обузе,
Но все ж молчи и чувства, князь, упрячь.[54]

Хорхоруни:

Пошлю скорей в дозор отряд, Владыка.

(С поклоном, удаляется к войскам. Артавазд один в шатре.)

Артавазд:

Наступит день, когда узрю свой луч?
Когда ни Рим, ни злобный змей Аршак,[55]
Мешать не смогут. Вспыхнет Солнца знак
Иль мне еще страдать от мрачных туч?
Устал, за двадцать лет, венец мой врос,
И давит обруч, тяжек царский меч.
Хочу покой и сбросить ношу с плеч,
Но должен край родной спасти от гроз.

Сцена Третья

(Осада Фрааспы. Антоний один, удручен)

Антоний:

Монез, в тылу парфян, устроит бой?
Иль мой легат покончит разом с ними?
Увы, в союзе Рим с друзьями злыми!
И вскоре все они поднимут вой!
Одни лишь камни, жуткий мерзкий край!
Баллист бы мне иль башен мне осадных,
Я взял бы град, уйдя от дел досадных.
Теперь же в гневе, рви и все бросай!
Который день у стен стоим и ждем,
Когда нам враг, врата свои откроет,
Попытки тщетны, скоро войско взвоет.
Однако путь к победе мы найдем!
Я был упрям, не слушал я армян,
Теперь винить себя за гибель буду.
О, гордость! Жду, терплю и верю чуду,
Уйти? Сбежать? Загладить сей изъян?!

(Отдает приказ выдвинуть велитов)

Антоний:

Пусть копья мечут в цель велиты, быстро!..
Гонцов пошлите в лагерь наш, к обозу!..

Гонец из лагеря Стациона:

Антоний! Твой легат убит, все пали!
Обоз разбит, армянский царь отбыл!

Антоний (в ужасе):

О, Боги, я молю, подайте сил!..
Отступим мы! Без боя все устали!..

Гонец (обессилено):

Парфяне конных больше в бой пустили...
Монез в тылу у нас врагу помог!..

(Падает)

Антоний (в гневе):

Пробьем ряды парфян! Вперед, вперед!
Трубите сбор! В поход когорты строить!
Всем в бой идти! Не сметь со мною спорить!
Узрим Победы милой мы полет!

(Отдавая в отчаянии приказы):

В обход идем, я ввергну в прах врагов!
Писать в Сенат, что Царь армян предатель!..
Дела свершив, познает страх мечтатель!
Свободным стать? Поит Свободу кровь!

(Бой с парфянами у холма).

Антоний:

Тестуду строить всем, сомкнуть щиты!
Парфян разить, когда вплотную встанут!

(Конные отряды парфян с копьями подошли вплотную к строю римлян)

Антоний:

Разите всех! Усталость, страх пусть канут!
Вперед, вперед! сомкнуть скорей ряды!

Сцена Четвертая

(Отступление)

Первый легионер:

Скорей бы вид Аракса нам узреть!
От стрел парфян мы все страдаем сильно!

Второй легионер:

О, Боги, пыль! Мы слезы льем обильно!
Уж лучше смерть, уж лучше нам сгореть!

Третий легионер:

Антоний! Будь ты проклят, злобный зверь!
Глупей тебя во всей стране не сыщешь!

Первый легионер:

Спешишь, собака? Только гневом пышешь!
Ты вор и трус, виновник всех потерь!

Второй легионер:

Аракс, Аракс яви свой грозный вид!..
Бредем к тебе одни, от смерти жуткой...

Третий легионер:

Поход наш был игрой и глупой шуткой!
Вот галл могучий, он ничком лежит!..

Первый легионер:

Бедняга пал, и грифы все кружат!..

Второй легионер:

Аракс — отец, спаситель наш от мрака...
Юпитер Светлый нас хранишь от праха!

Третий легионер:

Хвала, хвала! колени лишь дрожат!

(Бегут к водам Аракса).

Сцена Пятая

(Арташат. Артавазд и тайный посланник Октавия)

Посланник:

О, Артавазд, Божественный Владыка!

Великий Царь! Октавий шлет привет!
Пусть Боги Мир даруют, будь во Славе.

Артавазд:

Приму за радость я посла в державе,
Ведь сына Рима славит целый свет!

Посланник:

С поклоном, ты, письмо его прими.
В нем просьба друга, с пользой, светлый Царь!
От Дружбы — луч святой, Богов алтарь.
Союз от Неба прочен меж людьми!

Артавазд:

Ответ свой дам. Октавий будет рад!

Ступай теперь, я тайну скрою, знай.
Тайком пройдешь, и псы поднимут лай,
Чрез черный ход иди, дойдешь до врат.

(Посланник удаляется)

Артавазд:

Октавий ждет, когда падет наш враг.
Он жаждет власти, Богом мнит себя.
В письме желает мира он, скорбя,
А мир тот — кровь. Споткнешься, сделав шаг.
Пусть Марк умрет, войска его слабы,
Но тем свершу я подлость, только зря.
Тогда лишь станет Рим один судья:
Октавий — Царь, а мы его рабы?
Не быть тому, наследник Гая — зверь,
Антоний — слаб, пока не ждать беды,
Убив, увы, оставлю я следы,
И вскоре вор начнет ломиться в дверь.

Сцена Шестая

(Арташат. Артавазд и Антоний)

Антоний:

Я сломлен, Царь. В глазах лишь ужас, муть!
Винить себя за смерть, за муки, боль?..
За весь позор, лишь в чести вижу соль!
Терзает камень, давит он на грудь!

Артавазд:

Я знал, что тяжким будет наш поход,
Не смог помочь, успел бы дать отпор?
Ответь, успел бы? Чую твой укор...

Антоний (отрешенно):

Уверен, прав. Ты спас от всех невзгод...
Виновен только я, ты сердцем чист.
Отбыть в Египет нужно мне мой друг.

Артавазд:

Я дам тебе в дорогу, злато, слуг...

Антоний:

Добро! Пойду. Ты слышишь ветра свист?

Артавазд (смотря вдаль, холодно, задумчиво):

То осень листья гонит в неба даль,
Конец теплу, наступят холод, лед,
Уходит осень, свой свершив полет,
За ней зима грядет, потом — печаль...

Антоний:

Прощай, мой друг, мне в путь идти пора.
Ты дашь мне слуг в дорогу? Буду ждать.

Артавазд (отрешенно):

Обоз готов. Могу и слуг я дать.

Антоний (смотрит в гневе на Масис):

Возьму троих. Корит меня гора!

Артавазд:

Оставишь, друг мой, ты свои войска?
Иль только слабых, старых, всех калек?

Антоний:

Уверен, дашь тепла, еды, ночлег.
Прости, пойду, грызет меня тоска.

Артавазд:

Ступай, уже. Больных своих оставь.
Прощай, Антоний, рад я был помочь.
А грусть упрячь, тоску гони ты прочь.

Антоний:

До встречи, Царь, и, ты во славе правь!

(Удаляется)

Сцена Седьмая

(Артавазд один. Входит Жрец Бога Тира. Артавазд, не обращая внимания на Жреца, сидя в кресле, удручен):

Мне выпал скорбный жребий быть врагом;
Державе, дому, роду. Сеять боль.
Несу одну печаль, влача юдоль;
О благе мысля, я питаюсь злом!
Я грифа видел, он парил во снах,
И звал меня с собой, маня крылом;
Хотел взлететь, мечтал я стать орлом,
Но мой Венец сковал, и множил страх.
Я снять его с главы моей не смог,
Он врос, как корень, все терзал меня,
А гриф вскричал: "я жду на пир Царя!
Ведь ты давно слепец, не зришь дорог!"
От крика птицы, мой Венец упал.
На шее я почуял кровь свою,
Я слышал запах, капли зрел, струю,
Она змеей ползла средь древних скал.

Жрец (холодно):

Ты видел смерть свою в том черном сне.
Теперь лишь жди ее приход неслышный...

(Жрец Бога Тира удаляется)

(Артавазд, после ухода жреца, вновь видит призрака слепца)

Призрак:

Мы ждем свершений! Скоро срок придет!
Заложник ты! Свою зарницу зри!
Ты видел все, но знаков, Царь, не жди.
Бесстрастный Бог и твой устой сметет!

Артавазд:

Уйди же прочь! Не вижу я вины!

Призрак:

Ты пред собой свою вину узришь!
Дитя в венце ты, долго правя, спишь.

Артавазд:

Я, светоч Бога! Царь своей страны!

Призрак:

Глупец не тот, кто глупость сам свершил,
А тот, кто в жизни гордо тешил ум.
Прощай и жди! В словах твоих лишь шум,
И помни то, что ты свой плод срубил!

(Исчезает)

Артавазд (мрачно):

О, Призрак мой, ты прав, ты прав, как прежде.
Погибель ждет меня. Я, Агнец Митры.
Но я готов вступить на поле битвы,
Лжецы одни даруют путь надежде.

Сцена Восьмая

(Храм Тира — Еразамуйн. Жрец, свершает Таинство пред

алтарем Тира в роще платанов. Жрец вопрошает Оракула Тира)

Жрец Тира:

Великий Тир! Подай священный Знак!
Что ждет в конце могучий Дом Ерванда?
Огонь сойди на горы Багреванда,
Рассей же тайну древних, тьму и мрак!
Ударь о камни, мощный гром издай,
Яви свой Луч Господь Святых и Бдящих.
И Свет излей слепым, буди же спящих,
О, грозный Тир, храни родимый край!

(Жрец слышит Голос Оракула)

Оракул:

Ты вспомни скорбный путь жреца и брата,
Его убийство, Дом Царей погубит!
Отца убьют, народ сынов невзлюбит,
За кровь невинных, жизнью будет плата![56]

Армянский Царь в веках терзаем, помни!..

Жрец:

За все дела, что были, есть, грядут,
Ответ держать душе его не зря,
Он мужем добрым был, но страсть Царя,
Увы, надолго станет стержнем смут!
Но сердце он сберег от подлой лжи,
И Честь свою хранил от гнусных стрел.
Он верил, он страдал и боль терпел;
Делил Владыка сор от зерен ржи!
Мне жаль его, но мир уже в тисках,
А Путь отца, увы, не сын свершит,
И хладный Рок закончить все спешит;
Давно уже у Смерти Царь в силках!

Оракул:

Не тайны выдал он, но стал героем!

За имя Теос[57] был ваш Царь в ответе!
Кто носит Имя — ношей сдавлен в свете,
В миру кусаем черным мерзким роем!
Он будет предан! Дружба — жертва Бога!
Надел давно он свой венец терновый,
Он был Царем, теперь скиталец новый
К Звезде взойдет — светла его Дорога!
Он смертным был, Бессмертным будет зваться,
Его дела не все понять способны.
Как части цельны, меж собой подобны,
Так Жертва - Мир! Ее нельзя бояться!

Конец Акта II

АКТ III

(35 г. до н. э. Египет. Александрия. Дворец Клеопатры. Входит Антоний, подходит к Клеопатре)

Сцена Первая

Антоний:

Моя душа, к тебе одной спешил,
Мечтал обнять мою царицу, верь.
В войне иль в мире, знай, открыта дверь
Души моей. Тебя всегда любил!
Цветок мой нежный, ты даруешь свет,
Богиня ты, и ярче сотен звёзд.
Приют сокрыт твой лучше многих гнёзд,
Ты — гений мой, а я, лишь блеклый след!

Клеопатра:

Прими меня в объятья, мой прекрасный,
Тебя я жду давно, мой воин грозный.
Я знаю все, прошел свой путь ты слёзный,
Но ты силен, повержен враг ужасный!

Антоний:

Моя Царица, ужас в том, что — пал...
И верил я врагу, змее, как друг.
Теперь разорван сей порочный круг,
Довольно! Я терпел и я страдал!
Найду же повод я, убью Царя,
Он строит козни, лестью множит яд,
Одна лишь лесть, один лишь кроткий взгляд.
Он тьму узрит, прошла его заря!

Клеопатра:

Врагов армян, направь к долинам горным.
Страну предай огню, разграбь все храмы,
Себя любя, владей и правь без драмы,

Пусть твой приход к армянам, станет черным!

Антоний:

Найду я повод. Смерти будет ждать!
Он добрым был, узрит мое добро!
Пусть Царь царей, для Рима, все равно,
Но он, умен, и мне придется лгать.

(Входит служанка Клеопатры)

Служанка:

Гонец Мидийский с вами встречи ищет.

Клеопатра (устало, с иронией):

Пойду к себе. Кругом лишь варвар рыщет...

Антоний:

Он знатный воин? С ним Царя печать?
Пусть он войдет, проси, скорей, проси!

(Входит Царь Мидии Артавазд, переодетый в гонца)

Артавазд:

Привет тебе великий, сильный друг,
Отныне нас сближает общий враг!
Моя рука, мой меч и бранный стяг,
Пусть служат Риму, чертят Славы круг!
Гонцом одевшись, я спешил к тебе,
Союз скрепить во имя мира, знай.
Цари парфян, армян, гнетут мой край,
Лишь Рим - союзник, брат, в моей беде.

Антоний:

Я рад тебе, Мидийский Царь, поверь,
Союз мы наш скрепим, и враг падет!
Прождать же нужно, друг мой верный, год.

Готовым быть, избегнуть всех потерь!..

Артавазд:

Лишим Царя царей его венца.

Антоний:

А земли я его, тебе отдам,
Склонив Царя армян к моим ногам.

Артавазд:

Его б главу узреть и скорбь лица!..

Антоний:

Узришь, лишь жди. Союз наш крепким будет...

(Артавазд один)

Артавазд:

Свершилось! Край Армянский весь возьму.
Наш Род к Царям Великим корни тянет.
Настанет день, Могучий Дом воспрянет,
Недаром я веду свою борьбу![58]

(Удаляется)

Сцена Вторая

(Антоний один в саду)

Антоний:

В поход иду? Нет, месть свою свершаю!
Пусть подлым кличут. Суд потомков — скорый!
Пусть в Риме взвоют все, пусть шлют укоры,
Я гневным стал. Врагов своих стращаю!
Не Царь армян, его мне злато нужно,
И мой триумф, затмит триумф Помпея.

Его не буду ждать, как раб, старея,
А все возьму себе, как зверь — натужно!

(Входит Клеопатра)

Клеопатра:

Мой милый Марк, о, храбрый воин мой,
Ты к мести хладным будь, познаешь всё.
Упрячь во глубь ты жалость, жги её,
И действуй смело, суд верша лишь свой!
Сплети ты сеть вокруг Царя царей,
Когда он сам придет в твои силки,
Тогда и боль твоя и мрак тоски,
Зажав врага, убьют его быстрей!

Антоний:

Мне Цезарь другом был. Я власть приму!
Октавий – юн, таит он женский нрав.
А я силен, и в силе буду прав,
За власть и злато я к врагу примкну!

(Антоний в гневе удаляется)

Сцена Третья

(Клеопатра в тайных покоях, перед алтарем и статуей Богини Сехмет[59], молится и проводит ритуал с заклинанием.)

Клеопатра:

О, Матерь Сехмет, ты врагов сожги,
И взором ярым их сердца пронзи!
Молю, карай, и прах посей в пути!
Убей же всех! Я слышу их шаги!
Царица Тайн, коснись моей груди,
Царица войн, коснись моей руки.
Царица гроз, ты месть свою дари,
Царица бурь, в ветра свой жар впусти!

Конец Акта III.

АКТ IV

Сцена Первая

(Весна 34 г. до н. э. Армения. Арташат. Дворец. Посольство Антония)

Квинт Деллий:

Великий Царь! Антоний шлет привет!
Во благе будь, и радость в мире зри.
Престол твой Свет зальет, и цвет зари,
Да будет ярким твой, о, Царь, рассвет!
Прими письмо Владыка, просьба в нем...

Артавазд:

О, милый Деллий, я прочту письмо,
Но ты, мой друг, скажи, что нужно вам.
Приму посыл твой, может злата дам,
Я дружбе верен. Лгать друзьям грешно!

Квинт Делий:

Руки царевны просит Марк Антоний,
В родстве с тобой желает быть, Владыка!

Артавазд:

Но сей союз поднимет много крика,
Поднимет он укоры, шум сторонний.

Квинт Деллий:

Престол упрочишь свой, умножишь Власть...

Артавазд:

Но Деллий, друг, ведь дочь моя мала,
А наш Престол силен. Крепка скала!
Чужды Венцу утехи, страх и страсть!

Артавазд:

Ступай с добром, ответ отправлю свой!
Скажи, что рад. Пусть Боги благо шлют!

(Деллий удаляется).

Сцена Вторая

Артавазд и сын Арташес.

Артавазд (после прочтения):

Желает видеть он меня, глупец!
В Египте свадьбу он решил сыграть!..

Арташес:

Союзы мне чужды, довольно лгать!
Союзы с Римом портят кровь, отец!

Артавазд:

Антоний ждет ответа? Весть — послал.

Арташес:

И, что за весть? Отказ, уверен, я!

Артавазд:

Ты, прав! Мала, мой сын, сестра твоя.

Арташес:

Не скрасит враг улыбкой свой оскал.

Артавазд:

Ты, верно мыслишь мой любимый сын.
Не буду я сплетать наш Род с рабом.

Погибнет все, чего достиг с трудом,
Покроет край наш древний, едкий дым!

Арташес:

Готовь к войне страну, и силы множь.
Зови князей, народ поможет твой.
Пусть этот бой ведем с самой Судьбой,
Но страхом нашим, мы упрочим ложь!

Артавазд:

В войну вступить, но Рим того и ждет,
Фраат Парфянский другом нам не стал...

Арташес:

Отец, Антоний перед Римом — мал,
Октавий вскоре узы с ним порвет!
Египту служит он, про дом забыл,
Кто грезит властью, сам познает мрак.
Узрит Антоний жуткой смерти знак,
В его уме пока лишь блажь и пыл.

Артавазд:

Успею я собрать свои войска?
Пусть грозен враг, войны пока не жду.

Арташес (уходя):

Не медли Царь, уже ведем вражду,
Она грядет, она, отец, близка!

(С поклоном удаляется. Артавазд, один)

Артавазд:

Заложник старый, раб я власти шаткой,
А Время слепо все ведет к концу.
Ушла вся радость, скорбь одна к лицу...
Вкусил лишь горький плод от жизни сладкой!

Как узник я, все жду с надеждой ложной,
И слабость в сердце мой питает ум.
Боюсь себя, кругом лишь мерзкий шум,
Впотьмах брожу, как тень, с тоской тревожной!

Сцена Третья

(Новое посольство Квинта Деллия в Арташат. Артавазд, Деллий, Арташес)

Квинт Деллий:

Прошу ответ свой дай, Антоний ждет.
Он просит Царь, явиться в лагерь наш!
Я смею мыслить, что добро ты, дашь...
Спешить я должен, долг меня зовет!

Артавазд:

Гонца пришлю я вскоре, много дел!
И жду его я сам, и буду рад!..

Арташес (в сторону):

Каков наглец! Мерзавец, жуткий гад!..

Квинт Деллий:

Прощай покину вскоре твой удел.

(С поклоном удаляется).

(Входит князь Багратуни)

Артавазд:

Что знаешь ты о новом ходе дел?
Антоний все спешит в войну вступить.

Багратуни:

Вновь горечь он готов, как яд испить?
Он глупый жадный зверь, свиреп и смел.

Артавазд:

Но смелость с ним сыграла злую шутку.
И хватит сил, вступить на путь победный?

Багратуни (с иронией):

Не хватит, Царь! И путь он выбрал вредный,
Он гимны должен петь отцу-желудку!

Арташес:

Успеем мы собрать войска с уделов?

Багратуни (обращаясь к Арташесу):

Лишь конных рать держу, тебе известно.
Малхаз же даст лишь пеших, князь великий.

Арташес:

О, Рок слепой! О, ужас многоликий!
Лишь время губит все, сжимает тесно!

Артавазд (спокойно):

Ступай аспет, готовь всех конных к сбору.
Малхаза звать вели, прошу, скорее!

Багратуни:

К утру же будут все, когда светлее.
Мы вместе сможем сдвинуть даже гору...

(Удаляется. Арташес и Артавазд одни)

Артавазд:

Мой сын, родной, услышь, что я скажу,

Услышав, действуй. Верен долгу будь.
Свершил во власти свой нелегкий путь,
Теперь к закату жизнь уже веду.
Я, должен вскоре в жертву все отдать,
Так нужно всем: стране, родным Богам,
Я в плен иду. Державой правь ты сам:
Прими Престол, храни семью и мать!
Прощай, мой сын, и зла не смей таить,
Не мсти князьям, люби простой народ.
Я, верю, что воздвигнешь мощный свод,
Во славе будешь править, долго жить.

Арташес (мрачно):

Как скажешь ты, так я свершу отец.
Но горько мне принять и твой наказ.
Но прав ты, Царь, возможно, грозный глас,
Уже велит надеть златой венец.

(Входит гонец, за ним князь Хорхоруни)

Гонец:

Беда, беда! Антоний к нам идет,
Спешит сюда и с ним вся рать его!..

Артавазд (печально и тихо):

Черед подходит наш... винить, кого?!
Мой грозный Рок уже посланца шлет...

(Гонец уходит. Артавазд и князь Хорхоруни)

Хорхоруни:

У града Бога он устроил ставку,
Там дух Мажана нас спасет от козней[60].

Артавазд (спокойно):

Поверь мне князь, что помощь будет поздней,
Боюсь, готовит враг свою удавку!

На месть идем, с добром нас жрец не встретит[61]...

(Хорхоруни отходит с поклоном)

(Артавазд, в раздумьях смотрит на Масис)

Артавазд:

Приняв свой жребий пред судьбой склонюсь.
Возможно, тем спасу мою страну?
Боясь за жизнь, я ввергну край в войну,
А Власть держа, одну ее страшусь!
Настал мой срок, так Писарь — Тир решил.
Врагу доверив жизнь, сойду во склеп,
Сыграю роль, ведь враг мой горд и слеп,
Пусть мыслит, что боюсь, что буду мил!
В конце концов, теряю только власть,
Родной мой край, давно меня отверг,
Ерванда древний луч во тьме померк,
А грозный Хайк, князья загонят в страсть.
Но смерть моя нашлет всю месть на Рим,
Весь тлен побед накроет только мгла,
Да, я умру, но эта смерть — игра,
Я мало жил, но Митрой был любим!

Сцена Четвертая

(Лагерь Антония недалеко от Багавана. Антоний и Деллий)

Антоний:

О, друг мой Деллий, зол и мрачен ты.

Квинт Деллий:

Подвоха жду, ведь Царь армян, хитрец!

Антоний:

Не думай, Квинт, грядет его конец,
Закончим мы поход, свершу мечты!

Мне нужно злато! Царь царей богат;
Его казну я должен всю забрать.
Печально то, что долго будем ждать,
Но, скоро, Деллий, знай, ты будешь рад!

Квинт Деллий (в сторону, с ухмылкой):

То — миф, что Царь армян предатель злобный,
Лишь ты, Антоний сам во всем виновен.
Мы сеем ложь, но этим люд доволен,
Потомкам нужен только образ скорбный!

Антоний:

Побыть один желаю, друг любимый...

Квинт Деллий:

Во благе будь! Я, Марк, тебя покину...

(Удаляется)

Антоний:

Да, лгал я, мстил, и вся вина на мне,
Лишь я один бесславно шел к концу.
Но алчный Рим, ведь рад всегда льстецу,
В нем нищий, скорбь узрев, сгорит в огне.
Я грабил Мир, но вором я не стал!
Что, Сулла лучше был? Иль Цезарь, Гай?
Для Славы Рима граблю этот край,
Дары его беру, я их искал!
Но если будут гнать, гнобить, терзать,
Восстану в гневе, Гнев присущ Богам!
За все обиды всем врагам воздам,
Узнает чернь меня, заплачет знать!

(Входит Деллий)

Квинт Деллий:

Антоний, Царь явился! Рад же будь

Он с малой свитой в лагерь едет к нам!

Антоний:

Хвала Минерве! Он склонился сам!
Победа, Слава, Честь! Свободна грудь!..

Сцена Пятая

(Прибывает Артавазд с князем Хорхоруни и малой свитой)

Антоний:

О, здрав же будь, великий Царь царей!
Ты гость мой славный, дорог мне и мил.
Огонь Небес сегодня свет излил!
Свободен ты, отправь своих людей.

(Артавазда со свитой окружают римляне, с обнаженными мечами)

Хорхоруни:

Сомкнем ряды вокруг Владыки все!

(Князь закалывает мечем центуриона. Князя Хорхоруни поражает в бок Антоний)

Антоний:

Умри же, князь! Ты спорить смел со мной!

(Завязывается короткий бой. Свита Царя погибает)

Артавазд (отталкивая мечем легионера):

Уж лучше смерть, пусть я паду главой!

Антоний:

Царя схватить, в сетях вести ко мне!

(На Артавазда набрасывают сеть).

Артавазд:

Кто, силой множил зло — падет, как зверь!
Кто злато хочет — нищим смерть увидит.
Его любой ничтожный вор обидит.
Теперь же жди, и в блажь родную верь!

Сцена Шестая

(Антоний с войсками и пленным Артаваздом у крепости Артагерс)

Артавазд (тихо):

Мой краткий путь свершив, я смерть приму,
Блага и злато — тлен, пусть копит враг,
Я ж нищим был, хранил лишь Духа стяг...
Давно средь зла я Луч Богов ищу.
Прощай мой край, прощай родной Престол,
Великих гор святой и грозный вид.
Пусть прочен скал твоих седой гранит,
Но воды в нем текут, чиня раскол.
Мой бедный Хайк, подобен ты скале,
И облик внешний твой, подчас суров.
Но крепость рушит тайный полк рабов,
А жажда света всех гнетет во мгле!..

Глашатай:

Добра нам нужно. Царь ваш ждет свободы!
Врата откройте, вас Владыка просит!..

(Антоний с Артаваздом выступают вперед)

Первый привратник:

Хозяин наш, страну в беде не бросит!..
Крепки царем устои, стены, своды!

Сцена Седьмая

(Римляне у крепости Даройнк)

Глашатай:

Врата откройте! С вестью едет Царь!
Свободы ищет он, отдайте злато!

(Антоний с Артаваздом выступают вперед)

Второй привратник:

Отрыть врата! Живет наш Царь богато!
Дары очистят мир. Исчезнет гарь!

Сцена Восьмая

(У Крепости Ангх)

Глашатай:

Гнетет Владыку злобный хитрый враг!
И хищный зверь от вас добра желает!

Третий привратник:

Поди же прочь, здесь грозный Дух витает!
И крепок край его, храним очаг!

Глашатай:

Падет Престол, впусти привратник грозный!

Привратник:

Впустить Царя, на бой он множит силы!

Сцена Девятая

(У крепости Арцап)

Глашатай:

Враги у стен, и ждет подмоги Царь!
Открой врата Царя впусти за златом!

Четвертый привратник:

Наш Царь велик, в краю живет богатом!

Глашатай:

Наш край уж пуст, осталась только гарь!

Привратник:

Открыть врата! впустить Царя скорее!

Артавазд (в отдалении, стоит исступленно):

Смутился разум мой, и страх изъел.
Конец настал, я прожил много лет.
Так, впал во тьму, не зреть мне белый свет.
Уж лучше б я погиб от вражьих стрел.
Но мне, не даст так быстро смерть покой,
Ведь мук своих еще не ведал я.
О, Совесть, Совесть вечный наш судья,
Не ты — моя, а я заложник твой!
Копил я долго, чтобы все отдать,
Гордился властью, множив долг Богам.
И строив замки, свой же рушил храм.
Учил терпеть, но сам я мог не знать.
О, грабь, казни, один закон земной!
И месть верша, не смей жалеть людей,
Терзай, гноби, топчи ростки идей,
Стремясь ко злу, не знай стези иной!
Лишь смертный ум добро и зло узрит.
Была единой суть, а путь – прямым,

Теперь же он закрыт, и став чужим,
Холодным светом к смерти нас манит.

Сцена Десятая

(Совет князей в Арташате. Царица Армянская, Арташес, Тигран. Входят князь Багратуни, князь Ангехский, бдешхи Агзнийский и Гугаркский)

Царица (стеная):

Мой муж в тисках, страна без власти! Боги!
Престол пустой, одна картина краха,
Лишь мы одни стоим и силы страха,
Влекут на смертный бой! Одни тревоги!
Увы, погиб наш край, моя отрада,
Винить? Кого? Царя? Иль Рок бесстрастный?
По нашей воле Рок такой ужасный!
Врагов лишь ждут у стен родного града.

Тигран:

Слепцы одни вокруг слепых ведут,
Немых, глухие мыслят всё понять,
Глупцы в мечтах желают Мир познать,
Жрецы в своих речах красивых, лгут.
Вот суть всех бед! Отсюда наш позор,
Отсюда трусость, рабство, хитрость, гнев.
Везде лишь сплетни злобных старых дев,
А зависть тихо сеет в нас раздор!

Арташес (гневно):

И смерть кругом, ты только взоры кинь.
Она одна всегда итог вершит,
Она роднит, она же боль хранит,
Спасенье — сон, Гадес иль Неба синь!
Моя борьба — твоя погибель, Рим!
Познаешь мощь и кровь! Удел рабов!
Ты смел дерзить, держась своих оков?!
Ты смерч наслал? Взрыдаешь, мы узрим!

Царица:

О, Месть взбурли! Вскипай во имя Правды,
Взорвись в Огне и бей ключом из жерла,
Взметнись стрелой, скачи, как скачет серна,
Ужаль змеёй, пускай танцуют лярвы!
Из недр восстанет Пламя с серой жуткой,
Пожрет тебя, о Рим, угаснут храмы.
Ты сеял ужас! Сам познаешь драмы,
Твоя победа будет слишком хрупкой!

(Входят князь Багратуни, князь Ангехский, бдешхи Агзнийский и Гугаркский)

Князь Багратуни:

Войска готовы, все готовы драться!
Полки стоят и ждут, мой князь, приказа!

Царица:

Пусть Рим и римлян всех, пожрет проказа!
Ведь с нами Правда, нам нельзя бояться!

Бдешх Гугарка:

Пусть сын твой старший будет всеми править!
Аспет великий, все готовь к обряду!

Тигран (в сторону шепотом):

Уж лучше Царь наш выпил быстро яду,
Теперь же, брата страстно будут славить!..

Арташес:

А много ль войск у нас, великий князь?
Иль только те, кого призвать смогли?

Бдешх Агзнийский:

Ты, прав, мой друг, не все князья пришли.

Князь Ангехский:

Я вижу злую мысль и с Римом связь!

Бдешх Гугарка:

Числом мы малым вступим в грозный бой,
Иль смерть узрим, иль луч узрим Победный!..
Отсечь бы страх! Вот он советчик вредный.
И смело мы развеем вражий строй!

Арташес (один, мрачен):

Наследник стал руин по воле злой!
За робость слабых — плата кровью, знаю!
Увы, давно, в глазах князей читаю
Упрек отцу за все! Исчез покой!
Одни за злато, в страхе будут жить,
А мой удел, ответ держать за дерзость.
Дерзить тогда, когда вокруг лишь мерзость?!
Вот мощных путь, сплести событий нить!
Я путы чувств огню навек предам,
И вырву жала страхов грязных, серых,
И в бой вступив, пройду дорогой смелых!
Судить дела врагов по их следам!

Конец Акта IV

АКТ V

Сцена Первая

(Арташат. Царица Армянская, Арташес и Тигран)

Арташес:

Владыка двадцать лет держал Венец,
Но путь его тяжелым был и мрачным.
В делах - робел, но все же был удачным,
А в сердце он копил один свинец!

Царица:

Что делать нам, когда Держава гибнет?
Антоний груб, тебе ж нужна Победа!
Ты молод, сын, спасет лишь кровь от деда,
Святая месть, врагов твоих настигнет!

Тигран:

Но войск же мало, мы готовы к бою?
На зов наш, брат, не все князья явились.
Они, глупцы, от страха, все укрылись...

Царица (раздраженно):

Иль зависть их влекла всех пасть душою!

(С Тиграном проходит вперед).

Арташес (один):

Жестоким стану, трусов кара ждет!
Пусть даже враг сожжет мою Державу,
Я Власть возьму, она моя по праву!
Верну Престол! Мой долг святой зовет!

Сцена Вторая

(Арташат, Шествие перед Храмом Митры. Коронация Арташеса II. Жрец Митры, Хор Жриц и Жрецов. Венцевозлагатель князь Багратуни, Арташес, свита, толпа и войско[62])

Хор Жриц:

Возрадуйся Митра, Всещедрый и Вечный,
В чертоге древнейшем к Тебе мы взываем!
Огнем вечносущим Престол окропляем,
Владыку прими, Повелитель сердечный!

Хор Жрецов:

Даруй нам отраду в трудах и в страданьях,
И Знаком священным нам Путь проложи.
О, яркий во Свете, стезю укажи,
Стремящимся к Благу в борьбе и в мечтаньях.

О, Правда! О, Истина! В горних свеченьях,
Великою Славой доносите след.
Земле вы даруете Божий рассвет;
Рожденные в муках и в звездных бореньях.

О, Грозный Господь! Лучезарно Прекрасный!
Блюдущий заветы и Дружбы оплот.
Дарующий Радость средь сотен невзгод,
Ты Мир сбереги, о, во Гневе Ужасный.

Хор Жриц:

Возрадуйся Митра, Всещедрый и Вечный,
В чертоге древнейшем к Тебе мы взываем!
Огнем вечносущим Престол укрепляем,
Владыку прими, Повелитель сердечный!

Жрец Митры (вознося жертву):

Огнем и Водой окропи Миродержец
Посевы святителей в недрах просторных,
Свидетелей наших трудов рукотворных,

И будь Ты заступником всем, Громовержец!

О, Тайный Святитель, Блюститель Закона,
Ты Волю Свою ниспослал, Светлоокий!
Мы в душах увидим полет Твой высокий!
Пусть множится Истина в кольцах Дракона!

Князь Багратуни:

Во имя Святого тебя прославляю,
Даруя могучую силу Державы!
Венец твой прими от Хранителя Славы,
Тебе, я огромную Жертву являю!

И будь нам Защитником, будь Государем!

(Багратуни перед Храмом Митры надевает Тиару Армянских Владык)

Арташес (троекратно повторяя):

Защитником Правды и Истины буду!

Жрец Митры (окропляя Арташеса елеем):

Пребудет с тобою великая Мудрость!

(Царица, с сыновьми, бдешхи, князья и свита коленопреклоненно):

Покорны! И верности клятву приносим!

Толпа и войско (троекратно):

Да, Здравствуй же вечно, блистательный Царь!

Тигран (один):

Наступит день, когда надев тиару,
Подобно деду буду править я?
Блеснет ли луч, взойдет моя Заря?
Иль стану, нищ, дивясь земному дару?

Беречь обид протяжный список мерзкий,
Вот, участь малых, быть в тени и ждать!
Средь грязи, путь больным впотьмах искать,
Робеть с улыбкой, зная ум свой дерзкий!

(Удаляется)

Сцена Третья

(У рощи платанов Еразамуйн близ Армавира. Дом Жреца. Старый Жрец, умирая, сетует на происходящее перед слугами)

Жрец Тира:

Нас ждет разгром, побед, увы, не знать!
Нанэ[63] - строга, не слышит наши вопли.
Былых времен герои все усопли,
Нет больше чести, пали храбрость, стать!
Не в силах новый Царь, разбить врага,
Пусть скоро он готовит войско к битве.
Слова пусты, чужды благой молитве
От страха — спесь! Слаба тогда рука!

(Умирает)

Сцена Четвертая

(Битва близ Арташата между римлянами и армянами)

Князь Багратуни (отдавая приказ):

Готовьте луки, бейте в строй врага!
Не дайте им щиты свои сомкнуть!
Не смогут все они с пути свернуть,
Пускайте стрелы! Воля вся крепка!

Арташес (обращаясь к князьям и бдешхам):

Пусть ближе встанут, двинем рать вперед!

Бдешх Ахгзнийский:

Тестуды римлян, копья только вскроют!
Уж вскоре эти вражьи стаи взвоют.
Копье всегда длиной свое возьмет!

Арташес:

Вперед отправьте всех, пуская стрелы!
Уж, две когорты пали, строй слабеет!

Князь Ангехский (с телом бдешха Агзнийского раненный подъезжает к Арташесу):

Гугарка бдешх разбит, а рать робеет,
И конных мало, их удары смелы!

(Замертво падает).

Публий Канидий Красс:

Удар направить с силой строем пешим.
Велитам бить по конным, их уж мало.
На счастье наше войско ждать не стало.
Победой только мы себя утешим!

Князь Багратуни (сражаясь из последних сил):

Мечами бейтесь! Все погибнем с честью!
Свой долг исполним, смертью жизнь даруя!..

Антоний:

Артаксий – пал, догнать. Быстрей к столице!

(Арташес с малой свитой под прикрытием гвардии отступает)

Арташес (к свите):

Казна со мной! Спешим скорей к парфянам!
Вернусь я в отчий край, с грозой прибуду!..

Арташес (один):

Над родом нашим вьется черный гриф,
Все жертвы ждет святой посланник Бога,
Мне ж выпал жребий: боль, огонь, дорога,
Я сам дивлюсь, что я доселе жив!
О, кротость спи, сгори в моей груди,
Пусть месть моя наполнит Чашу гневом!
Я чист перед Державой, людом, Небом!
О, Грозный Бог, меня лишь ты суди!
Среди врагов найду друзей своих.
Для битвы жаркой, я скоплю всю ярость!
Игра прошла, уснула в сердце жалость,
Отмою кровью край от полчищ злых!
Спешу теперь один готовить сев!
Всем, кто предал, одна дорога к смерти!
И Волей Свет падет от горней Тверди,
Страшитесь все, уж зверь разинул зев!
В твоей ухмылке Рим, таится страх,
Твое отродье в пыль повергну смело!
За честь семьи я мщу, свершая дело,
О край воров, что множит боль в сердцах!
Дрожи и жди мидийский подлый Царь,
Придет и твой черед, поборник козней!
Просить в слезах, в молитве слишком поздней
Ты будешь, знай! От скверны пал Алтарь!
Пощад не жди, о скользкий мерзкий змей,
Душить тебя, твою страну я буду.
Излил ты яд свой горький, он повсюду,
Но кары жди, паршивый пес Царей!

(Удаляется)

Сцена Пятая

(Вход Антония в Арташат. Антоний с Деллием и Крассом)

Антоний:

Громите все! Пусть пламя жрет весь город!
А мы к Царице ход направим быстро!

(Стычка со стражей. Выход Царицы с дочерью, Тиграном, Артаваздом и родными).

Антоний:

Царицу, дочь, князей наследных — в плен![64]
Украсят мой триумф в Египте милом!

Квинт Деллий (с иронией):

Богине Тюхе, дан могучий град[65],
Она всем жизнь дала, Она же - сгубит…

Тигран (с мечом, защищая мать и семью):

Антоний, стой! Не смей касаться, враг!
С мечом сродню я грудь твою, плебей!
Уж лучше смерть, уж лучше нас убей!
Позор не стерпим мы! Замедли шаг!

Царица:

Отбрось свой меч Тигран, увы, все пало,
За грех отца, нас путь ведет в темницу...

Тигран:

О, Мать, прости! Лобзать готов десницу,
Я юн и глуп, всего всегда мне мало!

(Покорно опускает меч, с поникшей головой)

Публий Канидий Красс (вкрадчиво):

Возьми Ериз, и правь армянским миром.
Падет их Храм, и край покроет тлен!
Ты, взял Царя. Возьми Богиню в плен,
Так Марс свершит свой суд над их кумиром!

Квинт Деллий:

Страшись Антоний, Храм тот зла не терпит!
Богиня Мать во гневе мстит за грубость!

Антоний (смеясь):

О, Деллий — полно! Брось ты эту глупость!..

Канидий Красс (оборачиваясь в сторону Деллия):

Так, древний бред лишь страхи в сердце вертит!

(Царицу с семьей и свитой в цепях уводят).

Квинт Деллий (задумчиво, в сторону):

Глупец надменный, сам себя погубишь.
Не зришь добра, а нам платить за меру.
Ты копишь долг и тратишь только веру,
Мой друг, Антоний, ты себя лишь любишь!
А мой удел, лишь лгать потомкам малым,
И эту ложь крепить, забыв о каре.
Злодеи мы, с тобой, теперь мы в паре,
Но путь владык подернут цветом алым![66]

(Антоний и Красс одни. Красс вполголоса обращается к Антонию, следя за Деллием)

Канидий Красс:

Антоний, друг, поверь мне, Деллий — враг.
Наездник в цирке, знай, тебя предаст.
В делах своих гнилых, на все горазд,
А страх его скрывает бравый шаг.[67]

Антоний:

Известно мне, о нем, Канидий Красс,
Однако, я в долгу, пока, поверь.
Наш друг в Египет путь открыл и дверь,
Его, за это, я от многих спас.[68]

(Удаляются)

Сцена Шестая

(Провинция Ериз-Екелац. Антоний с войсками перед Храмом Анаит)

Антоний (удивленно):

О, что за шум, неужто нас стращают?
Тот гром великий, словно зов Вулкана![69]

Квинт Деллий:

Антоний, прочь пойдем, тревожно мне,
Богиня Мать, во гневе нас встречает!

Канидий Красс:

От нашей силы, страх скорей растает.

Антоний:

Не бойся Деллий, страх гнетет вдвойне!

Старая слепая жрица (обращаясь в сторону Антония, протягивая руки):

Со злом пришел ты, враг, от зла погибнешь!
Богиня Мать нашлет свои проклятья!
Старуха Смерть возьмет тебя в объятья,
И вскоре ты один от горя сникнешь!

Антоний (раздраженно):

Убить ее! Пронзить мечом собаку!
Казнить жрецов и взять добро из Храма!

(Римляне штурмуют Храм, в стычках убивая всех. К Антонию приводят Верховного Жреца и Жрицу Храма Анахит)

Жрец (возносит проклятие):

Пусть сотни тысяч стрел падут с Небес,

Пусть Солнце жар исторгнет, сея смерть.
Ты в страхе будешь жить и видеть Твердь,
И псом подохнешь в злобе, римский бес!

Жрица:

Умри, сгори, как демон в сере жуткой!

Жрец:

И сотни мук от Гнева всех Богов,
Падут, Антоний! Знай и будь готов!

Жрица:

Твоя борьба вмиг станет смерти шуткой!
Не знать тебе покоя, жить пороком.

Жрец:

И проклят будешь ты в родном краю.
Как раб падешь среди господ в бою!

Жрица:

Сожжен ты будешь грозным Божьим Оком!

(Жрицы, погибая, проклинают Рим и римлян)

Первая жрица:

Святая Мать, нашли на них Проклятья!

Вторая жрица:

Пусть Рим чума пожрет, пусть тлен настигнет!

Третья жрица:

Кто Мать Златую тронет, тот погибнет!

Четвертая жрица:

Накроют дом его одни несчастья!

Верховная Жрица (погибая, радостно произносит):

Я рада видеть кровь твою, Антоний!
Придет черед, пробьет твой час возмездья!
Погаснет свет и прежний луч созвездья
Тебя потащит в жуткий мир агоний!

(Всех жриц, жрецов жестоко убивают).

Конец Акта V

АКТ VI

Действия происходят в Египте. 34 году до н. э.

Сцена Первая

(У Пирамид Древнего Египта. Бог Тайной Мудрости и Загробного Мира Тир и Матери Ночи, вершат судьбу Царя)

Тир:

Держите Слово Правды, Сестры Тьмы!
И жребий киньте смело вы во прах!
И сейте холод, сейте черный страх,
Будите тени, стражей сей тюрьмы!

Первая Мать Ночи:

О Свет, о Мрак! В одном полете мчитесь,
Явите Суть всех дел и мыслей падших,
Явите лики чувств в миру увядших,
Лучом Свободы грозным ныне рвитесь!

Гонцы Богов — Отцов Святых и Бдящих,
Вы, ныне Суд вершите, строго зная,
Следы, причины, думы все, читая,
Вы зрите ход теней и смертных спящих.

Вторая Мать Ночи:

О, сестры Ночи, дщери Тьмы кромешной,
Судьбу вершить вам дал Отец Премудрый,
Весь сонм деяний — тяжкий ворох трудный,
Суду послужит после жизни грешной!

Пусть канет в Лету, то глаголют Боги,
Венец уже померк, и тлен повсюду!
Его уход, подмогой станет люду,
И новый луч окрасит все чертоги!

Третья Мать Ночи:

За силу, дерзость, страх, любовь и младость,
Платить всегда, за все долги всем нужно.
Удел земной лишь миг. Поймем мы дружно,
Но сложно Дух понять, вобрав всю Радость!

Да, он уйдет, его Судьба печальна,
И Свиток полон. Запись светом Тира!
Но будет память жить и драмы Лира,
А путь земной его покроет Тайна!

(Вокруг большого медного зеркала Матери ночи водят хоровод, заклиная.)

Первая Мать Ночи:

Разрастайся пламень хладный,
Умножай страданья мира,
Наступает срок неладный,
Развенчаем тень кумира!

Вторая Мать Ночи:

Возвестите глас усопших,
Завопите воем жутким,
Для костей и жил усохших,
Ваш алтарь пусть станет хрупким!

Третья Мать Ночи:

Смертоносный яд излейте,
Упиваясь соком млечным.
Исполняйте свист на флейте,
Пусть Стенанье станет вечным!

Тир (заклиная):

Когда свершится драма, кровь прольется,
Его труды сгореть в огне должны.
Они опасны, тем они важны,
Что чернь людская вся от них проснется!
Сожги же свитки драм, благое пламя,

Упрячь под пеплом сонм святых идей.
Эсхила, Бог увлек в страну теней,
А Царь армян, теперь роняет знамя[70].
И мрак времен его дела покроет,
И долго, долго будет спать вулкан.
До той поры, пока от гнета стран,
От гнева, в боли край армянский взвоет!
Таков наказ Богов Святых и Бдящих,
Тех, кто хранит великий ход Миров!
Бессмертный Дух в плену своих оков,
Терзаем будет весь от стражей зрящих!
Никто не смеет сей приказ дополнить,
Ни смерд, ни Царь, ни даже, грозный Бог!
Греми же в бездне страшной медный рог,
Тот гром поможет час кровавый вспомнить!

Три Матери Ночи (хором):

Умри за то, что ты раскрыл Святое!
И стань Святым, за то, что ты не предал!

Сцена Вторая

Александрия. Доморощенный триумф Антония перед Клеопатрой. Несут награбленное из Армении, ведут Артавазда II с семьей и слугами, других пленных. Толпа наблюдает, ликуя. В толпе два римлянина, тайные посланники Октавия Фурина, с иронией обсуждают Антония и всю процессию.

Первый римлянин:

Смотри, Антоний! Словно некий Бог!
Весь в злате в лаврах, он как Марс могучий!

Второй римлянин:

Венок его красив, но стал колючий;
Его зовет на жертву грозный рог!

Первый римлянин:

"О, помни, смертен ты! Умерь себя!"
Ему пора сказать о бренной славе[71].

Второй римлянин:

Весь воин вышел, раб один в державе.
Шутом чванливым был, лишь лесть любя![72]

(Все всматриваются вдаль)

Возгласы из толпы:

Ведут! Ведут! Царя с семьей и людом!

Первый римлянин:

В златых цепях теперь властитель старый!
Ступает гордо, будто древний жрец.

Второй римлянин:

Смотри, несут весь скарб, его венец!
А сын царя, красив и мил, поджарый!

Первый римлянин:

Грозна, увы, Царица, смотрит гневно.

Второй римлянин:

Не гнев то — скорбь. Кругом плебеи, чернь.
Пусть варвар, Царь, Антоний царь всех скверн.

Первый римлянин:

Но боров жирный, все хохочет нервно!

Все взоры обращены к Артавазду Армянскому. Стоят Царица Армянская, ее сын Тигран с семьей, родня и слуги. На золотом ложе восседает Клеопатра. Царь холодно приветствует только Клеопатру.

Артавазд (холодно и надменно):

Привет тебе, моя сестра по трону!
Не жди даров, а мне поклон не ведом!
Равна ты мне! За мной ступают следом,
Семья моя! Я, сам ношу корону![73]

Клеопатра (с улыбкой, из последних сил, скрывая обиду и злость, к слугам):

О, дурно стало, в жар меня бросает.
Вина подайте, сердце все трепещет!
О, старый варвар силой древней блещет,
От силы этой вся надежда тает!

(Клеопатре наливают вино в золотую чашу. Гул в толпе)

Первый римлянин (восторженно):

Готов я пасть перед Царем царей!
Вот, эта стать, вот гордость знатной крови!

Второй римлянин (с сарказмом):

Антоний, дышит? Он насупил брови.
Наш боров стерпит сталь таких мечей?

Марк Антоний (раздраженно):

Надменный Царь, склони свою главу,
Перед тобой вершим мы правый суд!
Бездумным стал. Ты нищ и слаб, и худ;
Себя предав, живешь как раб во рву!
Смирись! Покорным стань, тебя простят.
Признай ты власть Египта, Рима, Царь!
Отринь гордыню, спесь, не рушь алтарь,
Не будь глупцом, мой друг! Тебя казнят!
Молчишь?! Так, знай, твоя семья умрет.
И смерть ее, твоей заслугой станет!
И жизнь сынов перед тобой увянет,
Опомнись! Все молчишь?! Ступай вперед!

Артавазд II:

Ты сам вершишь свой суд и сам решаешь!
В мечтах своих себя ты Богом мнишь?!
Ты смотришь, слышишь, хочешь знать — не зришь!
Ты слаб и силу, Марк, увы, не знаешь.
Мне жаль тебя, юнца умом и делом,
Погряз в долгах, ко краху путь ведешь,
В Египте жертву ты скорей найдешь.
Силен ты Марк?! Силен одним лишь телом!

Антоний:

Ты, дерзок слишком. Злость кипит в тебе,
Но я тебя прощу, по старой дружбе.
Ты мог помочь и мне в великой службе,
Но я прожду, недолго ж быть вражде.

Артавазд:

Ты, прав, я горд, Богами избран я!
Моя Держава Свет, вы ж все, от тьмы.
Погиб Египет ваш, уйдешь и ты,
А мой же Путь - мой Дух! В Огне стезя!

Антоний:

Склони главу! Перед тобой богиня!
Прошу тебя, я все прощу, мой друг.

Артавазд:

Ты вверг себя в порочный узкий круг!
Умерь свой пыл, в тебе одна гордыня!

Антоний (раздраженно):

Признайте ж вы, Египта власть, строптивцы!

Царица Армянская (с презрением смотрит на Клеопатру):

Ее признать, готова я хозяйкой
Родных земель, дворца, родного Нила.
В Египте власть твоя, уж всех затмила.
Но эту власть копила ты с утайкой!

Тигран:

Признать ее богиней я не в силах.
Мой юный ум, страстями жив еще.
Я вижу стать царицы, взгляд ее,
И слышу звуки, кровь вскипает в жилах!

Клеопатра (холодно, в гневе, обращаясь к Антонию):

Глупец! Они сильнее нас во многом!
Уйдут пусть все! Царя запри в покоях!

(Удаляются)

Сцена Третья

Артавазд II (один в заточении):

Один, как перст, средь мрачных стен и дум,
В который раз, верша в печали суд,
Завален грузом тяжким старых груд,
И сердце гложет мой печальный ум!
О, мой отец! Ты был ко всем жесток!
И видом грозным в прах поверг и в страх,
Семью, Страну! Не зрел ли мрачный крах,
Ты дел своих, тиран?! Настал же срок!
Доверил Власть и ввел в жестокий мир,
Лишив Престола тех, кто был сильней,[74]
Увы, отец! Я жертвой стал твоей;
Враги уже готовят пышный пир!
Моя семья! Лишь в ней моя печаль,
Моя отрада, свет, укор Богов!
Избавь же Рок ее от всех оков,
Меня в костер введи, меня, не жаль!
Я жду конца, давно терзает боль,
Огонь в груди оставил только тлен,

Уж, лучше смерть, чем этот странный плен,
Хочу уйти! Сыграл я эту роль!
Увы, я все отдал, оставив Честь,
Ее одну, как злато я сберег.
В ней Сила, Гордость, Слава, Власть, упрек,
И Совесть наша — Бога в сердце весть!

(Артавазд слышит женский голос, спокойно прорицающий)

Голос Матери Ночи:

Пусть будешь ты убит, а край – погибнет,
Но смерть твоя, врага кончиной станет.
От кары высшей, Гром небесный грянет!
Тот час придет, и Божий гнев настигнет!

Сцена Четвертая

Александрия, конец 33 года до н. э. Марк Антоний и Клеопатра. Антоний обеспокоен своим будущим и со страхом вспоминает проклятие Верховного Жреца храма Анахиты Армянской.

Антоний (удрученно):

Я сжег страну армян огнем ужасным,
Пленил Царя, семья его в тисках,
Венец и злато все, в моих руках,
Но я не рад, я сломлен, став несчастным!
Пусть сын наш правит в древнем том краю,[75]
Под мудрым взором нашим все решится,
И Славы Луч, огнем уже искрится,
Но долго нам не быть в чужом раю!

Клеопатра:

Антоний — свет. Ты мил, ты люб, прекрасен.
Мой гений. Мой герой. Ты смел, силен,
Верни, прошу, мне славу тех времен,
Когда Египет был врагам ужасен!
Питаю месть к Царю армян я, с детства,
За смерть Селены храброй, гордой бабки,[76]
Так будь жесток, в игре огромны ставки,

Используй страх, прекрасны все здесь средства!

Антоний:

Моя Душа, Звезда и Солнце Нила,
Дороже ты побед моих былых.
Любовь моя, цветок в мечтах благих,
Даруешь мощь, в тебе величье, сила!
Как скажешь ты, так — будет все, Царица!
Мы будем править Миром, страстно править!
С тобой одной, мы Рим должны наставить,
И с нами Боги! Око, Власть, Десница!

Клеопатра:

Как быть с Царем, убить, в плену держать?
Иль выкуп взять? Жалеть его не стоит.

Антоний:

Дождись побед, ведь враг мне козни строит.
Падет ли все, не дай Царю сбежать.

Клеопатра:

А, если Рим уступит, что тогда?
Мы жизнь ему с семьей его даруем?
Оставить жизнь, мой друг? Мы тем рискуем.
Ведь мстить он сможет, в том, увы, беда.

Антоний:

Права ты, все же жди, спешить не нужно.
Убить его успеем, будет срок!

Клеопатра:

Добро, читать умею между строк.
Не думай, все решим, с тобой, мы дружно.

Антоний:

Спешить уже мне нужно в край армянский.
В поход войска готовить нужно мне.

Клеопатра (радостно):

Так, значит, быть, мой милый друг, войне?
Желаю знать, что пал и край парфянский![77]

(Антоний, помрачнев, встает, смотря вдаль на Александрийский маяк.)

Клеопатра:

Антоний! Марк! Поверь мне, ты — великий!
И Рим тебя признает славным сыном.
Но в скорби ты, Антоний, в доме милом,
Ответь мне, что повергло в ужас тихий?

Антоний:

Проклятье в силе, мы творим спасаясь!
То ярый гнев могучих двух Богинь.
Эфес, Ериз, твердыни всех твердынь.
Нас кара ждет, но мы живем не каясь!

Клеопатра (злобно):

На мне нет, Марк, вины! И я, чиста!
Врагом моим, сестра всегда была!
И алчность вся, ее насквозь прожгла,
А образ милым был, она ж — проста.[78]

(Антоний слышит проклятие Жреца и Жриц Храма Анахит, исступленно сморит в никуда)

Голоса Жреца и Жрицы:

«Пусть сотни тысяч стрел падут с Небес,
Пусть Солнце жар исторгнет, сея смерть.
Ты в страхе будешь жить и видеть Твердь,
И псом подохнешь в злобе, римский бес!

Умри, сгори, как демон в сере жуткой,
И сотни мук от Гнева всех Богов,
Падут, Антоний! Знай и будь готов!
Твоя борьба вмиг станет смерти шуткой!

Не знать тебе покоя, жить пороком,
И проклят будешь ты в родном краю.
Как раб падешь среди господ в бою!
Сожжен ты будешь грозным Божьим Оком!

Я рада видеть кровь твою, Антоний!
Придет черед, пробьет твой час возмездья!
Погаснет свет, и прежний луч созвездья
Тебя потащит в жуткий мир агоний!»

(В ужасе, Антоний ревет и мечется, обхватывая голову).

Конец Акта VI

АКТ VII

Сцена Первая

(Осень 31 года до н. э. Тени Митридата VI и Артавазда I Безумного[79] перед Артаваздом II)

(Египет, Александрия. Артавазд один в покоях, удручен и подавлен)

Артавазд II:

Я помню славу, помню я отца,
Как старый Царь просил у нас защиты.
Ушли во тьму, они давно забыты,
Но мы не зрим причин, не зрим конца.
Уйти, заснуть, не думать, кануть в Лету,
Вот, то, чего хочу, желаю сна!
И в свете красном, ныне Мать Луна!..
В ее лучах найду я путь к ответу!

(Артавазд впадает в ступор)

Тень Митридата VI:

Ты, слышишь глас того, кто правил Миром,
Того, кого предал родной собрат,
Того, кто жизнь любил и был бы рад,
Узреть победу перед алчным Римом!
Ты должен пасть, то — месть, мое проклятье,
За роль царя Тиграна, ты один,
Живешь среди теней, и холод льдин,
Влечет тебя на жертву, казнь, распятье![80]
Умолкни! Стой и чувствуй запах смерти!
Как агнец ты, взгляни на свой алтарь,
Уж близок твой конец, смирись бунтарь,
Вокруг тебя танцуют только черти!

Артавазд:

Ты Понта Царь – правитель силой славный ...

Узнал уже я тень твою, Владыка;
Увы, ты прав, мне стыд не скрыть от лика...

Тень Митридата VI:

Прощай и жди! Ты был всегда забавный!

(Царь один, в ужасе от увиденного и услышанного)

Артавазд слышит голос.

Тень Артавазда I:

Вновь ты один стоишь. Готов к ответу,
Приняв без страха ложность всех мучений.
Ты Мим, ты Царь, хранитель всех учений!
Блажен среди людей и рад Рассвету!

Артавазд:

Средь мыслей, чувств, себя, себя корю,
За глупость, страх, за спесь перед людьми.
Судьба так сильно бьет меня плетьми,
Что скоро я в своем стыде сгорю!
О, Боги, дайте Знак иль Весть подайте!
Ты, Свет! разверзнись пред мольбой Царя!
Я твой покорный раб! Я ждал, творя!
Вы, тени Тьмы, вы ныне прочь ступайте!

(Царь в экстазе падает на колени, взывая к Богам)

О, Тир Благой! Сейчас сойду с ума!
За что, скажи, Отец мой, я наказан?
За что, кому, о Боги, я обязан?
Я слышу глас иль это просто тьма?!

О, кто здесь встал?! Как будто я во сне?!

Тень Артавазда I:

Восстань! Услышь! И вспомни обо мне!
Я предок твой по древней нашей крови!

Ты, Царь армян, насупил мрачно брови,
Желая все узреть в кромешной тьме?
Однако, слышишь ныне голос мой;
И этот глас времен несут туманы.
Несут они и страх, и боль, и раны,
И все же глушат всех сомнений вой!
Людская чернь не зрит полета мысли,
Трепещет в страхе вся перед Богами.
К добру глуха, теряя ум с годами;
Дела ее среди теней зависли!
Очнись и помни, смерть твоя – отрада!
Она простой итог мирских деяний.
Ведь жизнь влекла к пути твоих страданий:
В ней самость, ложь, обиды, гнев, награда!
Твоя стезя, печальный сын Царя!
Узри ее! Замри! Ты видишь лики?
Ты жертвой стал придворной старой клики,
И был всегда гоним средь всех, как я!
Но ты давно свершил свою ошибку,
Раскрыв завесу таинств всех Богов.
Теперь сплетай венок из бранных слов,
Терпя и злых рабов, и злую пытку.
За смелость мысли, плата будет кровью,
И, зная это, будь спокоен ты.
Свершивши путь, узри и луч мечты;
Ведь Царь желал уйти всегда с любовью!
Прощай же помня, ты рожден великим!
Бессмертен ты! Бессмертен вечный Дух.
В тебе одном благой и горний слух;
Ты Рим склонил к ногам, он стал безликим!

Артавазд:

Скажи мне, кто я? Тень Владыки царства,
Что мне явилась в мрачный час ночной.
Молю, ответь мне. Я уже больной,
И, я, как Дарий дал врагу богатства!
Мне смерть милей позора, страха, гнева.
Да, я устал от всех, но жаль семью;
Пусть я отдам за жизнь ее — свою,
И путь извергнет Рим всю желчь из чрева.
Как быть, ответь? Один и должен всем!

Я, нищ! И был всегда и слаб, и глуп!
Теперь же я живой, ненужный труп,
Но, жду с надеждой свет, скажи зачем?

Тень Артавазда I:

Я пред тобой, но вызвал ты меня,
Я, словно гладь стекла. Во мне твой образ,
Ты зришь лишь мысли ход и слышишь возглас,
В который раз скорбишь, себя виня?!
Я, тень, увы, и знаю то, что знаю!
Не Бог я, Царь, далек мой светлый Дух!
Моя стихия — мрак, к мольбам я глух...
Я вестник твой! И разум твой читаю!

Тень Артавазда I (громогласно):

Ты слышишь свой же ум, не зришь себя?

Артавазд (с ужасом):

О, Боги Света, дайте мне погибель!
От мрака пред глазами только выбель!
О, Боги Тьмы, подайте яд, любя!
О, был я слеп, виня отца, родных.
Во всем один Закон причин и следствий!
Во мне роились сотни грозных бедствий,
Лишь слабый ум создал чудовищ злых!
Познавши Дух, впадет ли в мрачный круг?!
Я, сам! Служитель Митры — Бога Света?!
Пусть мир умрет, не меркнет дух обета;
За Мудрый Свет терплю я много мук!
Избавит Смерть меня? Сожжет ли тлен?!
Но старый бич уж взвился в свисте громком,
Ударом сгину я в рассудке ломком,
За слабость дум, познаю жуткий плен!
К Светилам дальним свой полет вершим,
Страдая, мы в Луче своем восходим!
Во лжи, влача наш путь, химер разводим,
Но в теле плотном, алча зла, дрожим!
Ты дал мне Свет, отвергну ль я его?
Прости мой Царь за блуд во тьме кромешной.

В мечтах скорблю! Кончины жду успешной,
И стал вновь духом нем, не зрю всего!
Прости мой Бог, и плоть мою убей!
Ведь жалость — мерзость! Скользкий червь коварный!
Рождая в сердце боль и сон кошмарный,
Гнобит в мечтах умы больных людей!

Тень Артавазда I:

Твой глас услышан. Ныне все решится!
Твой сад зачах, настал и твой черед...
Ты слышишь ход? То, смерть уже идет!
Узнай ее. Она уже стучится!

(Тень исчезает. Пред Артаваздом вновь встает призрак слепца)

Призрак:

Теперь все понял ты, великий Царь!
И стать, храня, ты с честью примешь смерть!
Войдешь во тьму, свершишь ты круговерть,
И в новом теле встретишь свой Алтарь!

Артавазд:

Прости святой Отец, молю тебя!
Хранил меня ты, я же, был слепцом,
Безумным, слабым, гордым был глупцом...

Призрак (исчезает, но слышен спокойный голос):

Уже простил, не смей корить себя!

Артавазд:

Пройдя все тайны гор, пещер подземных,
Я Хрестом был, Христом умру от яда![81]
В земном плену не будет в сердце лада,
Пока не выйдет кровь из вен яремных!

Сцена Вторая

(Входят слуги Клеопатры, римские легионеры и хромой палач с мечом. Царь мрачен, с холодным спокойствием, обращается к стражнику, но смотрит, как бы сквозь него. Слуги, скорбно молчат. Никто не решается подойти к Царю. Артавазд встает и спокойно подходит к палачу)

Артавазд:

Желая жизнь любить, ты губишь дух!
Умрешь, как червь, покинешь бренный мир!
Узришь во Свете славный пышный пир?!
Нет! В страхе будешь ты и нем, и глух!
Блуждая тенью, станешь мрак искать,
И саван тьмы тебя в ночи накроет,
Душа твоя от боли жутко взвоет;
От этой боли, знай — тебе страдать!
Зажат, забит, измучен был Загрей[82],
Толпой безумных, дерзких дев фиад[83].
Он плоть отдал, сойдя в кромешный ад.[84]
Увы, в аду теперь вся жизнь людей!

(Слуги в смятении, некоторые плачут. Палач, не решается убить Царя).

Один из слуг:

Прими Владыка этот сильный яд,
Ведь кровь твоя и нас рабов сразит.

Артавазд:

Не боли я страшусь, она с огнем роднит,
Но дар приму, и Чаше с болью рад![85]

(Артавазд пьет ядовитый настой, смотря на палача)

Артавазд (радостно, торжественно):

Верши, верши свой суд хромой палач,
Кромсай и рви! Убей во мне надежду.

Пронзи скорей, Зарежь, прошу, невежду,
Не смей робеть! Рази мечом, не плачь!

(Палач отказывается добивать Царя)

Палач (горестно):

Не смею я, тебя мечом коснуться!
Убив Царя, Богов весь гнев узрю!
Пусть я умру, свершив свою стезю…
О страшный сон, быстрей бы мне очнуться!

Артавазд, держа палача за руку, падает:

Свершилось! Я, один! Я, перед Богом!
Великим Митрой! Свет кругом, Заря!..
Отец, прими дары! К Тебе, скорбя,
Взлечу над Миром, встану пред Порогом![86]

(Артавазд погибает)

(Входит Клеопатра с телохранителем нубийцем)

Клеопатра (обращаясь к рабу):

Главу его руби же, с плеч долой!
Мидийский царь узрит подарок наш.
Достань свой меч, мой верный сильный страж,
Закончив все, залей главу смолой![87]

(Удаляется)

Сцена Третья

(Египет. Александрия. Серапеум. Ночь. Два жреца храма Сераписа наблюдают за звездным небом, как вдруг замечают странное свечение, исходящее из наоса храма)

Старый жрец:

Печально все, так ночь скрывает правду.
В такую ночь, лишь Боги нам вещают!

Молодой жрец:

Ты видишь свет, огни меня смущают.

Старый жрец:

Иссохло в горле, чую боль и жажду!

(Падает в ужасе)

Молодой жрец:

Отец, очнись, то Свет благого Бога!

Старый жрец:

Египет грех свершил, убив святого,
Падет во мглу, мой сын, я слышу Слово!
Страну накроет мгла войны и тога!

Голос из глубины:

Уйди во тьму, во блуд женой сведенный!..

(Жрецы умирают)

Голос Митры:

Молчи Земля, молчи Небесный свод,
Оставил плоть свою могучий Дух!
В своей борьбе один, он стоил двух,
Теперь плывет средь тайных темных Вод.
Венец Царей таит лишь Скорбь Миров!
И тот силен, кто эту Скорбь приняв,
Ворвавшись в жизнь, и трусость в ней поправ,
Не станет ждать в миру златых плодов.
Прощай Армянский Царь. Ты мудрым был,
И Радость сердца, сам направил ввысь.
И словно Лев пустынь иль словно рысь,
Погиб за честь, но Славой свет затмил!

ЭПИЛОГ

(У пирамид и Сфинкса. Три Матери Ночи. Голос Бога Тира)

Первая Мать Ночи:

Святой и грозный Рок, могуч и беспощаден!

Вторая Мать Ночи:

Творец времен мирских, слагающий лишь год,

Третья Мать Ночи:

Не видит люд больной: беспечен он и жаден.

Три Матери Ночи:

И в гневе строит он лишь зависти оплот!

Голос Тира (прощая):

Воздайте честь тому, кто жил скорбя,
Тому, кто смерть избрав, восславил Дух.
Склонитесь перед тем, кто был не глух
К звучанью Муз, достойно сан храня!
Он был простым и знал свой краткий путь,
И верен был своей родной стезе;
Богатый сердцем, Свет храня в себе,
Он сеял радость, болью множил суть.
Простив ему обиды, страх и грех,
Не сможем мы отдать огромный долг.
И малый воин строит мощный полк,
А мелкий долг, сплетает сеть для всех.
Избрав оковы, лязг златых цепей,
И, Власть отдав, людскую тьму узрев,
Презрев и Славу, мир, народный гнев,
Бессмертным стал среди живых Царей!

Конец II части и трагедии

Э. А. МИРЗОЯН

АРТАШЕС II

АРТАШЕС II

Действующие лица:

Арташес II – Царь армянский.
Марк Антоний.
Клеопатра VII.
Октавий Фурин – Август.
Гай Корнелий Галл – сподвижник Августа, префект Египта
Марк Випсаний Агриппа – консул сподвижник Октавиана.
Тиберий Клавдий Нерон.
Тигран – будущий Тигран III.
Фраат IV
Артавазд Мидийский – бывший Царь Атропатены, после - Малой Армении
Афинаида Коммагенская – жена Артавазда Мидийского.
Аспахапет Пазлав.
Жрец Митры.
Князь Багратуни.
Князь Рштуни.
Князь Андзева.
Князь Ангеха
Князь Мандакуни
Князь Бзнуни
Князь Меружан Ервандуни – наследный князь Софены
Таинственный голос.
Матери Ночи
Образ Бога Тира
Образ Митры
Образ Ваагна
Эрот – слуга Антония.
Служанка Клеопатры.
Марк
Феликс - Римские легионеры
Луций
Квинт
Азаты
Аршам – слуга Артавазда
Крестьяне
Нищие
Слепой мальчик
Слуги, служанки, жрецы, гонцы и воины.
Толпа

ЭПИГРАФ

Предчувствие беды, всегда химер творит.
От тех химер слабеют даже Боги.

ПРОЛОГ

(Армавир. Роща платанов. Три Матери Ночи и Бог Тир)

Первая Мать Ночи:

Владыка Тир нам Чашу Скорби дал.
Ее наполним нашим пенным зельем.
Испивший всё, страдать начнет похмельем,
Забудет то, что раньше трезвым знал.

Вторая Мать Ночи:

Отвар готов, добавим каплю гнева.
Вот зависть, злость и жалость также, есть!

Третья Мать Ночи:

Добавим слабость, алчность, боль и месть!
Споив, мы будем ждать благого сева!

Тир:

Кипящий яд, пусть хладным станет ныне,
Проявит он людей тщедушных суть.
Кто мудрым был, к добру проложит путь,
Кто глуп во гневе – смерть найдет в пустыне.

АКТ ПЕРВЫЙ

Сцена Первая

(Осажденная Александрия, 30 г. до н. э. Антоний и его раб Эрот, одни)

Антоний (стеная):

Я предан был, мой верный раб, Эрот!
Она, кого любил без задней мысли,
Послала трон врагу! Мечты зависли;
Как рыба – нем, теперь зажат мой рот!

Эрот:

Царица — любит. Слепо верит чуду.

Антоний:

Любовь ее сгубила нас и мир.
Октавий справит свой помпезный пир.
А мы уйдем, пополнив мертвых груду!

Эрот:

Не время ссор, не время слезы лить,
Спешить пора, Октавий с войском близок…
На первый взгляд, ее поступок низок,
Желала тем врагов твоих не злить.

(Закрывает ставни и двери)

Антоний (подходя к Эроту с мечом):

Эрот, пришел конец, я жил, как зверь,
И жизнь моя исчезнет в сизом дыме.
Для всех изгой и враг, и, даже, в Риме,
С тех пор, как Марс закрыл удачи дверь!
Свидетель славы, сам, как Бог я был,
Любя войну, Огонь любил победный.
Теперь — один, изгнанник злобный, вредный,

Как ветхий челн, который к скалам плыл.
Прошу, убей. Держи мой меч, Эрот,
Не смей робеть, мой верный друг сердечный,
Ведь смерть лишь миг, увижу свет я вечный,
Убей любя, избавь от всех забот!

Эрот (направляя меч к себе):

Хозяин мой, не смей просить о смерти.
Я верный раб, ты ж добрым был ко мне.
Уж лучше, я умру, уйду во сне,
Но казнь свершив, паду от гнева Тверди!

Антоний (плача):

О, мой Эрот, опомнись глупый раб!
Зачем, за что, товарищ мой любимый?!

Эрот (умирая, из последних сил):

Прости меня, то Рок, поверь, незримый...

Антоний (в отчаянии закалывая себя):

Убью себя! Ужели, трус?! Я, слаб!..

(Антоний видит и слышит образы погибших жреца и жриц Анахит)

Жрица:

Не знать тебе покоя, жить пороком.

Жрец:

И проклят будешь ты в родном краю.
Как раб падешь среди господ в бою!

Жрица:

Сожжен ты будешь грозным Божьим Оком!

Служанка Клеопатры:

Жива Царица! Боги, сжальтесь ныне!

Антоний:

Несите к ней, проститься я желаю...
К одной Царице нежность я питаю,
Скорей наверх, скорей к моей богине!..

Сцена Вторая

(Покои Клеопатры. Антоний и Клеопатра, одни)

Антоний:

Проклятьем полон страшный Вечный град,
Оно его святое имя славит.
Увы, конец! Надежды луч не правит,
Юпитер добрый, смерти скорой, рад!
Армянский край, бичом предсмертным стал.
Армянский Царь, мне стал Судьей загробным,
А старый путь, путем чужим и скорбным,
Где лютый зверь являл во тьме оскал.

(Умирает в объятиях Клеопатры)

Клеопатра (плача):

Антоний, милый, сжалься, я, одна!
Предатель хитрый! Ты меня покинул!
Ужели ты любовь мою отринул,
Нет! Эту чашу выпью я до дна!

(Вбегает посланник Октавия)

Посланник Октавия:

Октавий Цезарь, шлет тебе привет.
Отбрось кинжал, ведь смерть твоя напрасна.
С добром пришел, и вижу, ты несчастна,

Но, я уверен, что узришь рассвет.
Но, если вгонишь ты себя во склеп,
То, кто спасет детей твоих от смерти?
Проклятье ты пожнешь от горней тверди,
Ведь Рок святой всевидящ, он не слеп!

Клеопатра:

А, что взамен оставит мне Октавий?
Все царство, трон и власть иль только веру?
Он даст понять, что я не знаю меру,
А вместо злата, Гай подарит гравий?

Посланник:

К тебе придет он сам, позволь отбыть.

Клеопатра (удрученно, задумчиво):

Ступай, скажи, что я приму решенье.
Итог один, я буду ждать леченье...
Смогу ли я грехи свои отмыть?

(Удаляется)

(Дворец, входит Корнелий Долабелла)

Корнелий:

О, ты краса морей, Царица Мира,
Я весть принес, прими ее смиренно.

Клеопатра:

Скорбя, всегда веду себя надменно.
Корнелий, слышишь? Это плачет лира.

Корнелий (тихо с тревогой):

Тебя к триумфу Гай Октавий ждет.

Клеопатра (с чувством ужаса, передавая письмо Октавию):

Триумф, и я на нем, как Царь армян?!.
Пожну тогда плоды я злых семян.
Кто зло взрастил, тот кару Рока жнет.

(Корнелий удаляется)

Служанка (со шкатулкой)[88]:

Прошу тебя, прими то, что просила,
Там кольца, гребни, всё. Настало время.
Уж злобный Сет и Сехмет множат бремя,
Святая Мать всегда тебя любила.

Клеопатра (держа в руке золотую булавку с ядом):

Исида, сжалься, жертву ты прими,
О, Царь Осирис, добрым будь, Владыка.
О, Боги Славы! Мне ли прятать лика,
Ведь я сама богиня пред людьми.
Я к Вам спешу! О, Птах, подай же сил,
Мой кормчий прибыл, он ладью направил,
Мой милый муж, надежду мне оставил,
Я ж все исполню. То, что он просил.
Великий Гор, теперь сомкнул свой глаз!
Египет, пал, и Царь тот был пророком;
И Рим падет под Вечным грозным Оком,
Эриний злобных, ныне слышу глас.

Служанка (с кинжалом в руке):

К тебе спешу, служить я буду верно...

Клеопатра, умирая:

Меня и Марка, вместе в Путь отправьте...

Служанка (закалывая себя):

Подруги, все, вы Смерть-Царицу славьте,
Не жить и мне, прощайте, стало скверно...

(Умирает)

Сцена Третья

(Входят Октавий, воины, Корнелий Галл)

Октавий:

О, Боги! Смерть на троне, ужас сеет!
Погибли все, кого желал я видеть.
И в страхе мир. Не смел бы я обидеть
Царицу, слуг ее. Здесь ложью веет!

Корнелий Галл

Мертва Царица, Мертв и муж ее,
Здесь много знатных пленных. Всех собрать?

Октавий:

Да, всех, князьям наследным, злата дать,
И добрым быть, таить пока копье.

Корнелий Галл:

Их Белый Апис будем рад тебе,
Узрим во славе мощь всего Египта?

Октавий:

Чужды мне звери, скот и даже крипта,
В Богов я верю, в жизнь, своей Судьбе![89]

Корнелий Галл:

Ты, прав Октавий, нам не все тут рады,
Но я добьюсь, и Зевса град падет.
Земля Богов сложна, но Рим — поймет,
И вскоре будет ждать своей награды!

Октавий (про себя, кидая взор на золотую монету):

Не Марс — Меркурий войны все ведет.
Игриво правя, копит жадно месть.

Он при удаче шепчет нежно лесть,
А при победе, жуткой жертвы ждет!

Корнелий Галл:

Позволь, хочу к войскам прибыть скорей.
Возможно – бунт, иль козни будут сеять.

Октавий:

Не бойся, Галл, ветрам ведь нужно веять,
С ветрами только ложь и счастье сей!

(Галл удаляется)

Октавий (смотря на Фарос):

Антоний — пал, а Рим уже, мой град.
Теперь, я Август, выше всей Царей!
Жалеть не стану добрых я речей,
И очень скоро, свой устрою сад.
И мир узрю, как Бог, у ног своих,
Венцы и троны буду я дарить.
Царям армян, мидян, парфян, не быть.
Златой Восток трепещет весь, затих!

(Октавий один, к нему подходит слепая гадалка)

Гадалка

Подай на хлеб, а я судьбу раскрою.

Октавий:

Возьми с добром. Ступай слепая мать.

Гадалка:

Я сердцем зрю и вижу страсть и стать.

Октавий:

Свою обиду только кровью смою.

Гадалка:

В тот год, когда твой враг падет.
Родится сын, и мир его полюбит.
От высшей власти он себя погубит[90];
Его в объятья, грозный Орк[91] возьмет.

Октавий (в недоумении улыбаясь):

Неужто я причастен к тайнам мира?
Зачем мне знать, о чем молчит Фортуна?
Пока живешь, не зришь, кругом лакуна,
И только жадно ждешь чужого пира.

(Удаляется)

Гадалка (спокойно):

Да, власть познав, ты Рим, взрастил глупцов.
Они тебя введут к Отцу Плутону.
И страх рабов опорой будет трону;
Ужасный град, обитель всех слепцов!
Проклятьем будут чтить сынов твоих,
И гневом, местью будет полно семя.
И срок владык пройдет, наступит время,
Когда ты чернь узришь у врат своих.

(Удаляется)

Конец I Акта

АКТ ВТОРОЙ

Сцена первая

(30 год до н. э. Область Багреванд, Багаван. Арташес II, князь Багратуни, князь Ангеха, князь Рштуни)

Арташес:

Друзья мои, за крах державы мщу.
Весь Рим готов предать огню во мгле.
Разрушить все, зарыть в сухой земле,
Посеять смерть, предав тот град мечу.
Топить в крови всех римлян — мой приказ!
Их жен, детей — изгнать, отдать рабам!
То месть за боль, за скорбь, за светлый храм,
Вершу я суд! Исполнить в тот же час!

Князь Багратуни:

Исполним, Царь! Войскам своим сказал.
Готовы все и ждут условный знак.

Князь Рштуни:

Повергнем мы врага в кромешный мрак,
Как ночь придет, поднимет вой шакал.

Князь Ангеха:

Так будем ждать, когда луна уйдет,
Ведь свет ее не в помощь будет нам.

Арташес:

С утра толпа поднимет шум и гам.
Лишь гнев – водитель наш, удачу шлет!

(Все удаляются, Арташес, один)

Арташес:

Свершится все, то, что должно свершиться!
И Тира запись, мы стереть не вправе.
Себя лишь тешим в ложной, бренной славе,
Не видя цели, жаждем к ней стремиться.
Врагов своих зовем друзьями мило,
А, кто нам друг, его поносим лихо.
Перед людьми живем смиренно, тихо,
Страшимся смерти, ждем того, что было.
Вот наша суть. Одна сплошная слабость.
Мы в ней творим, растим детей уютно,
Что будет дальше, зрим туманно, смутно,
Лишь жалость к нам, приносит сердцу сладость.

(Входят жрец Митры и князь Андзева)

Жрец Митры:

О, светлый Царь, что скажет Цезарь нам?
Пойдет войной иль в злобе будет ждать?

Арташес:

Виновен Рим, и римлян нужно гнать!
У Гая много дум, пусть мыслит сам.

Князь Андзева:

Войной сейчас пойти он вряд ли сможет.
Войска в Египте. Цезарь очень слаб.
Избавим край от грязных вражьих лап;
Теперь пусть Рим и Гая, ярость гложет!

Арташес:

Направь гонцов туда, где есть враги,
Князьям пусть скажут, тайно, знака ждать.
Когда начнем мы ратью римлян гнать,
Народ воздаст зверью за все долги!

Князь Андзева:

Темнеет, Царь, готовить войско нужно.

Арташес:

Отправь к жрецам и ты, отец, гонцов.
Воспрянем Духом мы, в конце концов,
С земли прогоним вражьи орды дружно.

Жрец Митры:

Гонцы в пути, я знал, что ты прикажешь.

Арташес:

Хвала тебе, мой верный старый друг.
Ты прав, отец, сожжем порочный круг.
Свою борьбу ты с долгом только свяжешь.

Сцена Вторая

(Арташат. Ночь. У крепостных стен. Римские легионеры, Засада, штурм)

Марк:

Тревожно, Квинт, и ветер дует сильно.
Все стихло, даже псы не лают больше.

Квинт:

Да, Марк, ты прав, стоим сегодня дольше,
Прохладно, тучи. Дождь пойдет обильно.

Луций:

Уж лучше, мы в Египте ныне были.
Средь милых женщин, вин, в тепле, у моря.

Феликс:

Среди армян вкусим мы много горя.
Антоний пал, а славу волны смыли.

Марк:

О, что за вой от града все несется?

Феликс:

Звериный вой иль лай ночной собаки.

Луций (озираясь):

Шакалы, ночь... дойдут дела до драки.

Квинт (смотря на башни):

На башнях пусто все, там кто-то бьется!

(Звуки римского горна)
Марк:

Засада, в горн трубят, спешим скорее!

Феликс (испугано):

От стрел армян погибли Квинт и Луций!
О, Марк, мой друг, полег отряд наш куцый,

Марк (из последних сил):

Беги же, брат, прошу я, будь мудрее...

Феликс:

Уж лучше плен, чем смерть. Я жить желаю,
Хочу семью и дом у милой пашни.
Марк:

Пригнись дурак, ударят прямо с башни!

Феликс (скорчившись от ранения в живот):

Прощай, мой Марк, от боли я сгораю...

(Оба погибают)

Сцена Третья

(После битвы и римских погромов. Князь Мандакуни, князь Рштуни, князь Ангеха)

Мандакуни:

Уверен, что доволен будет Царь,
Он долго ждал расплаты, грезил местью[92].

Ангех:

Теперь же двор наполнен будет лестью,
Не станет лаять в страхе только псарь.
Рштуни (отходя в сторону):

Прошу, Ангех, довольно, все язвишь.
Узри же ты сейчас плоды победы.

Ангех (удивленно):

Всем жертвам этим, рады наши деды?
Великий князь, скажи, что ты молчишь?

Мандакуни (спокойно, уводя Ангкеха):

Ангех, молчу, от шума мысль слабеет.
А хилость мысли нам князьям вредна.
Во время войн, страна всегда бедна,
Ты видишь путь, но ум от смут немеет.
Не время правду молвить, ложь повсюду,
Потонет свиток истин в море лжи.
Не бойся, князь, но все же, ты дрожи,
И умным, князь, нельзя казаться люду!

(Удаляются)

Сцена Четвертая

(У городских стен Арташата. Трое крестьян)

Первый крестьянин (встревоженно):

О, Боги, что за крик и плач детей.

Второй крестьянин (направляясь к югу):

От башни южной, дальше, слышен крик.

Третий крестьянин (следуя за остальными):

Кругом лишь кровь и смерти страшной лик.

Первый крестьянин (удрученно, забирая детей):

Вражда всегда рождала в мир зверей.

(Удаляются)

Сцена Пятая

(Армения, 30 год до н. э. Арташес II, князья Андзева, Ангеха, Багратуни, Рштуни. Перед битвой с мидийцами и римлянами.)

Князь Багратуни:

Владыка мой, прими же наш совет:
Ты сам, в бою не будь, один ты Царь,
Победы жди, украсим твой алтарь,
А, ты, храни себя от разных бед.

Арташес (обращаясь к князьям):

Направить войско конных в римский тыл,
В обход пустить, ударив с двух сторон.
Накормим вскоре мясом мы ворон,
Мидийский Царь растратил много сил.

Князь Рштуни:

Великий Царь! Пусть пеших строй пройдет,
Ударив в лоб, оттянет рать мидян.

Князь Андзева:

Введем с Ангехом в тыл врага, парфян,
А наше войско, римский клин пробьет.

Арташес:

Дождусь с особой ратью, холм за мной.
Когда мидян теснить к холму начнут,
Ударим сильно, конных строй сметут,
Тогда погоним мара пред собой.

Рштуни:

Не дать бы им, свои полки собрать,
Тогда всех быстро мы побьем, Владыка.

Князь Ангеха:

Они слабы, от них лишь много крика,
Мы быстро в прах сметем всю эту рать.

Арташес (обращаясь к войскам):

Сыны земли! Великий Хайк зовет!
И предков наших духи в бой ведут!
Враги слабы, их ждет возмездье, суд,
И наше знамя свой свершит полет!
Робеть нельзя, пусть вас усилит гнев,
И луч Ваагна силы вам предаст.
На подлость, хитрость варвар тот горазд,
Но лев армянский свой разинул зев.
Огонь Богов над нами Свет излил,
Пусть страх исчезнет, мощь развеет боль.
Лишь храбрость с нами, в ней благая соль,
Так, срок настал, наш край всю скорбь испил!
Нет смерти, знайте, есть лишь жизнь одна.

Предатель только, скорой смерти ждет,
Его в огонь забвенья путь ведет,
Тому, кто смел — священна мать война!

(Арташес с жрецом Митры на холме следят за ходом сражения.)

Жрец Митры:

Владыка Солнца нам победу шлет!
Хвала Деснице Бога, враг робеет,
Змеиный Царь ослаб, напасть не смеет.
Уж скоро скинем властно вражий гнет!

Арташес:

Добро, мой жрец. Тесним ряды мидян,
Парфяне с тыла бьют, повержен враг.
Узрит Фрааспа наших предков стяг,
Познает мар, великий гнев армян[93].

Жрец Митры:

Аспет наш бьет в когорты римлян, зри!
Они уже слабеют, мрут как мухи,
Оставят только тлен, бахвальство, слухи,
Но эту блажь рассеет свет зари!

Гонцы от князя Ангеха:

Ангех погнал Царя мидян к холму.

Арташес (начальнику своего отряда):

Пора ударить в бок, рассеем строй!
Трубите в горн, погоним той тропой,
Услышим вскоре жалкий стон, мольбу.

(Звуки горна, победные возгласы конников).
Князь Рштуни:

И в плен не брать, им смерть послали Боги!

Князь Андзева:

Погнать всех к югу, в их змеиный край!

Князь Ангеха:

Исчезнет вскоре их мидийский рай!

Князь Багратуни:

Для этих змей законы будут строги!

Жрец Митры:

О, Митра грозный, взор незримый кинь,
Лучом победным, путь нам дай во тьме.

Арташес (воинам):

Схватить Царя, живым он нужен мне!
О, боль моя, в бою святом отринь!

Сцена Шестая

(Артавазд Мидийский с малым отрядом, скрываясь от погони, у небольшой горной теснины недалеко от Евфрата)[94]

Артавазд (один, сидя у скалы):

Все пало, Боги! Крах мечтам настал!
Паршивый Марк, загнал меня в ловушку!
Меня поймают, словно рысь, зверушку!
Как вор, как змей крадусь средь черных скал.
Кому поверил? Все враги кругом!
Утерян ныне путь к великой славе.
Я пленник, я изгой в своей державе…
Найду ли я приют в краю другом?
Судьба велит спешить с мольбами в Рим,
Возможно, Цезарь даст родным свободу.
Служу врагам! Рабом же был я сроду,
Среди господ всегда я был чужим!

Тиара предков мне чело язвит,
Порфира — сива, меч стальной изъеден.
Престол державы гордой стал мне вреден,
А Фарн прекрасный вскоре в прах слетит.

Азат (помогая Артавазду встать):

Мой, Царь! Спешим, враги настигнут нас,
А, лучше, стой. Я, сам тебя спасу.
Беги к реке, не бойся, все снесу,
И коль, я буду жив, подам свой глас.

(С отрядом удаляется)

Артавазд (мрачно):

Прощай навек, мой верный, добрый друг.
Пусть Митра светлый путь тебе дарует!
Как страшно стало, в скалах ветер дует,
Пройду ли я сквозь этот жуткий круг?

Второй азат:

Здесь есть звериный путь, пройдем средь скал.

Артавазд (впопыхах):

Уж лучше зверь, чем рать армян вдали,

Второй азат (помогая Царю):

Сними свой плащ, тяжел он, весь в пыли.

Артавазд:

Сниму, дождись, осилим этот вал.

(Удаляются)

Сцена Седьмая

(Князь Ангеха и Князь Андева с отрядами)

Князь Андзева:

Бежит в Гамирк, побитый Царь мидян.
Он в Рим спешит для плача пред Сенатом.

Князь Ангеха:

Готов теперь назвать шакала братом,
Не видеть только лик Царя парфян.

Андзев:

Спешим к своим, я чую час беды.

Ангех (в сторону, про себя):

Беда наступит скоро, князь Андзева,
И примем боль мы вместе с чашей гнева.
Пополним злых и нищих мы ряды.

Андзев (шепотом):

Засада, князь! Враги в теснине ждут!

Ангех (в сторону воинов):

Направьте пеших. Всем мечи достать!
Других на скалы, быстро. Их, нагнать!

Андзев:

Теперь уж точно всё, Царя, убьют.

(Короткий бой с мидийцами. Один из воинов подбегает к князьям)

Воин:

Бежал, собака! Весь отряд разбили!

Ангех:

Спешим к Царю, не будет рад победе...

(Князья с отрядом удаляются)

Конец II Акта

АКТ ТРЕТИЙ

Сцена Первая

(Армавир, у храма Предков. Арташес, слуга, после появляется князь Андзева)

Арташес:

Достиг ли я того, о чем мечтал?
Иль новых бед, невзгод и войн мне ждать?
Смогу сполна врагам за зло воздать,
Иль я Богов родных напрасно звал?
Нет, жив мой Хайк, и силой славен он,
Пусть сотню царских душ загубит Рим.
Алтарь стоит. От жертв клубится дым;
Не сможет враг нарушить наш Закон.
Но дом, в котором я живу теперь,
В основе шаткий, стены все трещат.
Лишь мыши в нем, в углах его пищат,
С таким наследством ждать одних потерь.
Я должен ярым быть, как лев, иль тигр,
Душить, терзать всю эту чернь во тьме.
Не дать ей жить в моей святой стране,
Но милым слыть, доступным став для игр.
Уверен я, убьют меня князья.
Ни Рим, ни Царь парфян, а брат родной;
О высшей власти грезил он порой...
Да, путь Царей — одной борьбы стезя!

(Входит слуга)

Слуга:

Владыка, весть Андзев принес, он ждет.

Арташес:

Проси скорей войти его сюда.
Случилось, что? Война, потоп, беда?

Слуга (с почтением, удаляясь):

Я слышал, Царь парфян посольство шлет.

Арташес:

Фраату нужен мир любой ценой,
И Царь мидян, и брат его — враги.
Союза ждет, и верной ждет руки,
Теперь открыт парфянский змей душой.

(Входит князь Андзева)

Князь Андзева:

Великий Царь, живи на славу нам!
Фраат послов прислал, они в пути.

Арташес (учтиво приветствуя):

Союза ждет, средь нас друзей найти?
Я, рад, добро на тот союз я дам.

Князь Андзева:

Мидийский Царь поехал в Рим со свитой,
Просить свободы всей своей родне.
Возможно, Цезарь будет рад тебе,
И тем бальзам подаст душе разбитой.

Арташес:

Возможно! Я, тебя отправлю в Рим.
Езжай с письмом. Проси с семьей отбыть.
Октавий будет зол и будет мстить,
Но мы попытку, все-таки свершим[95].

Князь Андзева:

Когда отбыть прикажешь мне, мой Царь?

Арташес (задумчиво):

Уж скоро, скоро. Дня, так через три.
Пора в столицу, близок свет зари.
Успеть бы в храм, почтить святой алтарь.

(Удаляются)

Сцена Вторая

(Арташат. Посольство Фраата IV, Арташес II, князь Рштуни, князь Мандакуни и князь Андзева, Аспахапет Пахлав. Охрана Царя)

Аспахапет:

Фраат Аршак стране желает мира!
Тебе, великий Царь он шлет привет.
Во имя дружбы, славим Митры Свет,
Хвала Богам, Святым лучам эфира!

Арташес:

Я, рад тебе, Пахлав и рад посланью!
С Царем парфян свершим мы много дел!
За помощь, князь, за мощь парфянских стрел
Я шлю дары! Они сродни признанью.
Аспахапет:

Владыка ты престолов двух древнейших,
И Царь царей, тебя давно признал.

Арташес:

К союзу нас великий Бог призвал.
Призыв Богов, для нас совет мудрейший.

Аспахапет:

Владыка мой, помочь тебя просил,
Когда войною Цезарь Гай пойдет.
Наш общий враг посыл от нас поймет?
Дабы молчать, и зря не тратить сил.

Арташес:

Спешу заверить я, что помощь дам,
Когда парфянам Рим грозить начнет.
Теперь же, Цезарь слаб, пока он ждет,
В войну не вступит он, боится сам.
Могу отправить также два полка,
Когда Фраата брат, начнет грозить.
Завидев мощь, не станет он дерзить,
Арийцев рать всегда была крепка.

Аспахапет:

Прими же в дар прекрасный этот трон,
Его, тебе дарует Царь царей.
Во имя правды дел, благих речей,
Создали Боги наши свет корон.

(С поклоном удаляется)

Князь Мандакуни:

Владыка наш, дозволь тебе сказать.

Арташес:

Прошу тебя, ты мудрый старший князь.

Мандакуни:

Не мыслишь ты, великий, скрыта связь?

Арташес:

Парфян посольство с Гаем мне связать?

Мандакуни:

Да, Царь, ведь Рим теперь усилит мощь.
И брат Фраата в том помочь готов;
Селен тот князь, не тратит лишних слов.

Арташес (мысля вслух):

Ответ нам Тир подаст и шелест рощ...[96]

Князь Андзева (накланяесь к уху Царя):

Мидийский Царь отъехал в Рим просить.
Он, явно ищет власти, ждет поддержки.
Боится всех, страшиться тайной слежки.

Арташес:

Ему Октавий сможет все простить.

Князь Андзева:

Кого мне взять с собой, Владыка мой?

Арташес:

Езжай один, возьмешь с собой охрану.
Возьми дары, они залечат рану.
Письмо же, князь, всегда держи с собой.

(Князь удаляется)

Рштуни:

Наш князь Ангех... он вечно зол и хмур.
Возможно, смуты хочет или власти?
Вокруг себя он множит только страсти,
И мрачен князь, как будто старый тур.

Арташес:

Да, князь Ангех умен и слишком властен.
Но ум его, во благо нам лишь служит.
Пусть мыслит он, мой друг, живет не тужит.
Он — князь Ангех и был всегда он страстен.

(Князь Рштуни с поклоном удаляется. Арташес, один)

Арташес:

Кругом лишь свора, прав же был отец.
Она его сгубила, сея страх,
Державу нашу всю повергла в прах,
Еще бы миг, настал бы крах, конец!
Одна грызня у трона, словно псы;
Один клевещет, лжет другой в слезах,
А третий, ждет и копит злость в глазах,
Четвертый — хитрый, прячет взгляд лисы.
Ну, что же вы князья моей страны,
Решили все, царя на казнь погнать?
Я рос средь вас, и я умею лгать,
Вы ждете мира? Нужно ждать войны!

(Удаляется)

Сцена Третья

(Конец 30 г. до н. э. Антиохия, дворец Селевка. Октавиан Цезарь, Артавазд Мидийский)

Октавий:

Я, рад тебе, и знаю – ты страдал.
Лишил тебя армянский Царь страны.
Теперь же мы с тобой вдвоем должны,
Ускорить крах армян, ведь срок настал.
Удел арийских предков дам тебе,
Пусть гневом пышет, храбрый Царь Артакс.
Конечно, жаль, твоим не стал Аракс,
Теперь же Лик откроет путь судьбе.

Артавазд:

Хвала тебе, великий Цезарь Гай!
Твой дар — бальзам на раны, светлый друг.
Ты дал надежду, после долгих мук,
Хотя утерян мною отчий край.

Октавий:

Тебе, позволю дочь с собой забрать[97],
Служил ты верно, всем врагам на зло.
За это гордо ты держи чело;
Ты отдал все, что мог тогда отдать.
О, мудрый друг, теперь тебя прошу
Направить в край армян своих людей,
То будет сложно, Царь Артакс злодей,
Наступит время, сам тебе скажу[98].

Артавазд:

Ты, прав, заслать слугу к армянам сложно,
Но вскоре, я усилю с Понтом связь,
Помогут колхи, или мосхов князь,
И мыслю я, что вскоре, все возможно.

Октавий:

И мы, прождем, ведь месть же любит лед;
Во льду, узоры зла на вид ясней.
Как стынет ум, удар тогда сильней,
Дурак же в жаре мстит и в гневе ждет.
Артакса все Цари теперь клянут,
Фраату также, сей гордец не люб.
Я, слышал он ужасно зол и скуп,
К таким тиранам часто люди льнут.

(Входит слуга Октавия)

Слуга:

Великий Цезарь, ждет армянский князь.
Принять изволишь? Он с письмом к тебе.

Октавий:

Ступай же Царь, прошу тебя, к себе.

Артавазд (про себя):

Везде лишь злобный дух пускает мразь!

(Удаляется, улыбаясь)

Князь Андзева (учтиво, приветствуя коротким поклоном):

Армянский Царь царей прислал привет!
Прими дары и с ним письмо Владыки.

Слуга:

Князья, послы всегда склоняют лики.

Октавий (парируя слуге):

Равны мы, знай, а в гордой стати — свет![99]

Князь Андзева:

Учтивость с лестью многим души греют,
Но гордость все таят в своих мечтах.

Октавий (с сарказмом):

Ты прав, Андзев, всю честь зарыли в прах,
И словно львы от крови только млеют.

(Октавий, читая письмо)

В нем просьба мне, вернуть Царю семью:
Царицу мать, сестру и братьев двух.
Но помню я, прошел недавно слух,
Что Царь Артакс изгнал всю рать мою.
Не только рать, всех римлян он убил.
За этот грех, семью отправил в Рим.
Почет их ждет, а после мы узрим.
Артакс, свободу братьев кровью смыл.

(Андзев со свитой гордо удаляется)

Октавий:

Он явно мира хочет, шлет дары.
Приму я мир, война меня страшит,

Устал и слаб, и хворь сразить спешит,
Но, все ж сплету законы всей игры.
Пройдет не много лет, я власть приму,
И буду править Римом, словно Бог.
Создам я то, чего никто не смог,
Без войн и смут потонет мир в дыму.

Сцена Четвертая

Князь Андзева (выходя из дворца Селевка):

Наглец и трус, паршивый римский пес.
Своих грехов не хочет зреть, мерзавец.
Он мнит себя Царем, что он — красавец,
А сам боится разных снов до слез[100].
О, грязный Рим — обитель мрака лжи!
Тебя питает кровь и плоть младенцев.
Гробницей став на всех костях туземцев,
Падешь от черни, страшный град, дрожи!
Копил чужое злато, множил боль.
Кто верен был тебе, предаст не глядя.
Волчиц своих вскормив, им морды гладя,
Шутам доверил ты архонтов роль.

(Князь подходит к двум дряхлым нищим недалеко от дворца)

Первый нищий:

Да, при Тигране было лучше, нам.
Богатый нищим денег, хлеб давал.

Второй нищий:

Теперь же, все ушло, наш брат пропал,
Все пусто стало, даже древний храм[101].

Князь Андзева (протягивая мошну с тетрадрахмами):

Возьми монеты, добрый Царь подал.

Первый нищий:

Неужто Цезарь сам иль, кто другой?

Князь Андзева:

Тиграна внук, Артакс, своей рукой,
С улыбкой деньги эти вам послал.

Второй нищий:

Хвала Артаксу. Внук Тиграна — свят.

Первый нищий:

Пусть жизнь его продлит святой венец
Его враги падут, узрев конец

Второй нищий:

Пусть будет славой Царь царей объят.

Князь Андзева:

Несите весть о том, пусть знают все.
За это вам дарует милость Бог.
Бедны и святы вы, Артакс помог,
Он — внук Тиграна, Царь во всей красе.

(Князь со свитой отъезжает)

Нищие:

Хвала Владыке, Светел Царь Артакс!

Сцена Пятая

(Тигранакерт. Арташес, князь Андзева, князь Багратуни)

Арташес:

Так, значит, Цезарь нам добро не дал.
Мерзавец хитрый, взял в залог семью,

И скоро Гай проявит грязь свою.
Он ждет, желая, чтобы я страдал.
Не быть тому, усилю край родной.

Князь Багратуни:

Закрыть дороги всем посланцам Рима?

Арташес:

Нет, князь, увы, торговлю с ним ведем.

Князь Андзева:

Теряем - больше, злато мы даем,

Князь Багратуни:

За наше злато копим много дыма.

Арташес:

Прознал ты, что мидийский Царь просил?
А, впрочем, мыслю, предков край он взял[102].

Князь Андзева:

За это, ноги Гая он обнял,
И слишком много горьких слез излил.

Князь Багратуни:

Страшиться нужно, он теперь сосед.
И запад стал опасней Царь царей.

Князь Андзева:

От страха меркнет живость всех речей.
Хотя ты прав, аспет, и ждать нам бед.

Арташес:

Мидиец подлый, к нам людей зашлет,
Уверен я, Октавий сам просил.
Лишь зоркость сердца, ум и много сил,
Помогут нам, я знаю, срок придет.
Ступайте, я один хочу побыть,
И рад за вести, что принес Андзев.

(С поклонами удаляются)

Князь Андзева (при выходе):

Аспет, мой друг, каких же видел дев.

Багратуни (с ухмылкой):

Не время, князь, в мечтах прекрасных плыть.

Арташес:

Как страшно стало, мгла вокруг лишь тьма.
Кругом гиены, смерти скорой ждут.
Все алчут крови, в грезах жаждут суд,
Желают зреть, как ты сойдешь с ума.
Порок тая, трепещут пред огнем,
В молитвах нудных чтут немых Богов.
Трусливо льстят, страшась своих врагов,
Как ночью лгут, так нагло льстят и днем.
Как черви жадно свой навоз едят,
Так люди все за злато грязь сожрут.
Им любы только меч, топор и кнут,
Когда их бьешь, то — любят, жить хотят.
Они, как стадо. Псов мечтают зреть,
Забыв о том, что каждый пес их враг.
Бредут на бойню слепо, видят мрак,
Приняв за благо, ругань, боль, и плеть.

(Царь слышит странный голос, похожий на голос отца)

Таинственный голос:

Что знают Боги, то не знаем мы,
Лишь отблеск мысли мы способны видеть.

И мелким злом хотим врага обидеть,
Но даже зло берем у всех взаймы!

Арташес:

Отец мой, гений? Слышу голос твой!
Молю, ответь, рассей страданий мрак.
Подай страдальцу добрый тайный знак...

Таинственный голос:

Прощай! Друзей узри во тьме ночной...

Арташес:

О, Ночь Царица буду ждать тебя,
Как отрок ждет, когда придет любовь.
Я стал другим, не быть мне прежним вновь.
Бегу от мести, сам себя дробя.

Конец III Акта.

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

Сцена Первая

(29-28 г. до н. э. Никополис, Малая Армения. Артавазд, Афинаида[103])

Артавазд:

Скиталец я, мечтал о лучшем мире,
Престол же предков ныне стал чужим.
Верну ли власть, и станет край моим,
Иль жить, как раб изгоем, мыслив шире?
Хотел я Хайк, я жаждал чести славы,
Теперь же, став слугой, слежу, как пёс.
Обидно мне, от боли реки слез;
Иным служа, люби чужие нравы.

Афинаида:

Мой милый муж, ведь твой удел армянский,
Не нужно плакать, ты того хотел.
И спас себя от быстрых вражьих стрел,
Не стал же есть ты горький хлеб парфянский.
Владей же краем предков ты отныне,
О том мечтал великий Царь Тигран,
А сей удел, богаче многих стран,
Здесь лучше жить, чем в той сплошной пустыне.

Артавазд:

Да, ты права. Твой ум острей мужского.

Афинаида (встает):

Любимый мой, себя ты зря коришь.
Погиб отец, и сына смерть узришь.
Ведь жаждешь ты, мой друг, конца такого.

(Удаляется)

Артавазд:

Да, жажду я увидеть смерть Артакса.
Весь род его — проклятье, Божий бич.
Мечтал я тайну Рода их постичь,
Но, я постиг лишь гнев от волн Аракса.
Отец его — мой враг, свершил ошибку,
Я думал Марк доверит власть лишь мне,
И мощь от предков я б вернул стране;
Моя ж мечта явила злую пытку.
Ну что ж я буду ждать и час настанет,
Ведь власть Царей не вечна, срок придет,
Народ же глуп, а двор армянский лжет.
И эта ложь, Артакса в гроб затянет.
А, между тем, мне раб-лазутчик нужен,
Который смог бы в град армян пройти,
Я должен две игры теперь вести.
Однако Понт мне рад и с Римом дружен.
Сплету петлю вокруг армянской знати,
Расставлю сети, скрытый ряд силков.
Жалеть не стану льстивых сладких слов,
Лишится Царь Царей привычной стати.

(Входит слуга)

Аршам:

Сказали мне, что звал меня Владыка.

Артавазд:

Да, звал Аршам, и дело есть к тебе.
Готов сыграть ты роль в моей судьбе?

Аршам:

На все готов, не скрою Царь мой, лика.

Артавазд:

Лазутчик нужен мне. Найдешь ли тайно?
Пробраться должен он в Артакса град.
Найдешь его, я буду очень рад.
Ступай уже, не действуй, брат, случайно.

Аршам:

Я, все исполню, скоро, Царь мой, к сроку.

(Удаляется)

Артавазд (задумчиво):

Да, он исполнит, нужно просто ждать.
Богам во благо надо жертвы дать,
В делах без жертв, всегда, мой друг, нет проку.

Сцена Вторая

(27 год до н. э. Артшат на Араксе[104]. Арташес один, после входит князь Ангеха)

Арташес:

Отец мой предан был своим народом.
Князья страны злорадно ждали краха.
Таили месть, копили капли страха,
Растили зло и мерзость с каждым годом.
Они мечтали видеть власть соборов;
Толпу людей, их радость, гнев и горе!
Блистать в лучах, когда весь мир в позоре,
Скрывая грязь от грозных острых взоров.
Гнобить народ? Но это только стадо!
Они же овцы, ждут лишь псов да палок,
Любой народ, безумен, слишком жалок.
Вот свору псов ножами резать надо!
Могли же вы, мои князья лихие,
Собрав все силы, римлян выгнать смело?
Решили мстить, врагам доверив дело.
Вы честь сожгли, Престолу вы чужие.

(Входит князь Ангеха)

Князь Ангеха:

Хвала тебе могучий славный Царь!
Но вижу, мрачен ты, беда случилась?

Арташес:

Давно, мой друг, она, как змей таилась,
Но очень скоро вышла словно тварь.

Ангех:

Прости меня, все в прошлом, боль уйми.
Забудь обид протяжный старый список.

Арташес:

Расплаты час, мой князь, уже так близок,
Что я не верю в дружбу меж людьми.

Ангех:

Великий Царь, дозволь тебе сказать.

Арташес:

Ты предан мне, но вечно хмур мой друг,
От злых нападок втянут в мрачный круг.

Ангех:

Причин и следствий ряд хочу связать.
Арташес:

Искать так можно вечно ход времен.
Придя к тому, что время тень движений.

Ангех:

Но в этой тени видим след свершений.

Арташес:

И длинный список, князь, простых имен.

Так в чем же дело, милый мой Ангех?
Что гложет ум твой, сердцу боль чинит?

Ангех:

Святая Совесть, Царь, во мне кричит,
Ввергает в ужас или в страшных смех.

Арташес:

Измену чуешь, или глас беды?

Ангех:

Дозволь же мне с тобой одним побыть.

Арташес:

Ангех, мой друг, опять ты начал ныть.
Отбросишь блажь, спасешь себя от тьмы.

Ангех:

Из чувства страха я сюда пришел,
Боюсь, мой Царь, что предан будешь ты.

Арташес (обозленно):

Безумный князь, живешь среди мечты,
Я знал, Ангех, что ты не глуп, но зол.
И, кто предатель? Можешь ты сказать?
Иль это только мысли, чувства, пыль?

Ангех:

Куда там, Царь, одна сплошная быль.

Арташес:

Так, что случилось, я хочу все знать.

Ангех:

Известно мне, что в Рим письмо готовят
С гонцом князей. В нем просьбы, Царь, о брате.

Арташес (задумчиво, подходя к окну):

Любил его, рыдал о той утрате,
Теперь же только псы одни злословят.
А, кто письмо отправит, знаешь ты?
Когда пошлют гонца, ответь скорей?
И, если знаешь, лгать Царю не смей.
Скрывают ложь и зло людей черты.

Ангех:

Об этом мне сказал слуга Андзева.
Он тайно служит мне. Никто не знает.

Арташес:

Андзев, наш враг? И чем же он страдает?
Но если — враг, познает искры гнева!
Когда письмо составят, ты узнаешь.
Пока же, знай, пугать князей не нужно.
Петлю потом затянем, с силой, дружно,
А в спешке, друг мой, все ты вмиг теряешь.

Ангех:

Возможно, кто клевещет, жаждет мести?

Арташес:

Гонцу его письмо вложи иное,
Пусть Цезарь Гай живет пока в покое.
Письмо напишем, много будет лести.
Ступай Ангех. Хвалю тебя за верность.

Ангех:

Державе предан я, тебе, как Богу.
Сломает тайный враг наш скоро ногу.

Арташес:

А Рим пожрет седая ведьма — ревность.
Ангех, езжай весной к Царю парфян,
Заверь его в священной нашей дружбе.
Он должен быть уверен в верной службе,
Когда война затронет край армян.

Ангех:

Смогу уверить я его, Владыка.
Дозволь идти, хочу готовым быть.

(Князь Ангеха удаляется с поклоном. Арташес, один. Арташес слышыт голос отца)

Призрак Артавазда:

Умерив страх, ты будешь долго править.

Арташес:
Вот путь во тьме, его отец дарует.

Призрак:

Не тешь надеждой, ложь уже ликует.
С пустой мечтою, тлен ты будешь славить.

(Призрак исчезает)

(Входит слуга)

Арташес:

Я звал тебя. Ступай скорей к Андзеву,
Проси его явиться быстро к нам.

(в сторону)

Ответ теперь держать он должен сам.
От лжи его, конец положит древу.

Слуга:

Исполню все Владыка в краткий срок.

Арташес:

Молчи о главном, тайно путь сверши.

Сцена Третья

(Провинция Васпуракан. Княжество Андзевацик, крепость Кангавар. Князь Андзева, князь Багратуни)

Князь Андзева:

Клевещут все: друзья, враги, соседи.
Всем страх глаза накрыл туманом серым.
И нужно быть героем слишком смелым,
И зная яд, вкушать его от снеди.
Что, дружба, что, любовь, лишь пыль и вера.
От пыли этой, мера в нас сгорает,
В дыму всех чувств живет, растет и тает,
И видим мы, как гибнет эта мера.
В пустом миру, пустых событий цепи.
Всю тяжесть их лишь множит в нас рассудок:
Как некий шум вдали, что мрачен, гулок,
И нас уводит прочь от светлой цели.

Багратуни:

Ты, князь о чем? Какая боль тревожит?

Андзев:

Аспет, хотел письмо отправить тайно.
Прознал, об этом, кто-то, друг, случайно;
Гонец исчез. Червей возможно множит.

Багратуни:

Письмо, кому? Врагам, иль может другу?

Андзев:

К Тиграну, князь, хотел отправить весть.

Багратуни:

Ты думал, друг мой, он свершил бы месть?

Андзев:

Теперь уж все, мы ходим, знай, по кругу.

(Входит слуга князя Андзева)

Слуга:

О, светлый князь, гонец твой прибыл ныне.

Андзев:

Проси, скорей. Я жду его давно.
А сам ступай, подай сюда, вино.

Багратуни:

Да, жарко стало, словно, мы в пустыне.

(Входит гонец)

Гонец:

Приказ исполнил я, но был отправлен.
Ответ, Тигран не дал, просил лишь ждать.
Встревожен был, не смог ответа дать,
Метаться стал, как будто был отравлен.

Андзев:

Поди же вон, не нужен боле ты.

(Гонец с поклоном удаляется)

Андзев:

Как странно все, письмом хотел призвать.
От страха он готов, как выпь кричать?
Разбились в прах, аспет, мои мечты.

Багратуни:

Так, то, приказ Владыки был, Андзев?

Андзев:

Нет, мой почин, об этом думал, друг.

Багратуни:

Тогда же Риму, все сошло бы с рук.
Тот зверь ослаб, но все ж разинул зев.
Пойду пройдусь, а ты со мной, князь?

Андзев:

Чуть позже, мой аспет, догнать смогу.

Багратуни (смотря вдаль):

Прекрасно, друг. Смотри гора в снегу.

Андзев:

Здесь овны бродят, всюду слякоть, грязь.

(Багратуни удаляется)

Сцена Четвертая

(Князь Багратуни, один недалеко от замка)

Багратуни:

Какою мерой мерить: доброй, злою?

Какой итог увидим мы в конце?
Иль мы взлетим, иль власть падет в венце;
А путь наш древний весь покрыт золою.
Кто враг, кто друг, скрывает тень от Трона.
Престол, как кладезь всех мирских страстей:
Позорный стул, надгробье всех идей,
Под ним и череп врыт и свод Закона!
Как мрачен мир Владык, закат их страшен!
И жизнь не всем дарует грозный луч,
Но часто видим тьму от грузных туч,
И плащ Царей, что кровью был окрашен.
О, бойся слабых, слабость силу точит,
Съедает жадно, жалость дух гнобит.
Она, как червь, живя в мозгу, свербит,
И в сильном муже ум его морочит.

(Багратуни замечает по близости ссору двух крестьян. Один, на вид богат, другой - беден)

Первый крестьянин:

Отдай мне деньги, что нашел в земле!
Надел ведь мой, мне князь отдал его,
А значит, я хозяин, знай, всего,
И даже искры, что найдешь в золе.

Второй крестьянин:

Но драхмы те — мои, тебе ль не знать?
Сказал же я о том еще вчера?

Первый крестьянин:

Не помню я, ты буркнул со двора,
Не смей дерзить, и должен все отдать!

Второй крестьянин:

Ты, лгун и вор, я князю все скажу.

Первый крестьянин:

Тебе ль, позволь, поверит князь? Ты, нищ.
Убог ты, глуп, на теле гнойный свищ.
А, я богат, ведь я, князьям служу.

(Пытается забрать деньги силой. Князь Багратуни вмешивается в сору)

Багратуни:

Эй, стой же, стой! оставь его подлец!

Первый крестьянин:

О, светлый князь, он вор и нагло врал.
Второй крестьянин:

Нашел свое, чужого я не брал.

Первый крестьянин:

Ты, должен был, забыл про то, наглец!

Багратуни:

Земля, твоя иль князя сей удел?!

Первый крестьянин:

Его. Андзева, Боги все хранят!

Багратуни:

Умолк, бесстыжий, что потупил взгляд?
Ведь ты же правды только что хотел?
Пошел же прочь, обманщик, старый плут.
И, ты ступай, владей всем, что твое,
Живи в добре, а жизнь возьмет свое,
Хозяин добр, хотя и нравом крут.

(Передает бедному тетрадрахмы)

Второй крестьянин:

Храни тебя Господь — Отец Богов,
Ему я жертвы перед храмом дам!

(Удаляются, князь один)

Багратуни:

Мы можем мерить всех по их делам,
И видеть светлый луч своих врагов.

(Отъезжает)

Сцена Пятая

(Месяц спустя. Арташат. Входит князь Андзева)

Арташес:

Послушай, князь, мне все известно стало.
Я, то письмо твое прочел, ты, знай.

Андзев:

Моя вина, я думал слишком мало,
И мыслил, что спасаю отчий край.
Хотел тебе, полезным быть, Владыка,
Но злой язык убил уже добро.

Арташес:

Ты повод дал врагам, учуять зло,
Теперь же будет слишком много крика.
Ступай в удел свой, ты теперь в опале,
Не смей просить смягчить мой гнев к тебе.

Андзев:

Когда все в страхе, значит, быть беде,
Но, Царь царей винит меня в развале?

Арташес:

Ступай же, помню, что служил мне честно.
Андзев, уйди, мой добрый старый друг,
Я слепо верил, ввел я в узкий круг,
Так действуй смело, все тебе известно...

Андзев:

Прощай и ты, живи во славе, Царь.
Но, знай о том, Ангеха князь — предатель.
На нивах лжи, известный он старатель
Мне жаль его, он был всегда бунтарь.

Арташес:

Постой, так значит, то – подлог, обман?
Письмом желал тот враг сгубить тебя?
Я ж стал бы тратить время, только зря,
Так князь Ангеха пыль пустил — туман.

Андзев:

Письмо прочел и понял, что я, враг?!
Загубишь всю Державу, ты - тиран?
Уже вопят, что добрый брат Тигран,
Не смог спастись, теперь узрим мы мрак.

Арташес (задумчиво):

Собрать бы всех, кто видит в чести свет,
И дав отпор, спасти святой Престол.
О, бедный край, народ твой нищ и зол,
Но пред Богами нам держать ответ.

Андзев:

Ты, знай, Владыка, Рим войны лишь ждет,
Подам совет, в князьях опора Трона.

Арташес:

Но кто же верен? Всем нужна Корона,
Кругом улыбки, в душах только лед![105]

(удаляется)

Конец IV Акта

АКТ ПЯТЫЙ

Сцена Первая

(апрель 26 г. до н. э. Вилла Тиграна недалеко от Рима. Тигран, Великий князь Софены Меружан Ервандуни[106])

Князь Меружан:

Тигран, Престол, поверь, давно уж твой,
Готовлю почву, скоро враг падет.
И Время список дел его сотрет.
Прогонишь вскоре прочь ворон, рукой.

Тигран:

Мой брат силен, народом он любим,
Смогу ли я Венец отца надеть?
Иль буду долго, нудно я скорбеть,
О том, что сир, о том, что стал гоним?

Князь Меружан:

Уж скоро сломлен будет Царь Фраат,
И мощь свою не сможет он явить.
Тогда и Рим, Тигран, начнем просить,
И Марк Агриппа будет крайне рад.

Тигран:

Кто в этом деле нам поможет, князь?

Меружан:

Найдутся те, кого обидел Царь.
Нам нужно ждать, огонь проявит гарь.
Беречь все силы. Всюду рыщет мразь.

Тигран:

Ты, прав, мой друг, одни враги кругом.
Молчанье — злато, суть, а в ней смарагд.
Молчаньем мы свершим священный акт,
Молчаньем мы вернем и отчий дом.

Князь Меружан:

Хранят тебя пусть Боги, Царь Тигран!

Тигран:

Прощай! До встречи! буду рад тебе.

Князь Меружан (удаляясь, шепотом):

Глупец, служу своей родной стране,
Ерванда край хочу спасти от ран.

Тигран (один):

Я был в тени с тех пор, как я родился;
Всегда второй угрюмо ждал добра.
Я ж видел, что не шла моя пора,
И старый мир во мне давно разбился.
Родной отец давал блага лишь брату,
Я ж, был в семье побочным, всем мешал;
Смешки слыхал, одних упреков шквал,
Теперь свершу я месть за всю утрату.
Я помню, только мать меня любила,
Она одна во мне огонь зажгла,
Таила боль... теперь она ушла...
Нас всех слепых тогда Судьба побила.
Довольно плакать! В силе я пребуду,
И жребий тайный мне укажет путь.
Рассею мрак, узрев в тумане суть,
И Слава обо мне пройдет повсюду!
Что будет с братом? Он падет на Троне!
Не сдаст он Власть, ведь честь ему милей.
В огнях земли готов сгореть скорей,
Но быть Царем в своей родной Короне!

(Входит Марк Випсаний Агриппа)

Агриппа:

Я рад тебе Тигран, пребудь во славе.
Великий Август, шлет тебе привет.
Он ждет тебя с семьей на свой обед,
Ты гость у нас, как светлый князь в державе.

Тигран:

Во благо дружбы, славный Марк Агриппа,
Почту за честь, и буду я на Капри.

Агриппа (с напускным сожалением):

Здесь стало сыро, всюду только капли,
В тепле же думать легче, ярче свита.

Тигран (спокойно):

Привык уже, семья моя не ропщет,
Тоскую я о милом отчем крае.

Агриппа:

Решится вскоре все, забудь о рае,
Ведь рай земной, какой-то недруг топчет.

(Гордо и холодно)

Прими дары от Цезаря, велик он.
До скорой встречи, друг Тигран, прощай.
И будь же рад, но силу Рима знай,
И перед ним отвесь земной поклон.

(Удаляется, оставляя послание. Рабы с поклоном вносят дары Октавиана Августа)

Тигран (один, подавлен):

Я сердцем знаю, что война грядет.
Артакс силен, но Рим, увы, сильнее,
Захватит все, и нужно быть умнее,

Не то и мой Престол в огне падет.
Мне нужно долго, скромно часа ждать.
Предать страну свою иль только брата?
Ответ — один, одна грядет расплата:
Предатель вскоре станет мерзость жрать.
Уж лучше б брат отрекся, пал в бою,
Его убийцей тайным я не стану.
Как можно жить, смотря на эту рану,
И мыслить, что наступит миг в раю?!
Так, только чувств лишенный может жить,
Кто разум пропил, став слепцом от буйства.
Не в силах я, корить себя за чувства,
Не в силах к брату я любовь сгубить!
Да, будет то, что будет, Митра Светлый!..
Тебе вверяю я свою Судьбу...
Уверен, вскоре ввергнет враг в борьбу,
Поймать бы свет и луч надежды блеклый...

Сцена Вторая

(апрель – май 26 г. до н. э. Парфия, Нисса. Фраат IV, Аспахапет Пахлав.)

Фраат:

О, Боги, брат мой Риму стал служить.
Предатель гнусный, нам чинит преграды.
И смерть его узреть мы будем рады[107],
Но нужно нам с врагом своим дружить.
Октавий хочет все знамена взять,
Те, что у Красса, мы отняли в битве.
Уж кровь течет по острой тонкой бритве,
Смогу ли я разбить всю эту рать?

Аспахапет:

Возможно нам поможет Царь Артакс?
Ведь он в долгу у нас за мир и Царство.

Фраат:

Опасен он, ведь в нем одно коварство,
Он отнял край, его теперь Аракс.
Хотя и верен долгу Царь армян;
Он служит Митре, значит предан Дружбе,
Но я боюсь просить его о службе,
Ведь в этой службе, мы узрим изъян.

Аспахапет:

Просить не надо, он ведь дал обет.
Ему напомним скромно мы об этом;
Война наступит скоро, может летом,
Спасти державу мы должны от бед.

Фраат:

Пока Октавий ждет, пугая братом.
Он сам еще не в силах в бой вступить.
Но Рим уже нельзя, так долго злить,
Увы, не сможем мир купить мы златом.
Ступай скорей Пахлав, один побуду,
Устал уже, от мыслей я своих.

Аспахапет:

Добро, мой Царь, увы, нет дел чужих,
От малых дел большую копим груду.

(С поклоном удаляется. Фраат, один)

Фраат:

Опять один, опять кругом враги.
И даже Дружба стала только верой.
Среди толпы князей убогой, серой,
Я свет не зрю, не видно даже зги.
Сороки щедро сплетен рой несут,
Кричат: "Ты слаб, отец же был сильнее!"
В полете должен быть всегда быстрее,
Дабы спастись, верша свой Царский суд!
О, больно мне, жестокость сильно бьет.
И после смерти Митра Вещий спросит:

"Убийца он? Его любой поносит?
В стыде великом Чашу Гнева пьет!"
Да, стыдно мне, невинных кровь пролил!
За эту кровь убит я сыном буду.
Пока же жду дивясь, любому чуду,
Ведь я Богов не чтил, и зло копил.[108]

(Входит слуга, за ним посланник с дарами от Арташеса)

Слуга:

Великий Царь, посланник прибыл к нам,
Его армянский Царь к тебе отправил.

Фраат:

Проси скорей. Богов не зря я славил,
За эту весть, тебе я злато дам.

(Входит князь Ангеха)

Ангех:

Великий Царь царей, живи во Славе!
Армянский Царь дары прислал тебе.

Фраат:

Я рад, мой друг, как рад благой звезде,
Ты знатный гость, у нас в святой державе.

Ангех:

Армянский Царь, просил тебе сказать,
Что верен дружбе пред Владыкой Света.
Он рать пришлет, и ждет теперь ответа,
Который, вскоре, сможешь, нам, ты дать.

Фраат:

За помощь, князь, Царя пусть славят Боги,
Я рад, Артакс поможет мне в беде.

Мы оба верим в свет, своей судьбе,
И к Риму оба будем очень строги.
Я также рать свою вам в помощь дам,
На случай, если Август вступит в битву.
Пока же будем петь Богам молитву,
Дабы дарили Свет людским глазам.
Ступай же с миром в край армянский, князь.
Скажи Артаксу, рад ему, как брату.
А Рим, как вор, лишь ждет свою утрату,
И вскоре сам себя загонит в грязь.

Ангех:

Прощай Владыка, мир твоей державе.

(Ангех со свитой с поклоном удаляется. Фраат, один)

Фраат:

Теперь пусть Рим, посмеет слать угрозы!
От двух Царей получит он отпор.
Уже завис над градом наш топор,
Шипы в ночи взрастут, погибнут розы.

(Входит слуга)

Слуга:

Гонец из Рима, ты принять изволишь?

Фраат:

Пусть он войдет скорей, теперь ступай.

(Входит Корнелий Долабелла)

Корнелий:

Великий Царь, наш Цезарь шлет привет,
А с ним письмо, прошу, его прими.
В нем просьба Рима, просьбе ты внемли,
Пусть Бог — Отец проявит горний свет.

Фраат (читая письмо):

"Тебе Фраат, великий Царь царей,
Во благе светлом быть всегда, желаю.
Мой мудрый брат, одну надежду чаю,
В моей душе она горит сильней.
Прошу Аршак, вернуть аквилы в Рим[109],
А с ними наших граждан, в плен попавших.
Союз скрепим, на нивах зла увядших,
Пусть это зло развеет Жертвы дым!"

Фраат:

Вопрос, Корнелий, сложен, Цезарь знает,
Что я, один, не вправе все решать.[110]

Корнелий:

Возможно, Царь, смогу совет подать?
Великий Рим добром друзей венчает.

Фраат (с иронией):

Друзья на службе? Станут все врагами.
Корнелий, Риму другом я не стал[111].
Иль повод есть, ведь повод я не дал?

Корнелий:

Великий Царь, ты чист перед Богами!

Фраат (удрученно):

Ответ свой дам, но позже, все, ступай.
Пусть здравым будет Гай Октавий Август...[112]

(Корнелий со свитой с поклонами удаляются)

Сцена Третья

(25 г. до н. э. Рим, дворец Августа. Октавиан Август, Марк Випсаниан Агриппа)

Август:

Так, стало быть, Фраат не дал ответ,
И снова нам придется долго ждать.
Терпеть и злиться, жить мечтой, страдать,
Желать в душе во тьме узреть рассвет.
Как быть, Агриппа, дай совет же, друг...
Одни кошмары видел я во сне.
Так стало страшно, тошно стало мне,
Когда вновь я узрел порочный круг.

Агриппа:

Великий Цезарь. Время все решит.
Фортуна радость даст, с благой улыбкой.
Не стоит тешить ум победой зыбкой,
За ней всегда впотьмах беда спешит.
Фраата вскоре мы в тиски возьмем,
Ведь брат его давно мечту лелеет.
Парфянский варвар дать отпор не смеет,
Фраат ослаб, Артакса мы убьем.

Август:

Агриппа — друг мой, мысль ясна твоя,
Но мы пока не сможем в бой вступить,
Собрать войска и злых парфян разбить.
И Рим наш слаб. Увы, душа моя.
Но года через два усилим власть,
На третий год подымем нашу рать.
Тогда отпор мы сможем смело дать;
В таких делах нас губит только страсть.
С умом холодным, чувства спрячем мы,
Из года в год мы скопим мощь свою.
Тогда весь гнев познает враг в бою,
Пока же, ждать и мыслить мы должны.
Тиграна ты склонил, он верит нам?

Агриппа:

Боится, ждет и сам того не знает,
Что он в силках, но все надежду чает,
О том, что все решит, когда-то сам.

Август:

Мой смелый Марк, ты будь с Тиграном мил,
Следи всегда за ним и часа жди.
Таи свой гнев и яд таи в груди,
От желчи гнева, тратим много сил.
Моя борьба дала мне свой урок:
Спокойно суд вершить и знать врагов;
Хранить себя от сор, от бед, оков.
Поверь, я сам дивлюсь, что выжить смог.
Ступай мой друг, Марцелла я приму,
Дела семьи с ним должен я решить.
В одном ты прав: в делах должны спешить,
Ты равен мне, тебя всегда пойму.

(Агриппа с поклоном удаляется)

Агриппа (один, украдкой следит за появлением Марка Марцелла):

Опять Марцелл, противен сей юнец!
Он словно прыщ, никак не лопнет гнойный!
Меня кидает в жар, как в полдень знойный.
Придет же твой черед, узришь наглец!
Что Август видит в нем? Да, он красив!
Силен и смел, умен не в меру, милый…
Ах, старость, старость! Слышу скрип унылый,
И знаю облик твой: он мрачен, сив.
Да, зря мне Цезарь дал свое кольцо...
О, зависть, ты одна меня прельщаешь,
Гнобишь и злишь, всегда меня стращаешь,
Но должен я беречь свое лицо!
Наследник стал, но Власти я лишусь,
Иных птенцов растят в гнезде орлином.
Моя же слава в списке слишком длинном,
Но этой честью, только я горжусь!

Вот он идет, надменно смотрит вдаль,
Сейчас рабы, врата дворца откроют,
И слуги рады, словно псы завоют.
Во взоре Марка видим мы печаль.
Гордец красив, и стать ему к лицу,
Во мне опять вся ревность встала разом!
Узреть бы встречу их одним бы глазом,
Но полно Марк, ты жизнь сведешь к концу[113]...

(Удаляется)

Конец V Акта

АКТ ШЕСТОЙ

Сцена Первая

(21 г. до н. э. Армения, Армавир. Дворец Ервандидов. Арташес, один смотрит на Масис)

Арташес:

Холмы, да камни грозно всё молчат,
Таят они былых времен следы.
И время славы или час беды,
Вобрали глыбы, с них наш путь зачат.
Скажите камни, мой ли в вас исток,
Иль мой конец, от вас скорей приму?
О, камни, скалы, дайте знак — пойму;
Я сердцем чую, мой наступит срок.
Что сделал я и был ли прав всегда,
Карая тех, кто мне противен был?
Среди врагов, всегда я сильным слыл,
Среди друзей — ослаб, одна вражда.
О, грозный Царь, могуч твой вид Масис,
И страшен облик твой, ты словно, Бог,
Хранишь Печать, таишь всех дел итог;
Всех, кто вознесся, скинешь камнем вниз!
Я пред тобой крупица — часть твоя,
Прими меня обратно, Отче мой.
Я вижу скверну, слышу только вой,
О, внемли мне, возьми свое дитя!

(Арташес вновь слышит таинственный голос)

Голос:

Услышал плач Владыка древних гор,
Осталось мало ждать, и путь свершишь.

Арташес:

Опять совет, подать ты мне спешишь?
Спасет ли он Престол от грязных сор?

Голос:

Я — дух, о, Царь! Спасенье зри в себе.
Я, словно, гладь, в которой виден след.
Хранит он луч удач и цепь от бед,
Но, то — Судьба, твой свет в кромешной мгле.
Ты, стойким будь, ведь враг уж зло свершил,
Держать ответ способен сильный дух.
Не верь льстецам, они ласкают слух,
Толкая в пропасть тех, кто ложь любил.

Арташес:

Как быть? Ответь! Чего еще мне ждать?
Измотан я, отец, слепой борьбой...

Голос:

Пребудь в огне, сроднись с живой водой,
В огне ты сможешь суть Державе дать;
Вода очистит всю людскую муть,
Подаст надежду, новый луч родит.
Узри же Мир! В нем смерть лишь жизнь творит,
Ты, через смерть познаешь жизни путь!

Арташес:

Ты лучший мне подал совет, Отец.

Голос:

Ты, сам прозрел, я только все явил.

Арташес:

О, Митра Грозный, дай мне много сил!

Голос:

Прощай и знай, на Небе твой Венец!

Сцена Вторая

(Крепость Гарни. Арташес во Храме Митры)

Арташес:

Владыка Митра! Мой молчащий Бог!
В который раз я пред Тобой стою,
Как некий воин, что поник в бою,
И слышит сердцем грозной Смерти Рог!
Пришел к Тебе не с жалкой просьбой я;
От просьб людских, Ты, Пастырь мой, устал.
Не Мира я ищу, тот Мир, Ты — дал,
А счастье — ложь, Бесстрастный наш Судья!
Пришел узреть приют спокойный Твой,
В последний раз впитать Твою Красу.
В Твоем приюте я себя спасу;
Молчанье Бога глушит в сердце вой!
Как я хочу во Храме камнем стать,
Держать устои Трона, мой Господь.
Молю, убей, сожги, как Жертву, плоть,
Подай мне дар: врагов своих прощать!

Сцена Третья

(Тронный зал. Входит гонец от князя Андзева)

Гонец:

Великий Царь, меня послал Андзев,
С письмом к тебе, прошу, его прими.
Молю Владыка, ты, меня вини
За долгий срок, обрушь свой правый гнев.

Арташес:

Ступай, уже! Прощаю я, тебя.

Гонец:

Да, будет жизнь твоя в великой славе.

(удаляется с поклонами)

Арташес (удрученно про себя):

Мечтаю я о том в своей Державе.
И тешат мысли сердце, только зря…

(Читает письмо)

«Владыка мой и Царь земли святой!
Спешу тебе поведать правду мира.
Мой долг велит, молить Златого Тира,
Послать всем мудрость, край спасая твой!
Твой милый брат, по слабой воле, пал,
Софенский князь, его сподобил к злому.
Теперь он — враг, тебе, Отчизне, дому,
То — правда, что пишу, о том — узнал.
Но он — не главный, грозный враг твой, Рим.
Ему же верно служит князь Софены.
Внутри Державы, бойся Царь измены,
Лазутчик мой прознал, закончу сим».

(на обороте письма читает)

«Сошли Ангеха, знай, он козни строит,
Софенский князь увязан с ним давно,
Ангех предаст, ему же все равно,
Он любит злато. Мало князь наш стоит
Мидийский вор раздор чинит средь нас…»

Арташес:

Пригреть змею. Так, чья же в том вина?
Того, кто добрым был, кто жил с ней рядом.
Когда душа полна змеиным ядом,
Что пользы в том, что яд хранит она?
А польза есть. Мой разум гибче стал,
А сердце тверже, жалость в прах зарылась.
Теперь лишь лед в груди, и злость забилась;
Прекрасно, что друзей своих узнал!
Создам я хлад, так ярче станет свет,

Сотру следы и тени мнимой дружбы.
Все будет только жить во имя службы,
Лишь долг святой укажет мне ответ.

(звоном призывает слугу)

Слуга:

Внимаю я, великий сын Богов!

Арташес:

О, верный раб, велю тебе отбыть,
Софены князя должен ты убить.
И тем спасешь ты край от злых оков.
Послом Тиграна ты к нему явись,
Проси его о тайной встрече с ним,
И будь вблизи, ударь клинком стальным,
А после, прочь иди, и в путь стремись.

Слуга:

Исполню все, что скажешь светлый Царь!

Арташес:

Исполнишь все, тебе я дам удел,
Устроишь сам, как ты того хотел.
Возьми коня и свиток, этот ларь.

Слуга:

Я жизнь свою готов отдать, Владыка...

(с поклоном удаляется)

Арташес (задумчиво с тревогой):

Успел бы он, убить змею в норе...

Второй Слуга:

Могучий Царь! Пришел посол Фраата!
Просить войти изволишь, мой Владыка?

Арташес:

Проси, скорей, лишь скорбь сотру я с лика,
Пусть скорбь дороже нам, всегда богата...

Посол от Фраата:

Великий сын Аршака, шлет привет!
К тебе, Артакс, письмо прислал со мною,
За твой ответ ручался я главою,
Теперь, о, сын Богов, в тебе мой свет!

(вручает письмо)

«Державный брат, пребудь в луче Ормазда!
Пусть Митры свет дарует радость дней!
Скрепляет длань его союз друзей,
Но ложь не спит, она на все горазда!
Прошу тебя помочь моей Державе,
Нерон Тиберий с ратью держит путь.
Посыл нам ясен, видим злую суть,
О том, что Рим стремиться к бренной славе.
Мне больно, что теперь восстал мой близкий,
Он мнит о Троне, копит месть в себе.
Помочь прошу тебя, моей стране,
Врага побьем, падет зачинщик низкий.
В победах Рима есть угроза Хайку,
Войной Октавий хочет все решить.
Из наших бед желает славу сшить,
И жаждет взять в залог судьбу-хозяйку».

Арташес (диктует ответ писарю):

«Аршак великий, будь во Славе ты!
Мой мудрый брат, готов тебе помочь.
Печаль твою спешу рассеять прочь,
Во имя Дружбы, все мои, мечты!
Смогу к тебе отправить рать свою,
Но только тех, кто верно служит мне.

И пеших дам и дам коней в броне,
Готовых смять врагов твоих в бою.
Пребудет с войском, брат, наш светлый князь,
В войне он знает толк, и римлян — бил.
Дарует нам Владыка много сил,
И силой духа втопчем Гая в грязь.
Однако, войско дам, как враг придет,
До той поры, прошу, полков не ждать.
К войне же, я успею всех собрать
Ведь брата брат, Аршак, всегда спасет».

(обращается к послу, указывая на дары)

Возьми дары с письмом подай Царю,
Скажи, что скоро, войско дам ему.

Посол:

Хранит тебя Ормазд, рассеял тьму,
Вновь мы узрим побед святых Зарю.

(с троекратным поклоном удаляется)

Сцена Четвертая

(21 г. до н. э. Княжество Аршамуник, крепость Дзернак. Тайный совет князей. Князья: Ангех, Мандакуни, Бзнуни и Рштуни)

Мандакуни:

Я рад всех видеть, долгим был ваш путь,
Но дело наше мы свершим на славу.
Спасем себя, святой Престол, Державу,
Ведь в нашей правде зрим отчизны суть.

Ангех:

Тиграна внук — жесток, строптив, упрям,
Не даст он править нам друзья, все знайте.
Всех сгубит Царь, вы только время дайте,
Наступит срок, придет конец князьям.

Князь Рштуни:

Ты прав, Ангех, опасен всем Артакс,
И очень скоро он достигнет краха.
Венец падет, познаем силу страха,
Кровавым станет бурный наш Аракс.

Князь Бзнуни:

Однако есть надежда все решить.
По просьбе общей Рим пошлет Тиграна,
Артакс падет, недолго будет рана;
Она пройдет, как прежде станем жить.

Князь Ангеха:

Ты, прав, мой друг, письмо напишем мы,
Его с гонцом моим отправим тайно.

Мандакуни (обращается к Бзнуни):

Тигран, один? Не знаешь ты случайно?

Ангех:

Нерона также встретить мы должны.

Рштуни:

Уж, лучше он, чем наш безумный Царь.

Мандакуни:

Умен он, князь, но, только стал жестоким.
Возможно он и был всегда глубоким...

Ангех:

От глуби царской видим только гарь[114].

(Мандакуни достает пергамент, стилос и чернила. Князь Бзнуни

диктует письмо)

Бзнуни:

«Потомки родов Хайка, шлют привет.
Владыка Август, радость зри, великий.
Артакс нам чужд и стал он грубым, дикий,
Являет зло один на белый свет.
В стране армян царят разврат и страх,
И вскоре все падет, Престол, Корона,
Мы молим, будь Судьей, о, Пастырь Трона,
Спаси наш край, он рухнет скоро в прах.
О, светлый Цезарь, дай Тиграна нам,
Воспитан Римом он и чистый в нравах,
Он кроток, сведущ, мил в родных забавах,
И будет добрый Царь на страх врагам»[115].

Ангех:

Письмо же в Рим, доставит мой слуга.
Ему я верю, он болтать не любит.
Спешить нам надо, враг ведь все погубит,
Тогда бежать мы станем, кто куда...

Рштуни:

Союз наш крепок будет, только тайным.
Теперь уедем мы в свои края.

Мандакуни:

Хранят же Боги вас, мои друзья,
Для слуг, родных приезд ваш был случайным.

(удаляются)

Князь Мандакуни (один):

Падешь Артакс, с тобою — тень отца,
Что отнял силой власть князей, без права[116].
Увянет, сникнет вскоре ваша слава,
И след святых Богов пройдет с лица!

Но буду я приветлив, Царь, и мил,
До той поры, пока не грянут грозы.
Узрю же я твои, страдалец, слезы,
Познает дух прилив великих сил!

(удаляется)

Конец Акта VI

АКТ СЕДЬМОЙ

Сцена Первая

(Май 20 года до н. э. Арташат, дворец Царя. Арташес II один.)

Арташес:

Борьба моя напрасна, я — один.
Конец настал, я чую запах смерти.
Кругом гиены рыщут, словно, черти.
Мне стало трудно жить средь мрачных льдин.
Покинут всеми, сам, как тень брожу,
И боль моя давно изъела душу;
Одна лишь злость, от злости этой трушу,
В среде зверей живя, с ума схожу.
Все, что создал, все рухнет, всюду тлен,
Лишь смерть моя сомкнет уста позору.
Грехи чужих, с трудом толкая в гору,
Я стал рабом, попав в ужасный плен!
Истлей Тиара, рухни Трон Владык,
Народу чужды Власти яркой звуки!
Живя в грязи, врагу лобзая руки,
За Глас Богов готов принять он рык!

(С грустью всматриваясь вдаль, заключает)

Арташес:

Победный путь меня привел ко краху,
А древний дух, давно уже умолк.
Так, раньше был от грозной силы толк,
Теперь же слабость всех ведет на плаху.
В игре за честь, я жизнь отдал не глядя;
Была мне честь дороже жизни той.
Игру свою я вел впотьмах с собой,
Добро презрев, я мстил, со злом не ладя.

(Вбегает князь Андзева)

Андзев:

Великий Царь, вели казнить меня!
Спешу сказать тебе, Тиберий близко.

Арташес:

Мой брат, Тигран, с врагом? Как пал он низко!
Спешит воссесть, не тратит время зря!

(Входит князь Багратуни)

Арташес (с улыбкой, спокойно):

О мой аспет, поверь мне, я – один.
Войска князей моих отпор не дали.
Они меня, свою страну предали,
И видят Боги – вбит раздора клин!

Багратуни:

О, что за вой? Толпа сюда идет?
Беги, Владыка! Я злодеев встречу!

Арташес (покойно):

Нет, я не трус, и сам за все отвечу.

Андзев (смотрит из окна):

Владыка мой, Ангех у входа ждет!

Багратуни:

Зовите стражу, верных, кто остался!
Дворец уж взят, толпа спешит сюда.

(Вбегает князь Ангеха, с ним князья Бзнуни и Рштуни с частью толпы)

Ангех (приказывает схватить Арташес):

Схватить Царя, пришла в страну беда!

Багратуни (закалывая Ангеха):

Подохни, змей! Пусть ты и грозным звался!

(толпа в оцепенении отходит назад)

Арташес (спокойно, с достоинством):

Что нужно вам, зачем пришли ко мне?
Ну что же стихли?! Царь вопрос задал.

Голоса из толпы:

Ангех с князьями нас сюда позвал,
Сказал, что корень зла, наш Царь, в тебе!

Арташес:

Безумцы вы, война уже грядет!
Ступайте прочь к домам, к своим делам.

(из толпы выходит князь Бзнуни и мечет кинжал в Царя)

Бзнуни:

А, ты умри, тебе за все воздам!
Ты отпрыск зла, то зло страну гнетет!

(Обращается к толпе)

Убейте их! Они враги народа!..

(Толпа не решается наброситься на Багратуни и Андзева)

Арташес (на руках Андзева):

Бегите вы, Андзев, оставь меня!
Все, братья, пал, уже окончен век!
Стремился к Свету, свой свершил я бег,
Теперь уйду, во всем себя виня!..[117]

Царем я был, Царем уйду во славе!
Венцы Владык рождает Солнце с ними,
Венец терновый! В нем лишь свет Святыни…
Мучений суть - готовить путь Державы!..

Арташес (из последних сил):

Печаль, как ложь, откуда взять мне сил,
Когда огонь погас, иль мысль слабеет?
Так, пред прыжком подбитый лев робеет,
Так, вянет пясть, лишившись крепких жил.
Наш свет от звезд, лишь дан на время нам,
Питает чувства он и множит волю,
И этот свет творит всю нашу долю,
И строит хрупкий, шаткий плотский храм.
Но, если гаснет луч звезды святой,
Душа и Ум взлетят к высотам горным,
Их яркий цвет предстанет цветом черным…
Так примем смело скорбный путь родной…

(Умирает. Входят князья Мандакуни и Рштуни с воинами)

Рштуни:

Схватить Андзева, быстро! Враг идет[118]!

(Воины забирают князя Андзева. Обращается к Багратуни)

Аспет, готов Тиграна ты венчать?

Багратуни:

Огнем готов главу твою терзать!

Мандакуни (мечом отсекая голову Багратуни):

Тогда ступай, огонь тебя уж ждет!

Бзнуни:

Пора спешить, Тиберий едет к нам!
Тиграна он, на Трон отца посадит.

(Удаляются)

Сцена Вторая

(Арташат. Площадь. Тиберий с войском, Тигран, князья Бзнуни, Мандакуни, Рштуни. Толпа)

Князь Мандакуни:

Хвала тебе, Тиберий, воин светлый!
Принес нам мир, и радость к нам пришла.
Та радость силы, свежесть к нам внесла,
Услышал Митра Вечный глас заветный!

Бзнуни (держа в руках Тиару Царей):

Желаем мы узреть Царем Тиграна!
Даруй же нам, Тиберий радость дня!

Толпа:

Хвала тебе, прекрасный сын Царя!

Рштуни:

Скорбит народ, болит давно уж рана!

Тиберий:

Да, будет то, что нам послали Боги!
Сюда я призван, вам Царя венчать!
Готовы с честью вы его встречать?

Мандакуни:

Готов народ упасть Тиграну в ноги!

Толпа:

Мы, молим, стань Царем, Тиграна внук!

Тебе, о, светлый, мы служить готовы!
Прекрасный Царь, о, сбрось ты с нас оковы!
Как древний Хайк возьми огромный лук!

Тиберий (обращаясь к Тиграну):

Во имя мира, Рим тебя прославит!
От силы правды весь исчез раскол.

Тигран:

О, мой народ, готов принять Престол!
Пусть мудрый Рим меня на царство ставит!

(Тигран коленопреклоненно перед Тиберием. Тиберий надевает Тиару на Тиграна)

Тиберий:

Во имя мира я тебя венчаю!
Законом Рима, будь Царем армян!

Толпа:

Хвала Царю Тиграну, славься Рим!
Красивый Царь, ты кротким будь с народом.

Бзнуни (тихо со злой иронией):

Не станешь мил, познаешь смерть под сводом;
Строптивый царь в среде князей, гоним.

(Ликование толпы).

Тиберий (один с упоением, надменно):

Свершилось! Пал во прах великий край!
Теперь лишь Рим вершит его судьбу.
Иссякла мощь, все бросил он в борьбу,
Узрит ли он, уже забытый рай?!
Хвала тебе Юпитер — Царь Богов!
Ты молний свет излил на Вечный Рим,

Он стал могуч, Отец, деяньем сим.
На страх друзьям, гнобя своих врагов!
Трясись же в страхе мир шальных парфян,
Уж держит крепко Грозный град узду.
В мечтах теперь узришь свою звезду,
Падет твой дух, как рухнул дух армян![119]

(Слепой мальчик подходит к нему, просить милостыню)

Мальчик:

Подай, прошу мне хлеба, сирый я,
Не ел давно, живу в пещере хладной.

Тиберий:

Язык твой чужд, привык я к речи складной,
Пади же прочь, не трать же время зря!

Мальчик:

Тебя же понял, вижу суть твою,
Умрешь Царем, но глад познаешь ты.[120]

Тиберий (в ужасе от услышанного):

Неужто внял и я, он зрел мечты?!
Пойду же прочь, напрасно я стою!

(Мальчик исчезает бесследно, слышится только, как он читает странные стихи на греческом, древним размером):

Две благородные девы, вместе с безродной служанкой,
Завистью жгучей пылая, смерти хозяйку придали!
Пала хозяйка во мраке, всех заклеймила позором…

Тиберий (в отчаянии):

Юпитер, Веста, Марс, Огни святилищ!
Не вступит в этот край Нерон Тиберий!
Устал уже от страхов, дум, поверий,
От этих гор, от грозных скал-хранилищ!

(Подавлено с ужасом уходит)

Конец Акта VII

ЭПИЛОГ

(Над Арташатом проносятся три Матери Ночи)

Первая Мать Ночи:

Начало есть. Конец подходит верно!
Ни в этом суть всех драм людского рода?
Страдают все в миру под сенью свода,
Итог верша бездумно, слепо, скверно!

Вторая Мать Ночи:

Любовь одна лишь дар Богов священный,
Но этот дар, увы, смешали с грязью.
Сплетают похоть нежной липкой вязью,
И губят этой вязью ум надменный.

Третья Мать Ночи:

А суть одна: найти под Солнцем место;
Ведь род людской, подобен рою гнуса.
И каждый крови алча, ждет укуса,
Собою множив грязь, как сдоба тесто.

(Над Арташатом, со стороны гор Масиса, появляются незримые образы Митры, Тира и Ваагна – Митра в трех Ипостасях)

Образ Ваагна:

Убогим стал, могучий дом Гиганта![121]
На чад его давно уж пал огонь.
Средь страшных бурь и войн, одних погонь,
Он нищим стал, лишен, увы, Таланта!

Образ Тира:

Пусть все Цари из мрака выйдут снова,
Пусть молний яркий свет в ночи блеснет.
Пусть, даже зло, в кромешной тьме уснет,
Познает крах! Увы, пуста основа![122]

Образ Митры:

Жильцы его гасили Свет Священный,
Отвергли дух родных своих Владык[123];
Теперь чужой и грозный алчный лик,
На них бросает мрачный взор надменный.

Образ Тира:

Пади же Хайк! Ты принял Чашу яда!

Образ Митры:

Уже свершил давно ты свой полет!

Образ Ваагна:

Познаешь боль и меч, и вражий гнет!

Три образа вместе:

Толпа все примет, ей нужна награда!

AVGVSTVS
ARMENIA
CAPTA

ПРИЛОЖЕНИЕ

Цари Династии Ервандидов-Арташесидов

Неизвестный представитель первой (чисто армянской) Династии Ервандуни, ведущей линию преемственности от Ерванда Краткотечного и Тиграна I Ервандуни. Именно эта Династия, возможно после смерти Ваагна Ервандуни, уже при Дарии I Гистаспе была породнена с родом Гидарна-бактрийца. Однако, как указывают родовые имена Арташесидов (Арташес, Артавазд и Тигран), сам Арташес мог быть потомком именно армянской (исконной) Династии, не вступившей в родственные узы с Гидарнидами. Именно поэтому, Арташес сверг Ерванда IV, представителя «нечистой» ветви. Возможно, отца Арташеса звали Артавазд или Тигран.

1. Арташес I (190/189-160/159 гг. до н. э.)
2. Артавазд I (160/159 – 120/115 гг. до н. э.)
3. Тигран I (II) (120/115-95 гг. до н. э.)
4. Тигран II (III) (95-55 гг. до н. э.)
5. Артавазд II (57/55-34. Начинал соправителем отца, мученически погиб в 31 году до н. э.)
6. Арташес II (34 год до н. э. Избран и коронован. Фактически правил с 30 по 20 годы до н. э. Предательски убит)

После гибели Арташеса фактическая независимость пресеклась.

7. Тигран III (IV) (20-8 гг. до н. э.)
8. Тигран IV (V) и Эрато (8-5 гг. до н. э.) С восстановлением на короткий срок полной независимости, но Тигран был незаконно свергнут Римом.
9. Артавазд III (5-2 гг. до н. э. Убит). На короткий срок независимость Армении восстановлена.
10. Тигран IV (V) и Эрато – повторно (2-1 год н. э. Погиб в войне с аланами).

Пресечение прямой мужской линии Арташесидов.

11. Ариобарзан Атропатенский – сын Артавазда I Атропатенского (2-4 годы, убит)
12. Артавазд IV – сын Ариобарзана (4-6 годы, убит)
13. Тигран V (VI) Иродиад (6-12 годы, совместно с Эрато). Эрато умирает в 12 году, Тиграна свергают. Именно при нем в Армению массово стали вселяться евреи, заселяя самые значимые армянские земли. Намного позже, уже при Тигран VI (VII) также Иродиаде (58-62 годы), евреи еще в большем количестве стали вселятся в Армению. Эти два еврея-ставленника и послужили после, «набожным» христианским отцам, для написания с елейной слащавостью о том, что вся деятельность Тиграна Великого сводилась к тому, чтобы немедленно заселить иудеев в Армении. Эти вымышленные истории впервые стал распространять один из главных лгунов от истории – Иосиф Флафий. Согласно христанско-еврейским басням, чуть ли не все значимые армянские роды восходят к «праведникам избранного народа Яхве». По-видимому, именно про-римская и иудофильная политика Тиграна V послужила массовому восстанию армян.
Со смертью Эрато, прямая армянская линия Арташесидов пресеклась. Сохранились только непрямые династы Фарнавазидов-Арташесидов.

ПРИМЕЧАНИЯ К ТРГЕДИИ «АРТАВАЗД II»

---

[1] В древней Армении Матери ночи или Гишерамайрер, носители мрака и похитительницы Солнца. Согласно разрозненным древнеармянским преданиям Гишерамайры со змеями в руках охотятся за Солнцем, чтобы, схватив его, погрузить Мир во мрак. В данной легенде отразилось не только Учение о борьбе Света и Тьмы, но древнее значение Змия – самой Тьмы, как Первоосновы Бытия. Именно в этих незатейливых народных преданиях, было сохранено великое Учение о цикличности Бытия.

[2] Несмотря на то, что Артавазд был соправителем Тиграна Великого, он не обладал всей полнотой власти. Практика передачи власти в древности, в частности в Армении и в Парфии, была более сложной, в отличие от таковой в более близких к нам эпохах.

[3] По легенде, перед смертью, предположительно в 160 г. до н.э. Арташес I, удрученно произнес: "Увы, все бренно! Увы, все недолговечно!"

[4] До восшествия на Армянский Престол, Тигран был почетным пленником при Дворе Митридата II Великого.

[5] Тут проводится противопоставление двух идеологий: Солнечной, символом которой издревле считался орел и Лунной, символом которой был волк или волчица. Собственно сабинский лунный символ, впоследствии стал общеримским.

[6] Коренное название Армении. [H]ай[q], на армянском – Հայք. Следует различать самоназвание от личного имени. Так, название страны пишется и произносится с придыхательной [q], в отличие от имени личного – с обычной [k] – Հայկ (Hayk). Буква (ք), соответствующая по звучанию латинской - (q), в древнеармянском, на конце ряда существительных имен, определяла множественность числа. Так, к примеру, слово нога – ոտ (vot), во множественном числе писалось и произносилось, как ոտք (votq) – ноги. Название – հայ (hay) – армянин, во множественном числе – Հայք (Hayq), приобретало собирательное значение, относимое уже к самому историко-географическому региону, где расселялись армяне, т.е. – топониму, как в случае с топонимами Русь, Чудь, Жмудь, Пермь и т.д. Современное название Армении на армянском – Հայաստան (буквально – Страна армян или Армянский стан) – более позднее, вошедшее в армянский либо из пехлевийского, либо из авестийского, и в

пехлевийский (парфянский) язык, данный корень проник из родственного санскриту авестийского - **sthāna** – место. Не исключено, что в армянский, данный корень проник в ахеменидский период.

[7] Намек на правление Арташеса II.

[8] Башня Хуш (Hush) – буквально переводится, как башня памяти, или башня киш – дахма, на которой оставляли тела покойных, дабы не осквернять четырех тонких стихий.

[9] В Древней Армении Тир почитался как великий писарь Арамазда, и часто выступал в образе Тира-Гроха. Сохранилась форма обращения-проклятия в армянском просторечии: «грохэ тани», что означает – «унеси тебя писарь». Все это указывает на учение о Загробном Суде, где Тир выполнял ту же роль, что и Тот на Суде Осириса. В Армении, Осирису мог соответствовать Ара Прекрасный, воскресший, как и Осирис на 12-й день. Причем, Ара представлял собой, как и Осирис, Дух, который посредством Духовной Души – Тота и Духовной Мысли – Анубиса, ипостаси Гора и Тота одновременно вершит высший Суд. Следует отметить, что Суд в Низшем Мире (Аменти) в равной степени связан как с Осирисом, так и с Гором – его ипостасью.

«Я есмь Божественная Душа, обитающая в Божественной двойне Богов.

Кто эта Божественная Душа? Это Осирис. Когда он идет в Бусирис и находит там Душу Ра, один Бог охватывает другого, и две Божественные Души обретают существование совместно в Божественной двойне Богов.

Относительно Божественной двойни Богов, то они суть Хару-нач-хар-тафаф и Хару-хант-ан-арити (Гор, заступник своего Отца, и Гор, не имеющий видимого образа).

Другие говорят, что Божественная двойная Душа, которая обитает в Божественной двойне Богов, есть Душа Ра и Душа Осириса» <…> [Египетская Книга Мертвых, Обращения умершего к Духам и Богам, XX, дополнение из папируса Небсени, Брит. музей, № 9900, лист 14, 11. 16 ff].

В древних Иране и Армении Тир стал соответствовать, как Анубису, так и Тоту. Воскрешению как Осириса, так и Ара Прекрасного способствовали псоглавые Боги: аралезы – в армянской и Анепу (Анубис) – в египетской традициях. Эти киноцефалы были лунными Богами, как объясняет Блаватская,

посвящены были именно Тайной Мудрости т.е. Тоту-Тиру [Блаватская «Теософский Словарь», 1998, стр. 203]. Известно, что Луна у всех древних наций считалась олицетворением Тайной Мудрости, так же как планета Меркурий (ведич. Будха). Тир и аралезы слиты не только через образы Тота и Анубиса, но и через образ ведического Ганеши – Слоновоголового Бога Мудрости, сына Шивы-Рудры и Парвати. Ганеша суть Тот и Анубис вместе взятые, и назывался у эллинов Германубис, раскрывающий тайны Земли. Тиру также была посвящена планета Меркурий (Будха), т.к. планета эта ближе всех расположена к Солнцу (Духу). Сравните Нэбу – Бога Мудрости у вавилонян в его связи с Тиром. Дабы у читателя не возникли сомнения и путаница относительно всех вышеперечисленных образов; т.к. все они представляли различные аспекты одного Принципа с различными планетарными экстраполяциями, следует уяснить, что киноцефалы, могли являть сдвоенный аспект Тайной Мудрости. В случае с аралезами, киноцефалы представляли низший аспект, т.е., относящийся не к Высшей Триаде: Дух, Духовная Душа, Разумная Душа (эти три Принципа относились к Ганеше и Хануману, а также, к Анубису), а к низшей Четверице. По описанию, оставленном Езником Кохбаци (V в.), аралезы «воскрешали» павших воинов или героев (преимущественно аристократов, чья жизнь необходима была на Земле), но после этого «воскрешения» тело героя было покинутым храмом, т.к. Высшая Триада покидала данное тело безвозвратно. В дополнение к этим образам киноцефалов следует добавить, что, будучи из свиты Тира, аралезы могли, по преданиям, «вселять силы» только в рядовых героев и воинов, тогда как в случае с Богом, каковым являлся Ара Прекрасный, силы-Принципы мог вселить лишь сам Тир-Собакоглавый Бог Мудрости и Тайны. На это указывает все та же легенда о Шамирам-Астхик (Иштар) и Ара Прекрасном – Адонисе (Таммузе). В одном варианте данной легенды, которая была все же на руку христианам, указывается, что аралезы, призванные Шамирам-Астхик, не смогли воскресить тела павшего, что, в свою очередь, показывает, что эти божества не могли воскресить Бога. Другая версия этой же легенды говорит о полном воскрешении Ара, со стороны аралезов. По всей видимости, сначала тело Ара было доверено аралезам и только после неудачи аралезов, сам Тир воскресил этого Бога. Путаница

возникла уже впоследствии, т.к. Тира в древности именовали Богом-царем аралезов, тем самым, производя его в ранг самого главного Аралеза (Тир-Аралез-Врачеватель) [Гоян, указ. труда, т. 1, гл. VI, раздел: «Мифология языческой Армении и предыстория армянского театра»]. О посреднической роли аралезов между мирами Духовным и Тварным указывает Фавстос Бузанд в своей Истории.

«И когда тело спарапета Мушега понесли в его дом, к его семье, то родственники его не верили его смерти, хотя и видели голову, отрезанную от туловища. Они говорили: “Он бесчисленное множество раз бывал в боях, и ни одной раны не получил, ни одна стрела не попадала в него, и никаким другим оружием он не был ранен”. Другие же надеялись, что он воскреснет и потому приставили голову к туловищу, пришили и поместили на кровле одной башни. Они говорили: “Так как (Мушег) был муж храбрый, то аралезы сойдут и воскресят его”. Поставили стражу и ждали его воскресения, пока, наконец, разложился труп его. После того снесли его с той башни, оплакали и погребли, как надлежало» [кн. V, гл. XXXVI].

Учитывая, что сами повести Фавстоса Бузанда, по сути, являются сборными раннехристианскими рассказами, написанные в V веке, многое в них, связанное с древними «языческими» представлениями армян, не столь верно было передано самим историком. Так, в приведенном отрывке отмечается, в частности, что «…Другие же надеялись, что он воскреснет и потому приставили голову к туловищу, пришили и поместили на кровле одной башни. Они говорили: “Так как (Мушег) был муж храбрый, то аралезы сойдут и воскресят его». Однако, по всей видимости, речь шла не о воскрешении мертвого тела, а об освобождении Тонких тел (в народе – вознесение души) с помощью аралезов. Упоминание же о восстановлении целостности тела князя Мамиконяна указывает на тот же смысл, который господствовал при изготовлении мумии жрецами-бальзамировщиками в Древнем Египте. Несмотря на неверное истолкование древнего погребального обряда, византийский хронист описал именно обряд вознесения тел умерших на дахму: «…поместили на кровле одной башни… Поставили стражу и ждали его воскресения (вознесение – прим. Э. М.), пока, наконец, разложился труп его. После того снесли его с той башни, оплакали и погребли, как надлежало », что указывает не только

на существование в Армении древнеавестийского обряда, но и на незыблемость этой традиции даже после принятия христианской идеологии.
В заключение необходимо отметить, что Бог Тир тесно связан с традицией о Великом Пришествии Саошъянта Астват Эрета, в армянской трактовке – Анушавана Сосанвера. Именно тогда, наступит День Воскресения Духов и Душ. Именно тогда, Тир в облике великого Писца-Гроха, проведет воскресших через Мост Чинват или Мазэ Камурдж (Мост Волос).
[10]К сожалению, не сохранилось ни одного прямого свидетельства о ритуалах погребения армянских Царей. Существуют лишь некоторые данные о том, что во время процессии дзайнрку-гусаны и плакальщицы исполняли скорбные песнопения, прославляя деяния усопшего. Известно также, что древние армяне, как и урартийцы и древние парсы, не придавали земле труп, по известному нам ритуалу. Сохранилось свидетельство Фастоса Бюзанда о том, что когда был убит Мушех Мамиконян, труп его был возложен на высокое место, дабы аралезы смогли его оживить. Это свидетельство, косвенно указывает, на то, что в древности, в Армении, могли практиковаться зороастрийские ритуалы погребения, во всяком случае, некоторые из них. Кроме того, недавние археологические исследования в Ахцке, в усыпальнице армянских царей, показали, что армяне использовали, как и парсы, оссуарии для захоронения останков, но не самих трупов. Возможно, практиковались и ритуалы сожжения.
[11] Неспасалары или нессасалары – особый класс служителей при авестийских, маздаяснийских храмах, которым позволялось свершать обряд очищения тела умершего и прикасаться к трупу - нессе или нассе.
[12] Дзайнарку-гусаны - жрецы-певцы при храмах Тира - Бога Тайной Мудрости.
[13] Власяной Мост, по которому следуют Души усопших. В конце прохода, ведомую Аралезами Душу встречал Великий Тир-Грох. В ведической традиции этому Мосту соответствует Мост Антахкарана. Эта же традиция связывает воедино Тира и Митру, в образе грядущего Майтрейи. Однако, вопрос о Доктрине Загробной Жизни у древних армян до сих пор остается открытым и вряд ли, когда-нибудь, на сей вопрос будет дан утвердительный ответ. Судя по разрозненным осколочным представлениям

можно лишь обрисовать силуэт этой Доктрины. Так, представление о переправе в виде Мазэ Камурдж почти полностью соответствует представлениям древних зороастрийцев, с той лишь разницей, что в иранских преданиях Мост Чинват соткан из различных лучей света, с различной шириной, а у древних армян данный мост является узкой власяной переправой.

[14] Одним из самых мрачных Богов дохристианской Армении, является Бог Торк Ангх. Происхождение этого Бога седой древности до сих пор не совсем известно. Однако о связи Торк Ангха с Царством Мертвых намекает сама Библия, где в армянском переводе Бог Нергал (Марс) переведен, как Торк Ангх. Дар Грифа, так переводится имя этого Божества с армянского языка. Примечательно, что в древности этого Бога связывали именно с Царством Мертвых, на что указывает само название Ангх.

Согласно древним преданиям, грифы освобождали Тонкие тела от бренной плоти, а сразу после смерти человека, сопровождали бессмертную триаду: Дух, Душу и Мысль в Загробный Мир. Та же традиция была и в Египте, где гриф почитался за одного из вестников Солнца-Духа. Несмотря на тот факт, что вышеупомянутые птицы были священны, к ним, как и к людям, отводившим тело на дахму (нессасаларам), применялся особый статус неприкасаемых (в буквальном смысле). Данный статус был распространен и на самого Торка Ангха, который описан во всех преданиях о нем, как великан одиночка, сторонящийся и Богов и людей. Бог этот, по сути, не был ни положительным, ни отрицательным, но вернее, нейтральным и к Добру, и ко Злу, и был Богом великого Молчания; так же назывались и дахмы в Иране – башни Молчания – киш или хуш (армянское слово <hnɩʔ> - <память>, возможно, происходит от этого корня-слова). Торк Ангх, однако, «требовал» к себе особого почитания и уважения, за неисполнения коих, как гласят предания, он страшно карал.

Только после принятия христианства Торк Ангх, как и многие другие Боги, преобразился в «исторического потомка» Хайка. По всей видимости, в силу того, что за Хайком было «сохранено» олицетворение Солнца, несмотря на то, что Хайк представлял собой Солнечную Арийскую Династию в широком аспекте. Рядом исследователям, все чаще признается древнехурритское и

древнехеттское происхождение образа Торка Ангха; сопоставляют миттанийского или хеттского Бога Торку с Торком Ангхом [Абегян, ст. 23-25, указ. труда; МНМ, т.2, стр. 520]. Согласно другой версии, образ этого загадочного Бога в Армении возник при слиянии двух божественных имен Турк или Торк и Ангеха или Ангеха [Абегян, там же, со ссылкой на Адонца, ук. тр.].

[15] Древнее название Ктесифона. Происходит от аккадийского Упи.

[16] Лаодика Коммагенская – дочь Антиоха I Теоса, представителя софенской ветви Ервандидов (Ервандиды-Гидарниды). Известна была своим коварством и властолюбием.

[17] Аспахапет – наследная княжеская должность в Парфии. То же, что и армянский титул аспет – главнокомандующий царской конницей. Однако в Армении, князья Багратуни, обладали большими полномочиями, в качестве венцевозлагателей, нежели князья Аспахапты в Парфии.

[18] Согласно древнеиранскому закону Богов невозможно как-то изобразить, кроме как в символах. Антропоморфные изображения Богов в Иране появились только при Сасанидах, когда произошло канонизирование Авесты, и превращения ее в государственную религию.

[19] Сетования Лаодики Коммагенской – намек на то, что Тигран, как и его дед Арташес, лишил старших Ервандидов Армении и Софены власти.

[20] До нас дошли лишь разрозненные данные о посвящениях в Мистерии Митры в Римском Империи. Однако, тот факт, что инициация состояла из Семи Кругов, не вызывает сомнения. Сами посвящения, которые известны в позднюю римскую эпоху, происходили из Древней Персии и Армении. Известно, что Трдат I Аршакид, номинально коронованный Нероном, инициировал посвящение Принцепса в Риме. По-видимому, также, без особых изменений, проходили посвящения и на заре эллинистической эпохи в Армении и Парфии. Несмотря на то, что нет никаких свидетельств о том, был ли посвящен в Мистерии Митры Артавазд II, этот факт может быть истиной, учитывая, что многие династы в Армении и всего Древнего Мира проходили стадии посвящения в подземных святилищах. Следует также отметить, что Посвящение в Мистерии Митры для армянских Царей древних Династий было делом обязательным, т.к. Митра являлся

покровителем Царской Власти. До Посвящения, Царь не мог обладать всей полнотой Власти в Государстве. К первым трем кругам – Ворона, Скрытого и Воина допускались многие, но с круга Льва и, завершая кругом Отца, начинались и завершались тайные или подгорные Мистерии, к которым допускались лишь избранные неофиты. Каждый из кругов был приурочен к одному из семи светил.

1. Ворон – Луне. Издревле ворон символизировал вестника между миром живых и миром теней. Луна, как древняя прародительница земной жизни, почиталась в качестве планеты теней. Отсюда и проистекают негативные верования, связанные с влиянием Луны. Ворон почитался носителем астральной мудрости.
2. Скрытый – Венере (арм. Արուսյակ Арусяк [Астхик]). С древнейших времен было известно, что планета Венера скрыта в тумане, сравните с древней армянской легендой о пелене Астхик. Афродита почиталась, как Богиня Божественной Непорочной Любви, скрытой от взоров и понимания смертных.
3. Воин – Марсу (арм. Հրատ Վահագն Огненный [Ваhагн]) – одна из ипостасей Митры в низшем аспекте).
4. Лев – Сатурну (Երևակ - Еревак) – видимый или образный. Одно из сложных в смысловом значении имен в древнеармянском. Этому светилу покровительствовал Зрван, в искаженных авестийских поверьях). Многие возразят, напомнив, что лев был символом Солнца. В этом они будут правы, но лишь – отчасти. В древности, Лев был амбивалентным символом, не только в глобальном аспекте, но и в локальном – астрономическом и астрологическом. Тому подтверждение многочисленные скульптурные изображения львиноголового Кроноса или Сатурна. Кронос – Бог Времени, а в образе льва этими функциями наделялся и Митра или Митраический Кронос или Сатурн. В данном значении его можно назвать Кроническим Солнцем или Сатурнальным – Солнцем властелином Времени или Циклов. Учитывая, что символизм Митраических Мистерий чудовищно древний и, по сути, не менялся, лев, как животное грозное и жестокое было отнесено к планете Сатурну, как древнейшему блюстителю Времени. Только в эллинистическую эпоху идейные значения двух светил слились воедино.
5. Добрый Пастырь – Арьяману – Юпитеру (арм. Լուսնթագ – Лусnthаг - Блистательный Венценосный. Богом планеты мог

представляться сам Арамазд). С ведических времен Арьямен почитался, как близнец Митры и был также связан с Солнцем, Индрой и Брихаспати – планетой Юпитер. Арьямен или Арьяману почитался, как Пастырь ариев (людей в широком аспекте).

6. Гонец Солнца – Меркурию (арм. Փայլածու [Տիր] – Сиятельный [Тир]). Ввиду своей близости к Солнцу Меркурий – Гермес – Тир, почитался Богом Мудрости. Ведический Будхи.
7. Отец – Митра – Солнцу (арм., в мужском аспекте -Արեգ - Арег, в женском аспекте – Արև - Арев или Արփի - Арпи). Солнце воспринималось в качестве Проявленного Логоса – Христа.

В каждом из кругов посвящения, испытуемый получал соответствующий данному кругу уровень знаний. Высшая степень посвящения, подразумевала Положение во Гроб и Воскрешение на третий день. Испытуемый должен был сам ввести себя в глубокое медитативное состояние, из которого он же себя и выводил. Однако, это было под силу единицам, а посему, в подобное состояние испытуемого вводил уже Посвященный адепт, который вместе с сознанием подопечного мог спроецировать свое сознание в мир Сновидений, контролируя ход мыслей испытуемого и помогая ему выйти из Тонкого Мира. Следует отметить, что многое из Мистерий Митры, впоследствии перешло в церковные ритуалы. Так, к примеру, раздача хлеба и вина (плоти и крови Господней), суть Митраическая священная трапеза. Черное облачение армянского монашества с остроконечными головными накидками у среднего и высшего церковного рангов, также восходит к Мистериям Митры; так облачались неофиты в круге Ворона. Миропомазание также является элементом Митраических Мистерий.

[21] Прошедших все таинства Подгорных Мистерий, нарекали «Дважды рожденными». Первое рождение – физическое, второе – духовное.

[22] Фосфорос и Гесперос имена планеты Венеры, соответственно в утреннее и вечернее время. Учитывая, что Артавазд, писал драмы на древнегреческом, здесь Царь называет планету не Арусяк, на армянском, а Фосфорос и Гесперос на греческом.

[23] Имеется ввиду миф об Артавазде, прикованном в расщелине Масиса. Артавазд признан Прометеем – образом восходящим к «Падшим» Ангелам. Тайны Артавазда и Прометея восходят к

древнейшим Митраическим и Диониссийским Мистериям и раскрытие этих тайн каралось смертью.
[24] Близ Армавира находилась священная роща платанов, посвященных сразу двум Богам – Тиру и Анушавану Сосанверу. По шелесту платановых листьев жрецы-прорицатели предсказывали события. Храмы и рощи, посвященные Тиру именовались Еразамуйн – буквально Снопровидение. Одним из таких мест был храм Звартноц – Храм Бдения.
[25] Эшма или Аэшма-дэва – Асмодей поздних евреев. Согласно авестийскому учению, демон сладострастия и похоти.
[26] Арта – Арта Вахишта. В Авесте, Богиня Божественной справедливости и Закона причин и следствий. По сути – Карма и Дхарма одновременно.
[27] Согласно древним преданиям, грифы освобождали Тонкие тела от бренной плоти, а сразу после смерти человека, сопровождали бессмертную триаду: Дух, Душу и Мысль в Загробный Мир.
[28] Друдж – Ложь. Единственная форма личностного зла в Древней Авесте. Ее никоим образом нельзя путать с Ангрох Манью – извечной формой Материи – близнеца Ахура-Мазды.
[29] Веретрагна – древневедический Вритрахан, армянский Ваагни. Согласно авестийскому учению являлся одной из ипостаси Митры.
[30] Намек на то, что слабый царь Абгар II был в тайном сговоре с Ородом. Именно он заманил армию Красса в пустыню. Несмотря на оказанную помощь парфянам, Ород лишил Абгара Престола Осроены в 53 г. до н. э.
[31] Парфянская и, впоследствии, Сасанидская армии славились, в основном, конницами, но не пехотой, которая играла роль вспомогательного войска. В отличие от иранской армии, в армянских войсках эпохи Тиграна и Артавазда, пехота играла более заметную роль, в силу того, что ведение оборонительных войн требовало создание более мобильных войск для горной пересеченной местности. Армянская конница по своей боеспособности считалась равной парфянской, а иногда и превосходила ее. Однако следует отметить, что армянская постоянная армия не была многочисленной (до 50000), что создавало определенные сложности во время частых войн. Большую часть войск составляли княжеские полки.
[32] Бдешх (древ. патиахш) - Бдешхами именовались великие князья пограничных областей Парфии, Сасанидского Ирана и

Великой Армении. В Армении, до 428 г., к ним относились четыре великокняжеских Дома: Агзникский, Кордукский, Нор-Шираканский (Парсагайкский) и Гугарский. Однако, в эпоху Арташесидов, по-видимому, было только два крупных бдешхства: Ахдзникское и Гугаркское.

[33] Имеется ввиду царь Осроэны Абгар II.

[34] Нуба - древняя армянская военная застольная песня, сопровождающаяся пляской.

[35] Марк Лициний Красс, был крайне недоволен тем, что Артавазд не оказал ему помощи в войне с Парфией, и готов был, по возвращении в Армению, наказать армянского Царя.

[36] У Плутарха, убийцей Красса являлся Памоксатр, по другим данным, им был Аксатр. Вернее всего, это искаженное от Ахшатар имя.

[37] Парфяне, в качестве демонстрации морального превосходства перед противником поднимали яркие знамена.

[38] Актеры в Древнем мире назывались иначе: протагонистами, антагонистами, дейтерагонистами, тритагонистами. Протагонист переводится, как первый или главный борец.

[39] Доподлинно неизвестно, кому на самом деле принадлежала идея использовать голову Красса в качестве «головы Пенфея». Ни Плутарх, ни кто-либо из римских историков не отмечает, что Ясону Траллийскому, кто-то посоветовал взять голову римлянина. Однако, учитывая, что Артавазду было известно, что Красс проиграет битву (посольство армянского царя было резко изгнано Крассом, когда были переданы слова царя о том, что римляне должны отступить и соединиться с армянскими войсками для общего отражения сил Орода), и то, что Сурен, еще до арташатского представления, инсценировал «триумф Красса» в Селевкии-на-Тигре, то вполне вероятно, что тайным инициатором арташатского представления с головой проконсула Сирии был именно Артавазд II.

[40] Страна коней - Каппадокия, от авестийского Катпадука - страна коней. В эпоху Ервандидов, Ариартидов, Митридатидов и Арташесидов была "яблоком раздора" между Великой Арменией, Малой Арменией, Понтом, Вифинией и Римом. Армянское название Каппадокии - Гамирк.

[41] "Предков край" - Малая Армения, одна из "колыбелей" древней армянской цивилизации, где было древнеармянское

жреческо-аристократическое государство Хайаса-Аззи в XVI-XIII веках до н. э.

[42] Великий князь Васак Слкуни, предположительно спарапет армянских и парфянских войск, и военный советник Пакора Аршакида. Сведения о нем сохранились в письмах Марка Туллия Цицерона – наместника Киликии, где упоминается военный помощник Пакора Осак.

[43] Малхаз или магхаз – одна из высших придворных должностей в Древней Армении. Возможно, эта придворная должность перекочевала в Армению из Парфии. Малхаз был главою царской стражи и, фактически, самым приближенным к Царю вельможей. Наследная должность князей Хорхоруни.

[44] Согласно сообщениям Цицерона, бывшего тогда императором Киликии, Артавазд II создал большую опасность для восточных римских позиций в Каппадокии, однако, сам в войну на стороне парфян открыто не вступил. Римско-парфянская война 41-38 годов до н.э., подвела очень противоречивый итог. С одной стороны, Рим – победил, т.к. смог, с помощью Публия Вентидия Басса, разбить силы Пакора (38 г.), но с другой стороны, парфянам удалось, с помощью Квинта Лабиена, разгромить римлян в первые этапы войны. Нет сведений о том, что армянская армия, открыто, участвовала в этой войне, но возможно Артавазд, отправив своего военачальника Васака Слкуни, который до своей гибели, фактически, командовал всей парфянской армией, направил и знаменитую армянскую конницу и лучников, которые выступали, как парфянские. Именно тогда, Артавазду и удалось, на короткий срок, получить Малую Армению. По всей видимости, после подведения итогов, дабы быстрее склонить Армянского Царя на сторону Рима (тем более, что официально, Армения оставалась союзницей Рима), Сенат решил «закрыть глаза» на действия Артавазда, и не стал требовать возврата, по сути, коренных армянских земель в Малой Армении. Таким образом, Артавазд II, официально не вступая в войну с Римом, с помощью дипломатии, подкрепленной золотом и армией, смог на 6 лет присоединить к Великой Армении Малую. Это была самая крупная и, к сожалению, последняя, победа его. На это, косвенно намекает то обстоятельство, что Малая Армения после пленения Артавазда была передана Артавазду Атропатенскому, как компенсация за войну с Антонием и, как дар за оказанную помощь в борьбе с Арменией.

[45] Речь идет об Антиохе I Коммагенском – союзнике парфян.
[46] Луций Кальпурний Бибул, командующий римскими войсками в Сирии в первые этапы войны с Парфией в 41-40 гг. до н. э.
[47] Ород II был отравлен по приказу Фраата, не без поддержки Лаодики Коммагенской, аконитом, но яд не подействовал, как смертельное средство, видимо из-за нейтрализирующего действия сладкого вина, в которое был подмешан. Поэтому, по распоряжению Фраата, Орода удушили.
[48] Лаодика в том же 38 г. до н. э. была убита по приказу ее сына Фраата. Она была захоронена в склепе ее братом Митридатом III. По иронии судьбы, в 38 году умирает и ее отец, знаменитый Антиох I Теос, кто ныне известен, как строитель знаменитого Святилища армянских Богов на горе Немрут.
[49] До того момента, когда римская и союзные армии не оказались в Атропатене, ни Фраату, ни Артавазду Мидийскому не было известно, об обходном маневре Антония по совету Артавазда. Парфяне и мидийцы ждали римлян на границе у Евфрата.
[50] Название трагедии Артавазда II – авторский вымысел, т.к. абсолютно не известно, что именно писал армянский Царь. До наших дней сохранились лишь разрозненные упоминания римских и греческих авторов о том, что Артавазд писал драмы и исторические произведения на древнегреческом. Однако, учитывая этот факт, вполне возможно, что Царь царей, будучи посвященным в Мистерии Митры, мог выдать определенные тайны Эпоптей, через свои произведения, как некогда Эсхил, за что и мог навлечь на себя недоброжелательное отношение некоторых жрецов.
Единственными строками из предполагаемой драмы Артавазда II являются строки, посвященные Дониссийским мистериям и Богине Анаит, здесь, как и в самом произведении представлены вольные авторские переложения, двенадцатистрочной надписи, найденной в 1911 году, акад. Я. И. Смирновым, в Армавире. По мнению ряда исследователей, в частности, А. И. Болтуновой, это и есть строки из пролога драмы Артавазда II [Болтунова, 1942; Гоян, 1952; Тревер, 1956].
«…Воинственней меня, Богини нет на Свете.
В словах моих нет хвастовства, лишь правда.
Я ужасы нисейские несу!
Я устранила ложное и зависть.
Кто строит дом, основанный на лжи,

Тот роет сам себе могилу.
Страдания постигнут лишь того,
Кто в безрассудстве сам не чтит Богиню…»

[51] Артавазд – древнеармянский образ Прометея и одновременно победитель Вишапов, древнейших Магов. Очень сложный и многогранный образ, сочетающий в себе как черты Прометея и скандинавского Логе (Локи), так и сына Паракшита Джанамеджая, покорителя змей. Артавазд закован в глубинах горы Масис (Арарат) и согласно преданиям восстанет, в тот же день, когда Митра (Мхер) выйдет из скалы. Изначально, образ этого героя восходил к Ашавазде, брату Титы, победителя Аши-Дахака. В дальнейшем, уже в позднюю аршакидскую эпоху Армении, образ этот тесно связался с историческим образом Артавазда I, сына Арташеса I, которого прозвали Шидар (Оборотный), за то, что он пошел против воли своего отца.

[52] Каджи - Кикропы или Корибанды, или Куреты.

[53] Существуют несколько описаний неудачного похода Антония, все они сообщают, что именно по причине отхода Артавазда, парфяне и мидийцы разбили римлян. Однако, все эти утверждения строятся на донесении самого Марка Антония. Истинная причина, заключалась в тактической и стратегической ошибке триумвира.

[54] Имеется в виду, что все союзы, которые заключил Антоний перед парфянским походом, были крайне ненадежны, т.к. все они были скреплены римским насилием. Так, в 37-36 годах, незадолго до появления в Армении Антония, Публий Канидий Красс, через силу навязал союз Артавазду, натравив на Армению иберов и албан. Именно это обстоятельство ставило под сомнение идею сплоченности между Антонием и союзниками, в первую очередь, с Артаваздом. Артавазд II, видя полную бездарность стратегии Марка Антония, приведшую, к разгрому сначала арьергарда с обозом, предвидел полное поражение римлян и потому отступил. Если даже вся армянская конница и пехота вступили бы в бой, это еще не означает, что они бы смогли спасти положение, т.к. не известно, сколько парфянских войск пустил Фраат на арьергард. Не известно также, был ли это спланированный отход со стороны Артавазда или нет? Также не известно, кто на самом деле охранял обоз и таран. Вероятнее всего, легионы Стациана были разгромлены до подхода войск

Артавазда, который отступил уже после того, как парфяне полностью разбили римлян.
[55] Аршак – общее собирательное имя для всех монархов Парфии.
[56] Речь идет об убийстве Верховного жреца храма в Ани-Кемахе и захороненного в Багаване Мажана, сына Арташеса I. Убийство, по преданию было спланировано его братьями: Тиграном и Артаваздом.
[57] Артавазд II, один из немногих владык древней Династии Ервандидов-Арташесидов, кто при жизни имел титул «Божественный», что указывало на высшее Посвящение Артавазда. Краткий титул Артавазда был: ΤΟ ΒΑΣΙΛΕΙΟ ΤΩΝ ΒΑΣΙΛΕΙΩΝ ΤΟΥ ΘΕΟΥ. Среди армянских династов того периода, этим титулом был награжден также Антиох I Ервандид-Птолемаид Теос.
[58] Артавазд Мидийский по женской линии восходил к Арташесидам-Ервандидам. Согласно Диону Кассию, одна из дочерей Тиграна II была замужем за Митридатом I Мидийским, который приходился дедом Артавазду.
[59] Львиноголовая Сехмет с коброй на голове являлась Богиней жара, войны, охранительницей от врагов и болезней. Она ипостась Богини Тайной Мудрости Шесемтет и одновременно ипостась Исиды.
[60] Призрак Верховного Жреца Арамазда-Ванатура Мажана или Матана (Մերուժան կամ Մեհրոժան – Меружан от более раннего – Ме[h]рожан), в честь которого был сооружен жертвенный мемориал в Багаване, издревле считался охранителем тех мест от врагов. Данные поверья были распространены до конца XIX века. По легендам призрак Мажана обитал в самой глубокой пещере горы Нпат.
[61] Речь о тайном проклятии Дома Ервандидов, о чем очень туманно упоминает Мовсес Хоренаци в своей Истории Армении.
[62] В условиях безвластия, Арташес, по всей вероятности, успел провозгласить себя царем, не дожидаясь развязки с Римом и Парфией. Этот, чисто политический ход, отнимал и у римлян, и у парфян возможности диктовать армянскому царю условия восшествия на Престол.
[63] Нанэ - Богиня Целомудрия и Мудрости, в Древней Армении почиталась, как первая Ипостась Матери Анаит. Являлась также Богиней Воинской Доблести и Госпожой Святости.

[64] По разрозненным древнеримским данным, в основном по Тациту и Диону Кассию, у Артавазда II было три сына: Арташес, избежавший римского плена, Тигран и Артавазд, последний в период пленения был мальчиком.
[65] Тюхе – Богиня Жребия и Судьбы. Именно она покровительствовала многим городам в древности. Арташат был одним из них.
[66] Квинт Деллий, сподвижник Марка Антония, по сообщениям Плутарха и Диона Кассия, являлся автором несохранившегося труда «О войне с парфянами». За Деллием признавался талант дипломата и оратора.
[67] Имеется ввиду непостоянство Деллия в период Гражданских войн в Риме. За глаза его называли desultor bellorum civilium, т.е. циркач-наездник гражданской войны.
[68] В 41 году до н.э. Деллий был отправлен Антонием за Клеопатрой, которая впоследствии очаровала римского триумвира. С тех пор и до 31 г. до н. э. Антоний покровительствовал Деллию. Однако, это не помешало самому Деллию, предать своего патрона и перейти на сторону Октавиана, еще до битвы при Акциуме.
[69] Согласно ряду разрозненных преданий, в основном сохранившихся у т.н. Агатангехоса, при подходе вражеских сил к храмовому комплексу Престол Анаит, стражники-кузнецы били в большие наковальни и гонги, охраняя ее Престол, предостерегали всех, кто посягнет на удел ее [Ананикян, гл. 3, «Мифы Армении», пер. Левченко В., Москва, изд. «Центрполиграф», 2010.]. Нет сомнения в том, что этими кузнецами в древности также являлись Кабиры или Корибанты – Древние Боги у Престола Великой Богини.
[70] Имеется ввиду, что «Отец трагедии» был приговорен к избиению камнями, за раскрытие тайн Богов.
[71] Во время шествия, особый раб напоминал триумфатору «momento mori (помни, что смертен)».
[72] Пресловутый триумф Антония, очень плохо был воспринят современниками в Риме, т.к., во-первых, у Антония не было никаких прав на проведения триумфа, во-вторых, Антоний, проведя триумф перед своей любовницей в Египте, пренебрег Законом Рима. К тому же, этот триумф, современники считали верхом безвкусицы.

[73] Артавазд II, на «триумфе» обратился к Клеопатре, как к равной, также поступили и члены Царской Фамилии.
[74] Намек на насильственное лишение прав и жизней всех наследников Тиграна, со стороны его самого.
[75] Сын Антония и Клеопатры - малолетний Александр был провозглашен в Египте Царем Армении, после т. н. триумфа над Артаваздом II. Он, так и не увидел Престол Ерванда и Арташеса...
[76] Клеопатра Селена, приходившаяся по отцу бабкой Клеопатре, была пленена, а после умерщвлена Тиграном II, после взятия Птолемаиды Сирийской в 70-69 гг. до н.э.
[77] Имеется ввиду запланированный поход Антония на Парфию в начале 33 г. до н. э. Однако, он так и не состоялся из-за угрозы со стороны Октавия.
[78] Арсиноя, старшая сестра Клеопатры, поднявшая восстание жрецов против Цезаря. Была укрыта в Священном и Великом Храме Артемиды Эфесской, однако, Храм был хамски осквернен убийством Арсинои, наемниками Клеопатры и Антония.
[79] Сын Арташеса I Великого, Артавазд I, прозванный Безумным (годы правления: 160-115 гг. до н.э.), по сути, является самым загадочным Царем Великой Армении. Будучи успешным в войне с Митридатом II Парфянским, он, все же проиграл конфликт дипломатически и передал на воспитание Парфянскому Двору своего племянника Тиграна - будущего Тиграна II Великого. Исторических свидетельств об Артавазде практически не сохранилось, за исключением, искаженной до неузнаваемости древней легенды об Артавазде и Тени Царя Арташеса, которая проклинает Артавазда на вечное изгнание и заточение в скалах Масиса. Эта легенда является отголоском более древнего Сказания об Артавазде-Титане. По всей вероятности Артавазд I был в постоянном конфликте, как с князьями так и со жрецами, что и послужило смешению образов эпического авестийского Героя и армянского Царя.
[80] Имеется ввиду разногласие между Тиграном и Митридатом Евпатором в политике относительно Рима. После поражения Лукулла в войне с Тиграном, Митридат вновь был посажен на Понтийский Престол в 68 -67 гг. до н. э. Однако, вскоре Помпей, изгнав Митридата, напал на Армению и Тигран, из-за начавшихся брожений в приграничных регионах и враждебности жены Клеопатры - дочери Митридата, пошел на "мировую" с

Помпеем, до этого объявив Митридата виновником распри между Арменией и Римом и между ним и его сыном Тиграном Средним - наместником, Софены.

[81] Имя Христос (Χριστός), которое ныне трактуют, в угоду иудаизму, как перевод с иврита Машиах (Мессия), на самом деле древнее самой еврейской письменности и восходит к индо-иранскому (индоевропейскому) корню Хар, отсюда и древнеармянское Խարույկ (Харуйк) – священный костер или очаг. Отсюда и славянское имя Хорс – одна ипостасей Солнца. Древние обозначали этим именем Помазанного огненным маслом (χρῖσμα) – освященным священным огнем. Таким образом, имя Христос относилось к высшей степени посвящения в Мистериях Солнечных, таких как – Митраические. Именно с этой степенью связано Помазание на Царство, т.к. данный обряд проводился только в подгорных Мистериях, и символизировал Высшую Жертву – Царство. По этой причине Иисус – носитель Принципа Христа, что также созвучно Принципу Логоса, был назван Царем. Христос – Высший Жертвенный Принцип – Агнец Божий. Однако, кроме данного имени в эллинистическом мире было распространено имя Хрестос (Χρήστος) – добрый и благочестивый человек. По сути, Благочестие способствовало обретению высшей цели – жертвенности во Благо Мира – становление Христа.

[82] Загрей – древнее имя Диониса.

[83] Фиады – Вакханки.

[84] Намек на древние Дионисийские Мистерии, известные во всем Эллинистическом мире.

[85] Не известно, как на самом деле был убит Артавазд II. Однако, учитывая, что он, будучи плененным, не был официально свергнут и сохранял за собою ряд священных привилегий, и вопреки расхожему мнению о том, что был сразу же обезглавлен по приказу Клеопатры, был, скорее всего, сначала тайно отравлен или заколот. Убийство Царя, а тем более Царя с титулом Божественный, в Древнем Мире было намного сложнее осуществить, нежели это кажется многим современным историкам.

[86] Митра издревле почитался также и Богом-Судией в загробном мире. Именно Митра есть Истинный Христос-Искупитель.

[87] Голову Артавазда II Клеопатра отправила в Мидию. Здесь смола противопоставляется мирре. В действительности, голову

Артавазда могли забальзамировать и отправить в Атропатену. Таким образом, по иронии Судьбы, как подумают многие, Клеопатра, сама того не ведая, упрекнула Артавазда Атропатенского в том, что тот добился смерти Посвященного – Помазанного (Христос).

ПРИМЕЧАНИЯ К ТРАГЕДИИ «АРТАШЕС II»

[88] Самоубийство Клеопатры, а также ее рабынь, с древнейших времен вызывает немало споров. Скорее всего, царица Египта убила себя отравленной булавкой. Знаменитый эпизод с болотной гадюкой, всего лишь приукрашенный рассказ.
[89] По сообщению Диона Кассия, Октавий не пожелал видеть Священного Быка Аписа, посчитав это суеверием.
[90] Намек на смерть Арташеса II и рождение любимого пасынка Октавиана Августа Гая Юлия Цезаря Випсаниана, который позже будет тяжело ранен в Армении, отчего в 4 г. н.э. умрет.
[91] Орк или Оркус – этрусский, а позже древнеримский Бог смерти, отождествлялся с Диспатером, а позже с Плутоном.
[92] Сразу после восстановления царской власти, как сообщают римские хронисты, Арташес приказал перебить всех римлян в Армении, что неоднозначно расценивалось даже тогда.
[93] После изгнания римско-мидийских войск из Армении, власть над Атропатеной перешла Династии Арташесидов, и Арташес II принял титул «Царя царей». Это был последний армянский самодержец Династии Арташесидов, кто обладал этим титулом по праву.
[94] Артавазд Атропатенский (Мидийский), через Малую Армению и Каппадокию, бежал в лагерь Гая Октавиана.
[95] По причине римских погромов, Октавий отказал Арташесу II в возврате членов царской семьи, как сообщает Дион Кассий.
[96] В древней Армении платан почитался за древо Бога Тира. В священной роще платанов, жрецы прорицали по шелесту листьев.
[97] Речь идет об Иотапе, впоследствии вышедшей замуж за царя Архелая.
[98] Напряженность вокруг Армении, в целом, и вокруг Арташеса, в частности, в первую очередь, создавал сам Рим. По всей

видимости, убийство армянского царя было спланированной акцией не без участия римских лазутчиков.
[99] Обращение армянского князя к Октавиану, указывает на то, что, несмотря на фактическую власть «наследник» Цезаря к тому времени не был Августом, а по происхождению Гай Октавиан Фурин был не выше любого свободного гражданина Рима.
[100] Намек на заносчивость незнатного Гая Октавиана Фурина, крайне набожного и суеверного, особенно боязливого при виде снов.
[101] Сирия с 83 по 66 годы до н. э. входила в состав Армянской Державы.
[102] «Предков край» - Малая Армения, которую Рим передал Артавазду Мидийскому.
[103] Афинаида Коммагенская – супруга Артавазда Атропатенского, была из династии Ервандидов-Птолемаидов, дочь Антиоха I Теоса.
[104] Артшат-на-Араксе – крепость резиденция в Нахичеване (древний Гохтан).
[105] Почти весь период царствования Арташеса II ознаменован борьбой двух аристократических группировок: проримской и пропарфянской, в которую были невольно вовлечены и члены Династии Арташесидов.
[106] Здесь представлена авторская вольность. Не известно, была ли связь Софенских Ервандидов с Тиграном или нет, но то, что династы Софены со времен первых Арташесидов были в оппозиции к новой Династии, факт известный.
[107] Речь идет о Трдате Аршакиде, главном внутреннем враге Фраата IV, который, опираясь на поддержку Рима несколько раз восставал, и один раз очень успешно, против Фраата.
[108] Известно, что Фраат IV проложил свой путь к власти, убив почти всех родных мужского пола, дабы никто не мог оспаривать его права на Престол.
[109] Аквилы – знаменитые золоченные орлы легионов. С потерей аквил, легионы расформировывались. Знамен, известных в Парфии и в Армении, Рим в эпоху Поздней Республики и Ранней Империи не имел. Они появились намного позже.
[110] Многие важные вопросы в Парфии Царь решал вместе с другими представителями Рода Аршакидов.
[111] Определение «друг и союзник Рима» означало зависимость.

[112] Фраат очень долго сопротивлялся всем попыткам Рима вернуть аквилы и пленных. Только прямая военная угроза Рима в 21-20 годах до н.э., устранение главного союзника Парфии Армении, в качестве враждебной Риму державе и ослабление Фраата IV длительной враждой с братом – Трдатом Аршакидом, ускорило возврат.
[113] Между Марком Агриппой и Марком Марцеллом была вражда за право наследства Гайя Октавиана Августа. Эта борьба завершилась со смертью Марцелла.
[114] При жизни Арташеса, армянские князья окрестили жестоким безумцем, для легкого свержения и оправдания в глазах народа.
[115] Согласно Диону Кассию и Корнелию Тациту, некоторые проримски настроенные армянские князья, в действительности отправили Августу письмо с просьбой посадить на Армянский Престол среднего сына Артавазда II Тиграна.
[116] В древней Армении, с учетом ряда исторических особенностей, некоторые князья-управители, еще в доаршакидский период обладали определенными наследными правами и властью, с этими элементами самоуправления считались армянские цари. Однако, с наращиванием местной власти, эти формы самоуправления, зачастую, подрывали военную мощь Армении, что отразилось на ряде вторжений в эпоху Артавазда и Арташеса. По-видимому, трагедия Артавазда II тесно связана с тем фактом, что ряд армянских князей, попросту не прислали военных контингентов для отражения римского нашествия. Этому способствовали и внутриполитические неурядицы, явившиеся следствием конфликтов между царской и номовой властью. С учетом того, что Артавазд II мог ограничить или даже упразднить роль всеобщего совета князей Ашхаражохова, могла образоваться внутренняя тайная оппозиция Артавазду. Однако, это всего лишь одно из предположений.
[117] Об убийстве Арташеса II и восстании армянских князей до входа в Арташат Тиберия и Тиграна Арташесида в Арташат, указывают, как Август в своем «Завещании» так и почти все римские историки того времени, однако подробности этого преступления не известны.
[118] Убийство Арташеса II было спланировано до вторжения Тиберия еще и по той причине, дабы посланник Августа не разрушал Арташата при штурме, ибо многие еще помнили тогда

нашествие Антония на столицу Армении. Единственный, кто мог выступить против римских захватчиков, был Царь.
[119] Гибель Арташеса II и коронацию Тиграна Тиберием Нероном, в Риме восприняли, как великую победу. По распоряжению Августа были отчеканены золотые монеты с портретом Октавиана и искаженной Тавроктонией, намекающей на то, что Армения принесена в Жертву Риму не исконно арийским и армянским Богом Митрой, а римской Белонной или Фортуной с бравурной надписью в типичном римском стиле: «Армения капитулировала – Armenia capta».
[120] Намек на то, что Тиберий был замучен в старости, по приказу Калигулы, голодом.
[121] Легендарный патриарх [Н]айк (Հայկ) по древнейшим описаниям, сохранившимся через Мовсеса Хоренаци, был гигантом, также как и его противник Бел. Легенды о Хайке уходит в глубокую древность - за 7800 лет до нас и за 5800 лет до н. э. Данные легенды повествуют о борьбе двух Божественных династий – Солнечной и Лунной. Впоследствии Хайк – Великий охотник пред Богом, был отождествлен в Армении с Орионом.
[122] После убийства Арташеса II, Армения так и не смогла оправиться и восстановить былое могущество. Тигран III, хотя и был номинальным «другом» Рима, также мечтал о возрождении мощи Армении, но тщетно. Его сын Тигран IV и дочь Эрато, правившие с небольшими перерывами с 8 года до н. э. по 1-2 годы н.э. явились последними прямыми потомками некогда великой Династии. После ухода (возможно насильственного) Эрато в 12 году, в Армении наступает период «чехарды царей» и эпоха смут. Этот период завершился только к 60-м годам н. э., с утверждением Младшей ветви Парфянских Аршакидов, которые процарствуют с переменными успехами до 428 г.
[123] По сути, древние Ервандиды (не считая бактрийских по происхождению Гидарнидов – породнившихся с Ервандидами при Ахеменидах) и Арташесиды-Ервандиды или попросту, Арташесиды, были чуть ли не единственными коренными армянскими Царскими Династиями, правившие Арменией в древности, не считая Царей Божественной Солнечной Династии Хайкидов. Именно от Ервандидов ведут свое начало такие Династии, как Багратиды, Арцруни и иберийские Фарнавазиды. В сущности, вся генеалогия Династии Ервандидов и их множественных ответвлений, до сих пор остается не выясненной.

К примеру, по мнению Н. Адонца, Арташесиды восходили к первым Ервандидам доахеменидской эпохи, а сами сатрапы Армении были породнены, уже при Дарии, с Гидарнидами. Следовательно, учитывая правоту ряда исследователей, можно предположить, что Арташес I, именуя себя в арамейской надписи MLK RWNDKN (ԱՐՔԱ ԵՐՎԱՆԴԱԿԱՆ - ЦАРЬ ЕРВАНДИДСКИЙ), по сути, восстановил права на Армянский Престол более древней и истинной, в исконном аспекте, Династии Ерванда Краткотечного и Тиграна.